

200/100
Бібліотека „Нового Сатирикона“.

Арк. Аверченко, Арк. Буховъ,

Георгій Ландау, Н. А. Тэффи.

АНАТОМІЯ И ФИЗИОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ПСИХОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Составлено
по источникамъ и такъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія «Грамотность», 5 ая Рождественная, д. 44.

1916.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагая любезному и снисходительному вниманію русскаго читателя небольшую книгу подъ общимъ заглавіемъ «Анатоміи», авторъ ея считаетъ себя обязаннымъ послать предварительно нѣсколько словъ по адресу тѣхъ свѣтилъ человѣческой мысли и науки, чьи труды послужили для него надежной опорой при составленіи этой книги.

Только при блескѣ немеркнущихъ лучей, исходящихъ отъ творенія людей, имена которыхъ встрѣтитъ читатель, разсѣянными по всей книгѣ, авторъ ея рѣшился обосновать свой скромный трудъ не на обычныхъ принципахъ, полагаемыхъ въ видѣ фундамента для составленія различныхъ «курсовъ» Анатоміи и Физиологіи, но на совершенно новомъ представленіи о томъ, что болѣе всего нужно современному образованному читателю, когда въ немъ пробуждается потребность пытливо и быстро заглянуть въ тайну человѣческаго организма.

Цѣль этой книги совсѣмъ не въ томъ, чтобы насильственно сосредоточить вниманіе и интересъ читателя на той или иной точкѣ многогранной, гармоничной и прекрасной призмы, которая носить названіе человѣческаго организма въ цѣломъ. Ея цѣль и задача бросить на эту призму пучекъ свѣта, который, хотя бы на одинъ только моментъ, освѣтилъ ее всю, заставилъ бы ее играть сразу

всѣми цвѣтами и всѣми изломами ея сложной физической и психической структуры.

На ряду съ этимъ одной изъ главныхъ заботъ со стороны автора—было воздержаться отъ малѣйшей попытки давленія на свободный и свѣжій мозгъ читателя, ограничиваясь приведеніемъ различныхъ теорій, гипотезъ и методовъ, за стройность которыхъ лучше всего говорить, какъ имена творцовъ, такъ и несравненное мастерство ихъ развитія.

Лучшее, что можно было прибавить къ нимъ, это—нѣсколько иллюстрацій въ формѣ философской и беллетристической, способной смягчить кажущуюся сухость той или иной научной теории или оживить трактовку той или иной, слишкомъ, быть можетъ, спеціальной области.

Подавляющее большинство ссылокъ относится къ иностранной научной литературѣ, что вполне понятно, если принять въ расчетъ молодой возрастъ, хотя бы и быстро шагающей впередъ, русской науки.

Послѣдовательность изложенія крайне проста, а именно: начатое сверху—съ волосяного покрова, оно окончено пяткой.

ВОЛОСЫ.

«Волосы человѣка дѣлятся на мужскіе и женскіе; первые называются обыкновенно лысиной, вторые—прической».

Приведа эту цитату изъ классическаго труда Германа Баума, не знающаго соперниковъ въ искусствѣ научнаго классифицироваія, мы сразу перейдемъ къ другимъ источникамъ, болѣе легкимъ, болѣе отвлеченнымъ и болѣе, пожалуй, соответствующимъ той методѣ, которая была намѣчена нами въ предисловіи къ этой книгѣ. А, кромѣ того, развѣ вопросъ человѣческой шевелюры не лежитъ гораздо ближе къ области эстетики, чѣмъ чистаго естествознанія?

а. Мужскіе волосы. (Лысина).

Вотъ крайне интересныя и поэтическія мысли Франсуа Гобле (François Goblet), профессора анатоміи въ Сорбоннѣ («Моя автобіографія»—стр. 1819).

«Мнѣ семьдесятъ одинъ годъ, возрастъ, когда всѣ чувства и страсти находятся въ состояніи наивысшаго своего подъема, какъ будто предчувствуя недалекое приближеніе нѣжной, лиловой меланхоліи осени.

Все ваше существо открыто и полно неясныхъ ожиданій, какъ цвѣтокъ проснувшійся на зарѣ лѣтняго утра отъ жажды. чтобы солнце и пчелы выпили его влагу.

На его лепесткахъ, на трепетномъ бархатѣ тычинокъ
горятъ капельки ароматной росы—вѣчно юный даръ пер-
вому поцѣлую вѣтерка, улыбка луча, объятію бабочки.

Мимо моего стола мелькаетъ фигура дѣвушки; я слы-
шу за спиной легкое шуршаніе ея платья; вотъ что-то на
мигъ коснулось моей головы и надъ ней взлетѣло облачко
пыли.

Одно прикосновеніе пуховки и уборка моей шевелюры,
гладкой, шелковистой и розовой, окончена.

Я слѣжу, разсѣянный, съ улыбкой на губахъ, какъ но-
сится и порхаетъ ея пуховка надъ моимъ столомъ, впус-
тивая то тамъ, то тутъ такое-же облачко, то съ большой
фарфоровой лампы, то съ чернильницы, то съ пресс-
палье собаки.

— Милая дѣвушка...

Иногда я слышу ея серебрястый голосъ:

— Мосье...Тряпкой прикажете протереть? Un coup de
torchon?

Я съ улыбкой качаю головой.

Зачѣмъ?... Развѣ красота, даруемая человѣку пол-
нымъ отсутствіемъ волосъ нуждается въ уходѣ за ней
тѣми средствами, что требуютъ эти грубые, спутанные па-
разиты, что получаютъ свое питаніе отъ остатковъ сохра-
нившася въ мужчинѣ варварства? Волосъ на головѣ
мужчины—что это? Слѣдъ клейма, наложеннаго на пер-
вобытнаго человѣка, обреченнаго, подобно звѣрю, на без-
силіе прикрыть свое тѣло отъ ночного холода, чѣмъ ни-
будь, кромѣ брошенной ему природой, на вѣчное носеніе,
шкуры, или жалкая пародія на женщину—единое суще-
ство, которому идутъ волосы?

Однако, далеко не всѣ лучшіе люди раздѣляютъ по-
добный взглядъ на природу, назначеніе и эстетическія
особенности мужского волоса.

Вотъ отрывки изъ незаконченнаго труда Самуэля

Хита (Samuel Whit. 1874-1911), издавнаго недавно въ Англии подь общимъ названіемъ «Погоня за волосомъ».

«Бѣгство человѣка отъ лысины—какая химера! Какой жестокой, скорбный и нелѣпый самообманъ!!

Безумцы, остановитесь!

Какъ бы быстро вы не бѣжали, на какихъ бы крыльяхъ вы не летѣли, она (лысина) сидитъ на вашей головѣ и будетъ сидѣть, совершая вмѣстѣ съ вами пути въ пространствѣ и времени, но, не покидая, ни на одну сотую секунды, своего трепещущаго основанія.

Безумные, вы напоминаете мнѣ лошадь, что желая избавиться отъ наѣздника, все ускоряетъ и ускоряетъ свой бѣгъ, не будучи въ состояніи сообразить, что умъ больше выбивается она изъ силъ, тѣмъ ближе и вѣрнѣе становится торжество ея мучителя.

Не тратьте напрасно силъ на бесполезное сопротивленіе—это вамъ говоритъ человѣкъ, проведшій лучшіе десять лѣтъ своей жизни въ борьбѣ съ абсентеизмомъ волосъ, или проще говоря, съ лысиной, въ борьбѣ, отнявшей у него и силы, и вѣру во всемогущество человѣческаго генія.

Друзья мои, лысина на головѣ мужчины подобна каплѣ воды, брошенной на листъ промокательной бумаги.

Сперва вы видите только небольшое пятнышко, потомъ оно начинаетъ расти и роста пока не приметъ своего максимальнаго размѣра, устанавливаемаго запасомъ капли и свойствомъ бумаги. Когда на вашей головѣ появится такое пятнышко, отраженное внезапнымъ біеніемъ вашего сердца, или отброшенное легкой тѣнью на черты любимой женщины, или сосредоточенное въ искрѣ торжествующаго злорадства въ зрачкѣ соперника,—не теряйте драгоценныхъ силъ и времени въ неравномъ поединкѣ съ неизбежностью.

Вспомните эти слова великаго человѣка: «дайте мнѣ точку опоры и я поверну землю». Если есть такая точка,

те она находится на чьей нибудь лысинѣ; ничто въ мірѣ не въ состояніи заставить эту лысину покинуть, разъ ею излюбленно основаніе, ибо она — эмблема постоянства, опущенная на голову человѣчества.

«Удержатъ волосы»... какъ это легко говорится и легко пишется.

Господа, не вѣрьте! Можно «удержатъ за волосы» кого угодно и отъ чего угодно, но «удержатъ волосы» — мечта поэта или бахвальство мошенника.

Волосы, это птицы. Волосы, это — полевые цвѣты. Волосы, это — дыханіе вѣтра. Волосы, это — любовь.

Какъ удержатъ волосы? Какъ?

— Мазью и спиртомъ, — слышу я тихій отвѣтный шопотъ. — Пиксафономъ.

Мазью и спиртомъ... Пиксафономъ....

Боже мой!..

Возродите опавшій цвѣтокъ, подвязавъ бичевкой его поблекшіе лепестки!

Удержите весенній вѣтеръ, усѣявъ поле липкой бумагой для ловли мухъ!!!

Верните любовь мѣдными звуками алгебраическихъ формулъ!!!

Господа, когда тихо, тихо падаетъ, когда-то вашъ босль, шелните ему: прости.

Не цѣпляйтесь за него; не проклиняйте, какъ тихаго вора, уносящаго съ собой часть вашей красоты, вашего богатства. Ваши мольбы будутъ напрасны, ваши проклятія будутъ несправедливы.

Потому что, скорбные, лысые мученики: волосъ, это — птица; волосъ, это — любовь; волосъ, это сонъ, снизошедшій на вашу усталую голову въ лѣтнюю, теплую ночь».

Есть ли въ міровой литературѣ строки болѣе вдохновенныя, поэтическія и скорбныя, посвященныя волосу

мужчины?—спросимъ мы у читателя. Мы думаемъ, что нѣтъ.

Какъ ни странно, на первый взглядъ, но для полнаго ознакомленія съ природой и свойствами мужского волоса мы должны, окунуться, на одну минуту, въ столь чуждую натуралисту область финансовыхъ операций, подъ названіемъ отдѣла внутреннихъ займовъ. Всякому извѣстно, насколько распространено среди небогатыхъ волосами мужчинъ обращеніе, къ такъ называемымъ «внутреннимъ займамъ». Вотъ какъ трактуегь сущность такой операціи Джонъ Брайтъ, извѣстный англійскій экономистъ, признанный авторитетъ по внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ какого бы то ни было характера.

«Первое и необходимое условіе внутренняго волосаго займа, какъ и всякаго займа, состоитъ въ наличности извѣстнаго капитала, который бы допускалъ фактическую возможность черпанія изъ него суммы равной совокупной стоимости всѣхъ выпущенныхъ облигацій, считая по курсу».

Наименьшимъ количествомъ волосъ на головѣ, исключающимъ такой случай является одинъ волосъ, на одной сторонѣ головы, обладающій достаточной длиной, чтобы его можно было перекинуть вершиной на другую сторону и тѣмъ создать, по возможности, полную иллюзію обильной шевелюры.

Совершенно понятно, что подобная операція возможна только подъ очень высокіе проценты, такъ какъ она лишаетъ подшедную на заемъ сторону всякой дальнѣйшей кредитоспособности и силы.

Если тотъ же волосъ растетъ посрединѣ головы, то, строго говоря, внутренняго займа сдѣлать невозможно, по крайней мѣрѣ въ полномъ финансовомъ и банковскомъ смыслѣ этого слова. Но это, конечно, не исключаетъ возможности, путемъ частаго перекидыванія волоса съ одной

сторонѣ на другую, вызвать въ окружающихъ подобіе оптически-финансоваго обмана и въ концѣ концовъ убѣдить ихъ, что ваша голова перекрыта волосомъ полностью. Операция эта тѣмъ надежнѣе, чѣмъ чаще перекладывается волосъ и вполне надежна, когда число такихъ перекладываній не менѣе шестнадцати въ секунду—что, какъ извѣстно, есть предѣлъ скорости отдѣльныхъ оптическихъ воспріятій.

При двухъ волосахъ и выше, реализация внутренняго волосяного займа, проходитъ обыкновенно, безъ всякихъ затрудненій обычнымъ порядкомъ, причемъ мѣняются только тѣ или иные приемы и формы, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ частныхъ въ расположеніи суммъ.

Заканчивая отдѣлъ «мужского волоса», мы не можемъ не указать на одну особенность этого вопроса, вѣроятно, уже замѣченную самимъ читателемъ, а именно, что почти весь вопросъ о «мужскомъ волосѣ» сводится къ случаямъ его полного или частичнаго отсутствія.

Это вполне понятно: будь волосъ такою-же неотъемлемою принадлежностью мужчины, какъ, на примѣръ, его грудобрюшная преграда, то все его описаніе свелось бы, въ концѣ концовъ, къ стереотипной фразѣ: тонокъ, нену-женъ и держится на луковицѣ.

Не правда ли?

в). Женскіе волосы (прическа).

Женскій волосъ весьма отличается отъ своего мужского собрата не только внѣшне-значительно большей длиной, но и внутренне,—по физическому устройству.

Прежде всего онъ совершенно не нуждается для своего развитія и питанія, въ луковицѣ, требующей непрѣмѣнно въ качествѣ почвы, голову человѣка.

Женскій волосъ растетъ обыкновенно на простой крѣпкой сѣткѣ, натянутой на, такъ называемомъ, «бол-

ванъ»—грубомъ подобіи человѣческой головы изъ обтянутого краснымъ бархатомъ дерева или картона.

Единственно, что для него требуется, это побольше солища, почему растущіе женскіе волосы чаще всего можно встрѣтить за широкой витриной парикмахерскаго магазина.

Интересно, однако, что женскій волосъ, выросшій на свободѣ, весьма неохотно сживается съ женскимъ же волосомъ, но вырощеннымъ по мужскому способу, т. е. изъ луковицы и на головѣ самой женщины. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ обычнымъ антагонизмомъ существъ, выросшихъ при разныхъ условіяхъ, или какую-нибудь другую причину, только нѣтъ ничего труднѣе, какъ примирить, на одной и той же женской головѣ, обѣ эти породы.

Если нормальный цвѣтъ ближайшихъ къ кожѣ дамы волосъ черной, то оттѣнокъ свободныхъ пришельцевъ будетъ обязательно сѣрый или рыжеватый. Если луковичный, домашній волосъ золотистъ и свѣтелъ, то волосъ со стороны желтъ и неопредѣлененъ.

Но рѣзче всего выявляется вся разница ихъ характеровъ, когда мѣстныя условія вынуждаютъ женщину сразу удлинить свои волосы въ два или четыре раза, чтобы составить косу. Срощеніе обоихъ видовъ волосъ („скрещиваніе“) происходитъ обыкновенно столь болѣзненно, что на его мѣстѣ навсегда остается длинная темная тесьма, концы которой не поддаются никакому сокрытію или уничтоженію.

Рафаэлло Бесси, социологъ и профессоръ университета въ Болоньѣ, знакомить насъ со слѣдующими разсужденіями по поводу „вторичныхъ“, какъ онъ называетъ, волосъ женщины:

„Давъ возможность женщины добывать себѣ волосы на сторонѣ, судьба сняла съ ея плечъ еще одно лиш-

нее бремя—тратить свой досугъ и энергію на произрастаніе волосъ на собственной головѣ—еще одно лишнее доказательство въ пользу введенія закона, охраняющаго материнство. Еще одинъ лишній козырь въ рукахъ борцовъ за сохраненіе полного размѣра вознагражденія женщинѣ, вынужденной прекратить на время работу, вслѣдствіе ожиданія ребенка.

Сама природа даетъ намъ примѣръ и указаніе, до какой степени надо беречь женщину!“

Наше знакомство съ человѣческимъ волосомъ было бы неполно, если бы мы не остановились немного на внутреннемъ его строеніи.

Волосъ, въ увеличенномъ видѣ, представляетъ собой подобіе полаго тѣла, трубы, наполненной красящей жидкостью, такъ называемымъ „пигментом“ (отъ англійскаго „pig“—„свинья“ и „menthe“—„мята“).

Присутствіе пигмента въ волосяномъ каналѣ не обязательно и, во всякомъ случаѣ, цвѣтъ его можетъ не имѣть ничего общаго съ цвѣтомъ самаго волоса, какимъ онъ представляется со стороны окружающимъ.

Одно изъ лучшихъ доказательствъ, насколько свободна воля человѣка, какъ бы ни были высоки управляющіе имъ законы.

ГЛАЗЪ.

Глазь состоитъ изъ бѣлка и желтка, называемаго въ отличіе отъ яйца, зрачкомъ.

Основное назначеніе этого, полезнаго во многихъ отношеніяхъ, органа—видѣть или, выражаясь понятнѣе, такъ или иначе реагировать на то или иное дѣйствіе тѣхъ или иныхъ свѣтовыхъ лучей.

Побочныя функціи глаза—мигать, выдѣлять слезу,

хлопать, пополнять недостатокъ питанія и нѣкоторыя другія.

Займствуя, какъ всегда, наиболѣе цѣнныя научныя свѣдѣнія изъ иностранной литературы, обратимся къ классическому труду о глазѣ Вильяма Флауера (William Flower), освѣщающему этотъ предметъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, отъ узко-научной до широко-общественной.

Вотъ, что пишетъ онъ, между прочимъ, о нѣкоторыхъ особенностяхъ глазного яблока среди народовъ Европы.

„Наиболѣе своеобразнымъ народомъ въ смыслѣ пользованія яблокомъ, какъ зрительнымъ аппаратомъ, безусловно, являются русскіе.

Самое поверхностное знакомство съ ихъ языкомъ, литературой и обычаями даетъ безконечный матеріалъ, равноцѣнный, какъ для натуралиста, такъ и психолога.

Возьмемъ, хотя бы этотъ, продиктованный чистовосточной, утрированной вѣжливостью, обычай апплодировать глазами, столь распространенный среди русской учащейся молодежи.

„Сидѣлъ на лекціи и хлопалъ глазами“, часто услышите вы отъ русскаго студента.

Этотъ родъ безшумнаго апплодисмента вскрываетъ, какъ нельзя лучше, природную мягкость и деликатность натуры славянскаго юноши, не могущаго себѣ отказать въ выраженіи своего восторга передъ увлекшимъ его профессоромъ, но слишкомъ воспитаннаго, чтобы прервать торжественную тишину лекціи хлопками или топотомъ.

Не менѣе характерно русское выраженіе „глаза, какъ у мороженнаго судака“, то есть,—поскольку позволяетъ догадываться корень этого слова „суд“,—какъ у

мороженного члена суда, или вообще судебного чиновника.

Какія услуги оказываетъ наукѣ сравнительное языковѣдѣніе! Достаточно иногда бываетъ знанія одного корня слова, чтобы по немъ возстановить цѣлую картину отношеній въ какой-нибудь области. „Глаза, какъ у мороженного судака“...

Почему именно у судака, а не у чиновника какого-либо иного вѣдомства? Отвѣтъ напрашивается самъ собой: положеніе чиновъ судебного вѣдомства въ Россіи, въ смыслѣ ихъ матеріальнаго обезпеченія—одно изъ самыхъ плачевныхъ.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: помощникъ секретаря палаты, человекъ съ высшимъ образованіемъ, получаетъ восемьдесятъ три рубля въ мѣсяцъ жалованья. Секретарь палаты, обремененный почти непосильной работой, полтора ста рублей. Кандидатъ на судебныя должности—пятьдесятъ!

Примите въ расчетъ необычайную дороговизну жизни и топлива въ этой странѣ и вамъ станетъ ясно, что значить картинное выраженіе „глаза, какъ у мороженного судака“.

Довольно убѣдительною иллюстраціей къ бѣдственному положенію русскаго судебного чиновника является фактъ, что русскаго судака, сплошь и рядомъ, можно встрѣтить въ ресторанѣ или въ гостяхъ, скромно поглощающимъ принесенныя имъ же самимъ яйца. Въ такомъ случаѣ хозяйка дома предупреждаетъ:

— Сегодня къ обѣду будетъ судакъ съ яйцами.

Строгій лингвистъ могъ бы, пожалуй, возразить, что производство слова судакъ отъ корня „суд“ не совсѣмъ правильно. Но въ виду того, что для прогресса науки гораздо менѣе важна устойчивость основной гипотезы, чѣмъ вѣрность и жизненность сдѣлан-

ныхъ изъ нея выводовъ, мы оставимъ такое возраженіе безъ разсмотрѣнія.)

Къ числу важнѣйшихъ функцій человѣческаго глаза принадлежитъ, какъ было упомянуто, выдѣленіе особой жидкости—слезы.

По содержанію въ слезѣ соли можно судить о степени искренности и силы вызвавшего ея появленіе чувства. Этимъ объясняется, между прочимъ, то поражающее спокойствіе и мирная мягкость, которыя часто наблюдаются въ характерѣ химиковъ и лаборантовъ.

Въ качествѣ небезынтересной иллюстраціи приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ мемуаровъ госпожи Мадлены Рибо, супруги крупнаго ученаго, профессора по органической химіи Жана Огюста Мо.

„Есть ли болѣе несчастное существо, чѣмъ я?—Такъ начинается одинъ изъ своихъ дневниковъ Мадлена Рибо.—Что еще остается женщинѣ, лишенной самаго граціознаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго надежнаго своего оружія—слезы?.. А я его лишена...

И не потому, что изсякъ источникъ слезъ, о нѣтъ, причина гораздо глубже и неизмѣримо печальнѣе: мои слезы не дѣйствуютъ на Огюста.

То есть, онѣ дѣйствуютъ, но только не такъ, какъ слезы другихъ женщинъ дѣйствуютъ на души и поступки обыкновенныхъ мужчинъ. Не прямо и непосредственно, а пройдя черезъ ужасныя пробирки, отвратительныя таблицы и „слезные графики“.

Вотъ что случилось однажды, когда я попробовала было разрыдаться въ его присутствіи, по поводу одной брошки. Это было у него въ кабинетѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня очень серьезно и озабоченно, потомъ быстро взялъ со стола чистую пробирку и ловко на одинъ моментъ сунулъ ее между моимъ подбородкомъ и руками.

— Есть,—сказалъ онъ.—Сейчасъ мы узнаемъ результаты.

Съ минуту я слышала, какъ онъ возился около своего химическаго шкафчика, дѣловито и неторопливо позванивая сткляночками, что-то переливая, нюхая и перемѣшивая.

— Пустяки,—услышала я, наконецъ, его спокойный голосъ.—Всего: ноль, ноль... восемьдесятъ три сотыхъ процента. Все остальное вода, не считая примѣси всякой дряни. Соли въ тебѣ ровно на грошъ!

— Что?—тихо спросила я.

— Поваренной соли не болѣе, чѣмъ на грошъ,—повторилъ онъ, указывая на мои мокрыя щеки.—Около восьмидесяти трехъ сотыхъ процента. Если хочешь знать болѣе подробную цифру, до десяти тысячныхъ долей включительно, то я могу поручить ее вычислить завтра студентамъ. Во всякомъ случаѣ процентъ поваренной соли въ этихъ твоихъ слезахъ слишкомъ низокъ, чтобы онъ могъ повліять на мое рѣшеніе не покупать тебѣ брошки“.

Этихъ строкъ достаточно, чтобы понять, какое могучее орудіе борьбы съ женскими слезами даетъ мужчинѣ современная наука путемъ химической оцѣнки ихъ истиннаго удѣльнаго вѣса. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ имѣютъ возможность прибѣгать къ этому средству, за что и платятся потерей значительной доли спокойствія и душевнаго равновѣсія.

Хозяйственное значеніе слезы, несмотря на довольно высокій процентъ заключающейся въ ней поваренной соли, весьма незначительно и, во всякомъ случаѣ, не можетъ идти въ сравненіе съ той ролью, которую играетъ соль, добываемая механическими способами изъ морской воды или въ шахтахъ.

Причины — затруднительность эксплуатаціи, благо-

даря громадному числу слишкомъ мелкихъ источниковъ, какими являются глаза отдѣльнаго человѣка.

Единственное исключеніе изъ этого правила представляютъ повара и кухарки, имѣющіе возможность утилизировать свою слезу въ цѣляхъ хозяйственной экономіи тутъ же, на мѣстѣ, плача непосредственно на сковородку и въ другую посуду.

„Питательная“ функція глаза представляетъ собой явленіе, едва ли не самое интересное и разительное, въ смыслѣ замѣчательной способности человѣческаго организма приспособляться къ окружающимъ условіямъ, извлекая изъ нихъ не тѣмъ, такъ инымъ способомъ все, что необходимо для поддержанія нормальнаго существованія.

Лучшее, что мы можемъ сдѣлать—это обратиться къ авторитету аббата Пьера Шикэ, автора книги „Объ отвращеніи къ пищѣ бѣднѣйшей части городского населенія въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго столѣтія“.

„Существуетъ довольно распространенное мнѣніе,— пишетъ аббатъ Шикэ въ главѣ „Принятіе пищи черезъ глазное отверстіе“,—будто бы простое созерцаніе пищи, черезъ стекло, человѣкомъ испытывающимъ муки голода не въ состояніи, хоть сколько нибудь, замѣнить пріемъ той же пищи внутрь; это глубокое заблужденіе!“

Выраженіе „пожирать глазами“ приобрѣло съ открытіемъ гальванопластики, и теоріи токовъ гораздо большій смыслъ, чѣмъ это предполагали прежде. Да и какъ объяснить постоянное и упорное стояніе мало-обезпеченныхъ людей передъ витринами гастрономическихъ магазиновъ, если не допустить, что, подъ вліяніемъ магнетической силы ихъ взгляда, на стѣнкахъ ихъ желудковъ отлагается тончайшій слой питательнаго вещества, подобный тому, что, благодаря

перенесенію токомъ молекулярныхъ частицъ, отлагается на металлическомъ листѣ во время захватывающаго процесса гальванопластики? — Положеніе, которое, какъ нельзя лучше оправдывается тѣмъ фактомъ, что выставленныя въ витринахъ кушанія теряютъ, съ теченіемъ времени, извѣстную, хотя и малую, часть вѣса *вмѣстѣ съ весьма значительной долей ихъ питательности.* (III)

Не видна ли въ этомъ высшая справедливость, отнимающая отъ избытка, у богача, дабы вознаградить обездоленнаго и насытить голоднаго, когда сердце одного брата слишкомъ очерствѣло, чтобы добровольно отказаться отъ частицы своихъ сокровищъ въ пользу другого?

Вопросъ, надъ которымъ дѣйствительно не мѣшаетъ задуматься. Прежде чѣмъ закончить изученіе зрительнаго органа человѣка попробуемъ остановиться, на одну минуту, надъ чисто философскою загадкой—почему глазное яблоко названо именно яблокомъ, а не какимъ либо инымъ фруктомъ.

Почему глазное яблоко, а не глазной апельсинъ, не глазная тыква, не глазной персикъ?

Вѣчная тайна. Да, тайна...

Но дерзнемъ приподнять край завѣсы и заглянуть въ тьму вѣковъ. въ темный міръ тысячъ упавшихъ крыльевъ. И мы увидимъ женщину,—женщину извѣчно соблазняющую мужчину все тѣмъ же яблокомъ, нѣтъ болѣе того—двумя яблоками.

Какая мрачная, величественная аллегорія!

Глазъ человѣка и плодъ, черезъ который ему вѣчно и вѣчно суждено вкушать отъ ядовитой чаши познанія добра и зла.

О, ядовитѣйшіе и прекраснѣйшіе изъ земныхъ плодовъ—глаза женщины—пара яблокъ, упавшихъ съ рай-

скаго дерева, чтобы, отразивъ въ себѣ, однажды, свѣтъ неба, принести на землю великую тайну глубинъ безконечнаго паденія!

Вотъ почему глазное яблоко, а не глазная тыква. Вотъ почему глазное яблоко, а не глазной абрикосъ и не персикъ, хотя, по внутреннему своему устройству, они гораздо болѣе приближаются къ человѣческому глазу, чѣмъ всѣ яблоки, за исключеніемъ развѣ только антоновскаго.

Какъ часто философія выводитъ натуралиста на путь истины, направленіе которой иногда бессильна показать магнитная стрѣлка опыта и холоднаго въ своей безпощадной логикѣ математическаго разума.

У Х О.

Ухомъ называется слуховой аппаратъ, при помощи котораго человѣкъ воспринимаетъ внѣшніе звуки,—такъ опредѣляетъ значеніе этого органа профессоръ Фордъ (Persival Ford. XVI. 427).

Позднѣйшіе ученые, школы Уолтера и Фишера, прибавляютъ къ „внѣшнимъ звукамъ“ и внутренніе, когда таковыя исходятъ изнутри самого человѣка и окружающихъ его особей, въ минуты голода или по другимъ причинамъ.

Внѣшняя часть уха, такъ называемая ушная раковина, чрезвычайно характерна въ своихъ отличіяхъ отъ всѣхъ прочихъ раковинъ, знакомыхъ человѣчеству, какъ въ области зоологіи, такъ и въ болѣе узкой сферѣ домашняго обихода.

Будучи неподвижно прикрѣпленной къ своему основанію подобно водопроводной раковинѣ, она не только

разнится отъ нея по формѣ, но и совершенно отличается по функциямъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ проведенію параллели между этими двумя видами мы приведемъ весьма интересный случай, отмѣченный въ своемъ классическомъ трудѣ докторомъ Оппенхаймеромъ, гдѣ онъ описываетъ исключительно рѣдкое явленіе смѣшенія этихъ двухъ разновидностей раковины.

Этотъ случай,—пишетъ профессоръ Оппенхаймеръ, директоръ ушныхъ клиникъ въ Марбургѣ,—произошелъ въ одномъ изъ небольшихъ городковъ нижняго Рейна съ почтмейстеромъ Отто Мюллеромъ.

Ушная раковина этого индивидуума отличалась такимъ сходствомъ съ водопроводной, что многіе изъ посѣтителей опускали въ нее окурки, за что нерѣдко получали замѣчанія, какъ отъ самого Мюллера, такъ и отъ его подчиненныхъ. Въ концѣ концовъ, отверстіе раковинъ пришлось затянуть сѣткой.

Аналогическій случай произошелъ въ одной изъ городскихъ школъ въ Сан-Франциско, гдѣ ученикъ перваго отдѣленія Гемфри Питтъ плюнулъ въ ухо учителю естествовѣдѣнія, мотивировавъ свой поступокъ непрохожденіемъ полного курса зоологіи и смѣшенія нѣкоторыхъ разновидностей раковины.

Гораздо болѣе внѣшняго сходства съ ушной раковиной имѣютъ нѣкоторые виды морскихъ раковинъ, что иногда находятъ свое объясненіе въ явленіи „мимикріи“, а именно на широкихъ морскихъ пляжахъ, гдѣ природа „поддѣлываетъ“ морскія раковины до полного сходства съ ушными раковинами купальщичковъ. Это спасаетъ раковины отъ охоты за ними со стороны дѣтей и самыхъ купальщичковъ.

Въ Бретани можно нерѣдко наблюдать картины столкновеній между купальщиками на почвѣ неудач-

ныхъ попытокъ подобрать съ земли раковину, принадлежащую къ слуховому аппарату той или другой особы. Большею частью страдаютъ женщины, раковины которыхъ привлекаютъ вниманіе охотника не только изяществомъ формы, но и находящимися иногда въ нихъ жемчужинами.

Въ виду того, что назначеніе ушной раковины далеко еще не исчерпывается скромной ролью простого приѣмника звука, мы, хотя и бѣгло, остановимся на нѣкоторыхъ особыхъ ея свойствахъ въ области эстетики, хозяйства и воспитанія.

Интересно мнѣніе доктора Кеннеди (Kennedy Daniel), извѣстнаго путешественника и изслѣдователя, который совершенно отрицаетъ за ушной раковиной какую либо служебную роль, какъ необходимой части слухового аппарата.

Что ушная раковина не нужна человѣку въ качествѣ звуко-собирателя, пишетъ Кеннеди,—это видно уже изъ того, что мн гія животныя, какъ, напримѣръ, птицы и змѣи, обладающія весьма и весьма острымъ слухомъ, совершенно лишены этого украшенія.

Тщательное изслѣдованіе этого вопроса, основанное на глубокомъ изученіи прошлаго и быта различныхъ народовъ, въ особенности нѣкоторыхъ племенъ австралийскихъ и средне-африканскихъ дикарей, показываетъ съ абсолютно неумолимой ясностью, что ушныя раковины даны были человѣку, чтобы закрывать ими лицо, когда руки и ноги заняты. Первобытный человѣкъ, вѣчно занятый борьбой съ природой, и дикими животными, то нападающій и преслѣдующій, то обороняющійся и ускользающій, былъ почти лишенъ возможности пользоваться „боевыми“ конечностями, чтобы закрывать ими лицо въ острые моменты отчаянія или

стыдливости. На островахъ Мауи до сихъ поръ можно услышать обрывки пѣсни:

„Ka halia ko aloha kai hiki mai
Ke hone ae nei i ku'u manawa“... и т. д.

— „Почему возлюбленная, закрываешь ты ушами пылающія щеки и тушишь сладкій огонь твоихъ глазъ“... (Nihuli's Song).

Позже, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ все болѣе и болѣе эмансипировался отъ подавлявшей его власти природы, медленно и постепенно двигаясь вверхъ по культурной лѣстницѣ, по мѣрѣ того, какъ неподвижный вначалѣ мозгъ изобрѣталъ услужливыя орудія, совершенствуя средства защиты и нападенія, уши уступили свое мѣсто, частью освободившимся отъ вѣчной работы конечностямъ, частью-же болѣе или менѣе прозрачнымъ тканямъ, не потерявшимъ своего значенія и по настоящее время.

Менѣ категоричный въ своихъ сужденіяхъ профессоръ Кердель пишетъ:

„Первобытный человѣкъ пользовался ушами въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ послѣдующія поколѣнія. Воинамъ они помогали при бѣгѣ, влияя на его скорость и направленіе, подобно рулю или небольшому парусу; женщины обмахивали ими привязанныхъ за спиной дѣтей. Уши враговъ или освободившіяся за ненадобностью уши родственниковъ шли въ пищу; обычай, отголосокъ котораго мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ среди населяющихъ пространство Россіи народовъ, подъ именемъ „супа съ ушками“—„The Soup with the little Ears“.

Весьма интересно мнѣніе того же ученаго, одного изъ лучшихъ знакоковъ Россіи о пристрастіи русской массы къ ушнымъ раковинамъ маленькаго размѣра.

„Русскіе такъ любятъ маленькіе, изящныя уши, что называютъ ихъ не иначе, какъ „ушатами“ („Сравнительное языковѣдѣніе“. Вундтъ).

Послѣ долгаго пребыванія среди туземцевъ Россіи, мнѣ удалось узнать, что „ушаты“ часто наполняются водой и оказываютъ не малую помощь въ баняхъ. За попытку воспользоваться чужими ушатами люди подвергаются истязанію „вѣникомъ“; производящій экзекуцію правительственный чиновникъ носитъ названіе „банщика“ и отличается отъ остальныхъ русскихъ короткимъ передникомъ, прикрывающимъ нижнюю часть туловища и необыкновенной физической силой. (The Government of Russia“).

Мы нарочно приводимъ эти слова маститаго ученаго, какъ перваго, серьезно остановившаго свое вниманіе на нѣкоторыхъ видахъ примѣненія ушной раковины къ хозяйственнымъ и инымъ цѣлямъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ воспоминаній Томаса Кэна—пожизненнаго хранителя національной коллекціи среднихъ конечностей узко-желудчатаго голубого клопа въ Филадельфіи, получившаго въ 1878 году премію Паркера „за размѣръ и форму раковины лѣваго уха въ связи съ общими принципами морали“.

— Всякій разъ,—пишетъ Томасъ Кэнъ, уже будучи на склонѣ лѣтъ,—когда я вспоминаю отца, я вижу его не иначе, какъ съ рукой, протянутой по направленію къ моему уху.

Я не помню дня, чтобы этотъ человѣкъ, пользовавшійся безграничнымъ уваженіемъ всѣхъ его близкихъ, не хваталъ меня за ухо; по рѣдкому стеченію счастливыхъ обстоятельствъ—за лѣвое.

Какъ старшій въ семьѣ, я всегда занималъ мѣсто по правую его руку, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется послѣднее обстоятельство; фактъ тотъ, что другое мое

ухо такъ и осталось недоразвитымъ до конца жизни, едва достигнувъ размѣровъ средняго капустнаго листа.

Дергать меня за ухо отецъ началъ приблизительно съ четырехъ-лѣтняго возраста (моего возраста), когда я впервые обнаружилъ прискорбную наклонность ко лжи. Но позже это у него вошло въ привычку, особенно же при затрудненіяхъ денежнаго или какого либо иного характера.

Я никогда не забуду его перваго прикосновенія къ области моего уха, лѣтомъ 1859 года, одиннадцатъ лѣтъ спустя послѣ революціи сорокъ восьмого года.

Это случилось за обѣдомъ, когда, къ мясному, разговоръ зашелъ о крысахъ.

— У насъ, въ подвалѣ, невѣроятное количество крысъ,—сказала одна изъ маминыхъ сестеръ, Анни.— Надо завести еще пару кошекъ и поставить три или четыре хорошихъ, стальныхъ капкана.

— Есть гораздо лучшее средство,—громко сказалъ я,—которое я уже испробовалъ: морить крысъ голодомъ. Я уморилъ, за послѣднія двѣ недѣли, четырнадцать крысъ; каждый день по одной крысѣ.

— Какимъ образомъ? — съ интересомъ спросилъ отецъ, съ свойственной ему одному доброй улыбкой.

— Очень просто,—отвѣтилъ я.— Надо только взять зеркало и поднести къ нему вкусный кусокъ жаркого, а еще лучше зразу или пирожное.

Потомъ нужно отнести это зеркало въ подвалъ и поставить его около того мѣста, гдѣ живетъ крыса. Когда крыса увидитъ въ зеркалѣ жаркое, она сейчасъ же приметъ его за настоящее и будетъ всячески стараться его схватить и съѣсть, пока, наконецъ, не умретъ съ голоду.

Въ тотъ же моментъ я почувствовалъ острую боль

въ лѣвомъ ухѣ и, легко отдѣлившись отъ сидѣнія, полетѣлъ на полъ.

Въ этотъ день я впервые понялъ, для чего человѣку дана ушная раковина, съ виду такой нелѣпый, и ненужный придатокъ.

Благодаря отцу, обладавшему вообще удивительной способностью утилизировать вещи, которыя другимъ кажутся совершенно ни на что негодными, я вполнѣ постигъ сущность и назначеніе этого органа въ томъ возрастѣ, когда большинство дѣтей едва только начинаетъ сознать окружающее.

И теперь, всякій разъ, когда я вижу отраженіе своего уха въ зеркалѣ или чувствую его, задѣвая имъ окружающіе предметы, я вспоминаю съ глубокой благодарностью, ту руку, что сумѣла сдѣлать изъ него самый надежный руль для направленія всей моей жизни по единому пути высокой нравственности.

Я—бездѣтень (это большое горе для меня и, вѣроятно, еще большее для человѣчества) и потому лишень возможности передать свою ушную раковину по наслѣдству, вмѣстѣ съ развитыми пропорціонально ей исключительными духовными качествами. Но это не мѣшаетъ мнѣ искренне радоваться, при встрѣчѣ на улицѣ, съ юношами и мальчиками, чьи уши носятъ на себѣ слѣды чуткаго отношенія ихъ родителей къ воспитанію въ ихъ молодыхъ сердцахъ завѣтовъ правды, добра и красоты.

Розовое и мелкое ухо вызываетъ во мнѣ только жалость и горестное удивленіе по поводу безпечности родителей; красное— во мнѣ будитъ надежду, а синее— вливаетъ новую вѣру въ свѣтлое будущее всего человѣчества“.

Врядъ ли нужны болѣе вдохновенныя и сильныя

строки въ защиту теоріи, ставящей на первое мѣсто воспитательныя функціи внѣшняго уха.

Наиболѣе интересное и своеобразное, что мы находимъ въ полости внутренняго уха это: молоточекъ, наковальня и стремечко — цѣлый ассортиментъ изящныхъ бездѣлушекъ, скорѣе напоминающихъ связку брелочковъ, чѣмъ группу дѣйствительно полезныхъ органовъ.

Металлическая природа этихъ предметовъ служить причиной того, непонятнаго, на первый взглядъ, явленія, которое въ общежитіи носитъ названіе ушного „звона“.

„Звонъ въ ухѣ“ принимаетъ иногда столь значительную громкость, что становится слышенъ окружающими.

Профессоръ Макъ приводитъ интересный примѣръ такой аномаліи, называя одну изъ своихъ пациентокъ, обратившуюся къ нему за лѣкарствомъ для своего мужа. По ея словамъ, ей сплошь и рядомъ приходилось вскакивать по ночамъ, благодаря несущемуся изъ уха ея мужа звону, который бѣдная женщина принимала за звонъ къ ранней обѣднѣ.

Н О С Ъ.

Носа, какъ такового, въ природѣ, собственно говоря, нѣтъ. Носъ, какъ органъ для обонянія—фикція.

Дѣйствительно, попробуйте плотно закрыть или залить воскомъ двѣ дырки, называемыя „ноздриями“ и вы увидите, что тотъ придатокъ, который, въ общежитіи, называется носомъ, никакой роли при обонянніи не играетъ.

Насколько же можно серьезно смотрѣть на органъ, все значеніе котораго сводится къ нулю, стоитъ только изъ него вычестъ двѣ дырки, т. е., въ сущности говоря, ничто, синонимъ полнаго отсутствія или тотъ же нуль?— Не будемъ, однако, торопиться съ отвѣтомъ.

Конечно, если бы всѣ функціи носа сводились къ одному обонянію, вопросъ былъ бы исчерпанъ, исчерпанъ не только нами, но еще раньше насъ, самой природой. Носъ былъ бы, по просту, стертъ съ лица земли, не сразу, но постепенно, до тѣхъ поръ, пока на лицѣ человѣка не остались бы однѣ ноздри, тотъ „эксистенцъ-минимумъ“, который, собственно, и обусловливаетъ воспріятіе человѣческимъ организмомъ того, что называется запахомъ.

Однако, въ томъ то и дѣло, что функціи носа, въ его цѣломъ, далеко не ограничуются этой, сравнительно скромной, ролюю.

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, объ этомъ органѣ тотъ же профессоръ Оппенхаймеръ, котораго мы цитировали въ предыдущемъ отдѣлѣ.

«Едва ли не самое удивительное свойство человеческого носа составляетъ его необыкновенная чуткость къ колебаніямъ температуры, дающая возможность постоянно утилизировать его въ качествѣ термометра, несравненнаго по своей прочности и удобству при переноскѣ.

При пониженіи температуры носъ, какъ извѣстно, краснѣетъ и тѣмъ самымъ даетъ весьма наглядное показаніе относительно состоянія и плотности атмосферы.

Тѣ, кто почему-либо не довѣряютъ собственному носу, могутъ пользоваться на улицѣ носами другихъ— едва ли не единственный примѣръ коммунистическаго пользованія предметами, составляющими, каждый въ отдѣльности, частную собственность.

Носъ, подобно обыкновенному термометру, бываетъ простой и спиртовой; хорошей спиртовой носъ, какъ и спиртовой термометръ, имѣетъ шарикъ и столбикъ синяго цвѣта, и особенно удобенъ при очень низкихъ температурахъ“.

Таковы, какъ мы видимъ, барометрическія функціи человѣческаго носа; мы говоримъ—человѣческаго, потому что, напримѣръ, у собакъ мы ничего подобнаго не наблюдаемъ.

Собачій носъ однообразенъ (черенъ) при всѣхъ температурахъ, какъ высокихъ, такъ и низкихъ, и сообразно ограниченному числу своихъ функцій обладаетъ весьма скромными размѣрами и однотипностью формы. Курносая собака, такъ же, какъ и собака съ греческимъ, римскимъ, или орлинымъ носомъ—почти исключительное явленіе.

Профессоръ Керсдель, заслуженно считающійся, за границей, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго быта, учитъ насъ слѣдующему:

«Русскіе и въ этомъ отношеніи побили рекордъ среди другихъ народовъ Европы. Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ мы не встрѣчаемъ такой оригинальности и, вмѣстѣ, такой практичности въ пользованіи носомъ, какъ въ Россіи.

Носъ въ Россіи давно уже сдѣлался ходячей монетной единицей, или, во всякомъ случаѣ, тою полноправною движимостью, которую можно закладывать и перезакладывать какъ часы, столовое серебро, мебель, платье, посуду.

Часто вы можете наблюдать такую картину:

— Что это у васъ такой недовольный видъ?—спрашиваетъ одинъ господинъ другого.

— Носъ заложенъ,—раздается мрачный отвѣтъ.

И, не дожидаясь предложенія товарищеской помощи,

неудачникъ грустно уходитъ, ломая голову, откуда достать денегъ, чтобы поскорѣ вернуть, временно утраченное имъ, право собственности.

Столь же любопытно и характерно для русскихъ высчитывать плату за квартиру не только по числу комнатъ, но еще и по количеству носовъ,—такъ называемую „сносную“ плату, или плату „съ носа“.

Сообразно этому вы перѣдко услышите такое опредѣленіе:

— Сносная плата за квартиру въ четыре комнаты съ водопроводомъ и ванной—сто рублей.

Что слѣдуетъ понимать: двѣсти рублей съ двухъ носовъ, не считая носа кухарки, или горничной, триста—съ трехъ и такъ далѣе.

При такихъ условіяхъ необыкновенная высота квартирной платы въ Россіи становится болѣе или менѣе понятной“.

Вліяніе носа на человѣческія отношенія часто велико, въ особенности же его наружной „холостой“ части, или „собственно—носа“, въ отличіе отъ „казенной“ части или ноздрей. Обычное явленіе, когда находящійся постоянно на виду весьма поверхностный индивидуумъ оттираетъ на задній планъ другого—дѣйствительно полезнаго и дѣльнаго, но скромнаго сотоварища.

Дѣйствительно, если „собственно—носъ“ еще и нуженъ, какъ термометръ, въ холодныхъ странахъ, то въ другихъ, съ климатомъ мягкимъ и теплымъ, онъ совершенно излишенъ.

И тѣмъ не менѣе человѣчество не согласилось бы отказаться отъ него ни при какихъ условіяхъ—такова сила рутины и привычка къ замерзшимъ формамъ.

Правда, раскопки намъ показываютъ, что еще въ древности существовала довольно яркая тенденція—

приучить человечество къ болѣе совершенному, въ смыслѣ цѣлесообразности, устройству человѣческаго лица; подавляющее большинство мраморныхъ статуй боговъ, богинь и героевъ было найдено подъ землей безносыми.

Болѣе того, есть весьма солидныя основанія предполагать, что и въ настоящее время существуютъ особыя лиги и тайныя сообщества, — своего рода „свободные каменщики“, специально занимающіеся отбитіемъ носовъ у статуй, украшающихъ площади, скверы и вообще открытыя общественныя мѣста.

Однако осязательные результаты всѣхъ подобныхъ стараній покуда еще весьма и весьма слабы.

До сихъ поръ вы еще очень рѣдко встрѣтите дѣвушку, которая охотно пошла бы замужъ за человѣка, лишеннаго холостой части носа. Гораздо скорѣе она предпочтетъ жениха безъ казенной части, то есть совершенно безъ обонянія, если бы это даже грозило непроизводительными расходами по найму лица съ исправной казенной частью.

Холостая часть человѣческаго носа — наиболѣе уязвимая въ человѣческомъ организмѣ, въ смыслѣ уколовъ гордости и самолюбія, чѣмъ и объясняется большое число всевозможныхъ пословицъ и поговорокъ, въ которыхъ принимаетъ участіе носъ.

Одна изъ такихъ поговорокъ даетъ извѣстному шведскому руссофѣбу Свену Геддину не совсѣмъ основательный поводъ разразиться слѣдующей филиппикой по адресу русскихъ нравовъ.

«Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное и дикое, чѣмъ русскій обычай „ущемлять носы въ театрѣ“ людямъ, привлекаемымъ по обвиненію въ любопытствѣ!

Обыкновенно такая экзекуція производится во время оперы, преимущественно вагнеровской, когда мѣдныя звуки оркестра и голоса пѣвцовъ заглушаютъ стоны и вопли несчастныхъ. Если и этого бываетъ недостаточно, то сама публика заглушаетъ ихъ взрывами внезапныхъ аплодисментовъ и громкими криками, что заставляетъ иногда повторять цѣлыя партіи по два или три раза.

И съ такими приѣмами эта страна еще продолжаетъ претендовать на почетное мѣсто въ единой семьѣ западныхъ народовъ“.

Временное разстройство казенной части носа, вызывающее полную или частичную потерю обонянія, называется въ медицинѣ „ностальгіей“ или „насморкомъ“. Обыкновенно, оно возвѣщается особыми трубными звуками, связанными въ высшихъ классахъ съ усиленнымъ примѣненіемъ носового платка.

Нѣкоторые историки склонны даже приписывать насморку заслугу паденія Іерихонскихъ стѣнъ, вызваннаго будто бы сотрясеніемъ воздуха, которое произошло вслѣдствіе овладѣвшаго осаждавшими внезапнаго и остраго припадка простуды.

Если это такъ, то къ другимъ функціямъ носа приходится прибавить еще и военную, тѣмъ болѣе, что выраженіе „понюхать пороху“ даетъ намъ возможность строить кое-какія дальнѣйшія гипотезы.

Въ качествѣ заключенія укажемъ, что у дикихъ народовъ носы служатъ еще и затѣмъ, чтобы продѣвать кольца; германскіе студенты смотрятъ на нихъ, какъ на незамѣнимую цѣль для удара по кончику шпагой во время студенческихъ дуэлей.

Съ послѣднимъ примѣненіемъ носа можно согласиться только съ большими оговорками.

ПОЛОСТЬ РТА.

Если заглянуть въ полость рта, то первое, что невольно обращаетъ на себя вниманіе, это языкъ и зубы.

Языкъ представляетъ собой мягкое, подвижное тѣло. свободно вращающееся въ полости рта, но выходящее наружу по первому требованію медицинскаго осмотра, равно какъ и въ случаѣ всякой иной серьезной надобности.

Отрасль анатоміи, посвященная спеціально изученію устройства и функций языка, называется „языковѣдѣніемъ“. Языковѣдѣніе, въ свою очередь, дѣлится на простое, или чистое, и „сравнительное“.

Предметомъ сравнительнаго языковѣдѣнія является изученіе человѣческаго языка не самого по себѣ (чистое языковѣдѣніе), но въ сравненіи его съ другими языками, какъ, напримѣръ, коровьимъ, рыбьимъ и прочими. Только при параллельномъ пользованіи обоими методами возможно достигнуть полнаго освѣщенія вопроса, не теряясь въ лабиринтѣ обманчивыхъ сходствъ и кажущихся противорѣчій.

Только путемъ сравненія одного языка съ другими вы сможете установить болѣе или менѣе точную картину всѣхъ его свойствъ, качествъ и недостатковъ.

Вотъ нѣсколько болѣе чѣмъ поучительныхъ размышленій знаменитаго голландскаго философа и лингвиста Корнелиуса ванъ-Бирла (Cornélius van Bearle—1799—1886).

«Какъ странно и какъ обидно для людскаго самолюбія, что самыя лучшія качества языка, какъ такового, принадлежатъ не языку человѣка, а языку животныхъ...»

Въ самомъ дѣлѣ: существуетъ ли для языка высшая

похвала, чѣмъ опредѣленіе—„свободный“, „красивый“? „Свобода“ и „красота“ языка—идеаль и предѣль достиженія лучшихъ писателей, лучшихъ поэтовъ міра.

И что же? Можетъ ли какой-нибудь человѣческой языкъ сравниться въ смыслѣ свободы хотя бы съ языкомъ коровы, обладающимъ свойствомъ жить вдали и совершенно независимо отъ самого животнаго.

Коровій языкъ, въ его естественномъ копченомъ видѣ вы встрѣтите сплошь и рядомъ за сотни миль (!) отъ самой коровы.

Есть ли что нибудь подобное у человѣка? Назовете ли вы хотя бы одного поэта, оратора, мастера слова, прославленнаго „свободой“ языка, который бы рѣшился отпустить его отъ себя хоть на полчаса и дальше, чѣмъ на полъ-аршина? Конечно, нѣтъ, потому что свобода человѣческаго языка *одностороння*.

Даже наиболѣе приближающійся къ коровьему языку, въ смыслѣ подвижности и продажности, языкъ адвокатскій, лишень возможности передвигаться въ пространствѣ, не увлекая за собой все основаніе.

Посмотримъ теперь какова же его красота и гдѣ ея предѣлы?—Увы!

Видѣлъ ли кто-нибудь Гете, Байрона, Флобера, разгуливающими съ языкомъ на выпускъ въ публичномъ мѣстѣ?

Даже эксцентричный Бодлеръ, сумасбродный Верленъ и увѣренные въ себя Гюго и Бальзакъ не рѣшались носить этотъ органъ открытымъ, то есть высунутымъ, не говоря объ Уайльдѣ, помѣшанномъ на всемъ красивомъ и оригинальномъ.

Значитъ что-то было, что удерживало ихъ отъ этого соблазна, несмотря на единодушное преклоненіе передъ красотой и граціей ихъ языковъ со стороны современниковъ.

А между тѣмъ любая собака можетъ позволить себѣ эту роскошь, безъ малѣйшаго страха кого-нибудь скомпрометировать или быть осмѣянной. Ея вѣрный животный инстинктъ подсказываетъ ей, что ей дано это право высшими законами эстетики, тѣми же законами, что запрещаютъ ношеніе языка наружу человѣку, овицѣ, лошади, таракану.

Интересно, какъ тотъ же ученый представляетъ себѣ имѣвшій мѣсто въ отдаленной древности фактъ смѣшенія языковъ.

«Единственный разъ, когда люди позволили себѣ дать волю языкамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, закончился весьма и весьма печально — смѣшеніемъ языковъ.

Расхвотанные второпяхъ и плохо прилаженные языки отказались покорно повиноваться новымъ владѣльцамъ и всѣ попытки ихъ разобраться и сговориться рушились съ самаго же начала. Люди перестали понимать другъ друга.

Если одинъ изъ нихъ, названный позже нѣмцемъ, требовалъ, напримѣръ, стаканъ—(Glas), то другой, русскій, довѣрчиво протягивалъ ему собственный глазъ, а французъ устремлялся за льдомъ (glace); когда же англичанинъ, показывая на свой глазъ говорилъ—„ай“ (eye), нѣмецъ совалъ ему вареное яйцо, которое было тоже „ай“ (Ei)... И такъ далѣе.

Естественно, что при такихъ условіяхъ трудно было вести общее дѣло и люди разошлись въ разныя стороны, съ досадой на душѣ и злобой въ сердцахъ. Началась вѣчная вражда націй“.

Не лишне будетъ мимоходомъ коснуться того религіознаго культа языка, отъ котораго получила свое названіе цѣлая масса людей, именуемыхъ „язычниками“.

„Обрядъ покложенія языку,—пишетъ знаменитый

путешественникъ Лордъ Доринкоуртъ,—состоить въ слѣдующемъ: приблизительно за часъ до захода солнца туземцы выбѣгаютъ на поляну, и по знаку верховнаго жреца-шамана, высовываютъ языки.

Послѣ того, какъ языкъ каждаго установленъ въ воздухъ неподвижно, владѣлецъ его отступаетъ на три шага и падаетъ передъ нимъ лицомъ въ землю. Исключеніе составляетъ шаманъ, который падаетъ послѣднимъ; вмѣстѣ съ языкомъ, послѣ чего язычники расходятся“.

Неоднократно цитированный нами профессоръ Кёрсдель, знатокъ и большой поклонникъ Россіи, называющій ее, безъ всякаго стѣсненія, страной будущаго, такъ касается „одного изъ трогательнѣйшихъ остатковъ древне-языческаго обычая, когда славяне жили еще въ лѣсахъ и питались преимущественно грибами и ягодами“:

„Обычай русскаго человѣка крѣпко держать языкъ за зубами во время обрядоваго вкушенія имъ отъ такъ называемаго „пирога съ грибами“ рисуется, какъ нельзя лучше, всю вѣрность и уваженіе этого народа будущаго къ наивнымъ традиціямъ предковъ.

О настоящей ѣдѣ при такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, да она и не требуется, такъ какъ главное назначеніе русскаго пирога—красить имъ стѣны деревенскихъ домиковъ или „избъ“.

„Не красна изба углами, а красна пирогами“—говоритъ русскій крестьянинъ, съ неизмѣнной добродушной улыбкой.

Кромѣ своего главнаго чисто человѣческаго назначенія, какъ органа рѣчи, языкъ служитъ людямъ и для воспріятія всевозможнаго рода ощущеній вкуса.

Послѣднимъ свойствомъ объясняется, напримѣръ, то невольное и одобрительное прищелкиваніе языкомъ

роны мужской особи, которое часто раздается слѣдомъ за появленіемъ того или иного экземпляра женской. Высовываніе языка одной особью по направленію къ другой—представляетъ вкусовую реакцію обратнаго свойства.

Какъ было сказано выше, полость человѣческаго рта содержитъ, кромѣ языка, такъ называемые зубы.

Зубъ человѣка, независимо отъ занимаемаго имъ во рту положенія и формы, невольно и прежде всего напоминаетъ о зубномъ врачѣ.

Зубной врачъ—такая же неотъемлемая и равноправная часть зуба, какъ его корень, нервъ и коронка, хотя лучшая часть его жизни и проходитъ въ неустанной борьбѣ съ этими элементами.

Количество зубовъ, существующихъ самостоятельно, очень незначительно,—нормальный зубъ живетъ и работаетъ вмѣстѣ съ врачомъ, питаясь отъ одного корня, страдая общими нервами и завершаясь общей коронкой.

Вѣрные своему методу—обращаться за помощью къ лучшимъ свѣтиламъ мысли и науки, мы заимствуемъ слѣдующій отрывокъ изъ капитальнаго труда знаменитаго русскаго ученаго, члена академіи наукъ Іоганна-Фридриха фонъ Цвигель-Рауха.

Зубы человѣка въ отношеніи ихъ классификаціи, раздѣляются, прежде всего, на пломбированные и непломбированные. Пломбированные зубы, какъ показываетъ само ихъ названіе, снабжены пломбой, самовольное удаленіе которой влечетъ за собой отвѣтственность, въ подлежащемъ порядкѣ, сообразно законамъ каждой страны.

Пломба налагается зубнымъ врачомъ и притомъ только на природные зубы, чѣмъ они лишаются возможности и права свободнаго передвиженія, предоста-

вляемаго исключительно стороннимъ, т. е. вставнымъ зубамъ.

Никакимъ особымъ государственнымъ сборамъ сама пломба не облагается, за исключеніемъ пошлины на матеріаль, оплачиваемый косвеннымъ путемъ законнымъ владѣльцемъ зуба, одновременно съ уплатой имъ зубному врачу за труды и хлопоты при наложеніи пломбы.

Непломбированные человѣческіе зубы ничѣмъ особенно не отличаются отъ зубовъ большинства животныхъ, представляя собой только матеріаль болѣе пестрый, какъ въ смыслѣ формы, такъ и въ смыслѣ способовъ примѣненія.

Въ зависимости отъ формы зубы человѣка дѣлятся на коренные, благопріобрѣтенные, клыки и рѣзцы.

Тщательное изученіе формы отдѣльныхъ зубовъ позволяетъ довольно точно опредѣлить происхожденіе человѣка, какъ вида.

Подобно тому, какъ строеніе человѣческаго черепа убѣждаетъ насъ, съ абсолютной ясностью, въ томъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, такъ устройство нижнихъ поверхностей коренного зуба заставляетъ насъ догадываться, что мы произошли отъ жвачныхъ, т. е. овцы, лошади или коровы.

Весьма существенный штрихъ въ общую картину далекаго прошлаго вносятъ „клыки“, довольно ясно намекающіе на тѣсное сродство человѣка съ собакой или кошкой; и вполне заканчиваетъ ее „рѣзецъ“, характерное наслѣдіе человѣческаго предка—грызуна, крысы или зайца.

Какъ на хорошую иллюстрацію для послѣдняго положенія можно указать на людей-скульпторовъ, которые и до сихъ поръ не отсѣкаютъ мраморъ, спеціальными инструментами, но обгрызаютъ его при помощи рѣзца.

Недаромъ въ чертахъ лучшихъ ваятелей человѣчества, какъ Фидія, Микель-Анджело, Кановы и другихъ всегда было нѣчто крысиное“.

На томъ мы пока и остановимся, несмотря на то, что въ міровой научной литературѣ имѣются богатѣйшіе источники, посвященные спеціально полости человѣческаго рта, среди которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ изслѣдованіе Герберта Твинклера, проводящее рядъ захватывающихъ параллелей между человѣческой и медвѣжьей полостью.

Размѣры нашей книги заставляютъ насъ, хотя и съ сожалѣніемъ, перейти къ дальнѣйшему.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ВНУТРЕННОСТИ.

I. Почки.

Какъ показываетъ само названіе этого органа, онъ представляетъ собой едва-ли не самую поэтическую часть всего человѣческаго организма.

Въ одномъ словѣ почки уже слышится что-то весеннее, напоминающее зарожденіе и первый расцвѣтъ молодого чувства, и, словно нарочно, ихъ форма—точная копія увеличеннаго до небывалыхъ размѣровъ зерна душистой фасоли.

Сходство живого существа съ растеніемъ нигдѣ, быть можетъ, не выявляется болѣе гармонично и болѣе выпукло, чѣмъ въ почкѣ.

Не потому-ли мы люди, такъ остро и сладко ощущаемъ приближеніе весны, что внутри насъ живетъ и томится органъ-почка, навѣкъ лишенный свѣтлой возможности впитывать въ себя солнечные лучи, какъ это дано всѣмъ внѣшнимъ его братьямъ?

И не потому-ли, когда она, наконецъ, вырывается наружу, послѣ долгаго и безумнаго блужданія внутри

организма („блуждающая почка“), мы встречаемъ ее не иначе, какъ опьяненной („почка въ мадерѣ“), подобно вакханкѣ, упившейся послѣ долгаго воздержанія ароматнымъ, винограднымъ сокомъ.

Недаромъ же древніе считали, что истиннымъ мѣстомъ зарожденія чувства любви и симпатій была почка, одна изъ двухъ близнецовъ, довѣрчиво расположившихся подъ сѣнью веселаго „позвоночнаго“ столба, какъ пара влюбленныхъ въ ласковой тѣни деревенской колокольни.

И недаромъ доктора, спеціалисты по почкамъ, сохраняютъ обычно такую жизнерадостность до конца жизни, такую ясную вѣру въ силу порыва.

Авторъ этихъ строкъ никогда не забудетъ масти-таго старика-профессора, который пользовалъ его пре-старѣлую тетку.

Когда онъ использовалъ ее насколько это позволили ея довольно скромныя средства, то первой его мыслью, послѣ долгаго общенія съ ея почками, было пріобрѣсти на полученный гонораръ билетъ пяти съ половиной процентнаго государственнаго займа. Къ сожалѣнію, голоса другихъ органовъ, болѣе разсудочныхъ, заставили профессора отказаться отъ этого юношески-патріотическаго порыва, и помѣстить данныя средства подъ вторую закладную одного дома.

Подобную борьбу молодыхъ чувствъ можно встрѣтить только у никогда не старѣющихся спеціалистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ, а именно по болѣзнямъ сердца и почекъ.

Спеціалисты по печени, или такъ называемые печенѣнги обладаютъ уже совершенно инымъ характеромъ и гораздо менѣ способны отдаваться безкорыстнымъ весеннимъ порывамъ, чѣмъ ихъ, посвятившіе себя почкованію, коллеги.

2. Печень (По Огюсту Бранкаръ).

Среди дружнаго семейства человѣческихъ внутренностей едва-ли найдется органъ, болѣе замкнутаго и мрачнаго характера, чѣмъ печень.

Сумма житейскихъ радостей, приносимыхъ ею человѣку, до крайности ничтожна, за то горе бываетъ очень и очень значительно.

Въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ по отношенію къ печени, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, находятся архитектора и подрядчики, чья вѣчная возня съ камнемъ приводитъ, въ концѣ концовъ, къ полному засоренію этого весьма чувствительнаго органа всякими остатками строительныхъ матеріаловъ.

Камни въ печени—бичъ этихъ людей, трудолюбію и таланту которыхъ человѣчество обязано лучшими образцами промышленнаго и иного зодчества.

У знаменитаго строителя каменной громады Дворца Правосудія въ Брюсселѣ было найдено въ печени, послѣ его смерти, такое количество камня и цемента, что его память удалось увѣковѣчить постройкой изъ нихъ небольшого павильона, названнаго его именемъ, съ надписью „Profession de Soie“ что значитъ „Печеночная профессія“.

Помимо того, что подобный недугъ разрушительно дѣйствуетъ на организмъ человѣка, каково-же должно быть моральное состояніе такого индивидуума, вся жизнь котораго внѣшне представляетъ олицетвореніе самаго раціональнаго одухотворенія камня, а внутренне таитъ въ себѣ цѣлыя залежи украденнаго у человѣчества матеріала.

Интересно, что не только въ печени человѣка встрѣчаются разныя постороннія примѣси и вещества но и въ печени многихъ животныхъ.

Вотъ, напримѣръ, результаты цѣлаго ряда химическихъ и всякихъ иныхъ анализовъ, произведенныхъ императорскою академіей наукъ въ Берлинѣ, по просьбѣ Всемирной Ассоціаціи Ученыхъ Учрежденій надъ печенью полугодовалаго теленка:

Одна ложка масла	1,0
Двѣ ложки сметаны	2,0
Четыре желтка	4,0
Три зерна перца	3,0
Полтора грамма соли	1,5
Двѣ унціи мускатнаго орѣха	2,0
Одна мелко изрубленная луковица	1,0
Половина французскаго хлѣба	0,5

Откуда, спрашивается, могла попасть въ телячью печенку такая масса совершенно разнородныхъ вещей?— Одна изъ тѣхъ загадокъ, которыя, будучи встрѣчены однажды натуралистомъ, не даюгъ ему покоя, пока не разсѣется окутывающая ихъ тайна.

3. Сердце (По Жану Депюи).

Сердце долгое время считалось имѣющимъ форму сердца, какъ оно изображается на картинахъ и въ картахъ, что и натолкнуло, впервые, человѣка на мысль считать его мѣстомъ зарожденія самаго великаго человеческого чувства—любви.

Суровая дѣйствительность вскорѣ доказала человѣчеству полную ошибочность его представленія о формѣ человеческого сердца, а также заставила призадуматься надъ вопросомъ, доподлинно-ли оно представляетъ *единый* центръ чувства, называемаго любовью, или сфера вліянія въ области зарожденія и питанія этого чувства раздѣляется имъ съ нѣкоторыми другими органами.

Въ отдѣлѣ „Человѣческихъ Внѣшностей, слѣдующимъ за отдѣломъ „Внутренностей“, мы будемъ еще имѣть случай коснуться при изученіи области живота, такъ называемой животной любви, или животнаго чувства человѣка. Пока же мы ограничимся разсмотрѣніемъ функцій самого сердца, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ.

Такъ какъ чисто физическія функціи сердца не подлежатъ никакому сомнѣнію ни въ смыслѣ ихъ правильнаго отправленія, ни въ смыслѣ ихъ важности, то мы, минуя нѣкоторыя аномаліи, прямо перейдемъ къ разряду духовно-физическихъ и чисто-духовныхъ функцій.

Полость человѣческаго сердца раздѣлена, какъ извѣстно, перегородками на четыре части—два желудочка и два предсердія. И вотъ, въ зависимости отъ того, гдѣ появляется зародышъ того или иного чувства, опредѣляется и характеръ этого чувства.

Если такой зародышъ появится гдѣ-нибудь внутри одного изъ предсердій, развившееся изъ него чувство любви или дружбы будетъ чисто духовнымъ, и свободнымъ отъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ. Если онъ оснуется въ области одного изъ желудочковъ,— то же чувство будетъ грубаго, эгоистическаго чисто-желудочнаго характера, какой, на примѣръ, носятъ всѣ такъ называемые „браки по расчету“.

Въ виду того, что объемъ желудочковъ гораздо больше объема предсердій, и, слѣдовательно, болѣе благопріятствуетъ свободному развитію зародыша,— „бракъ по любви“ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ „бракъ по расчету“, что, впрочемъ, находится въ полной гармоніи съ печальной истиной—природной склонностью человѣка въ сторону дурнаго.

Весьма интересенъ законъ, управляющій степенями такъ называемаго родственнаго чувства,—чувства симпатіи или тяготѣнія однихъ родственниковъ къ другимъ, открытый Кеплеромъ и развитый Ньютономъ:

„Сила взаимнаго тяготѣнія между родственниками прямо пропорціональна квадрату разстоянія и обратно пропорціональна ихъ массѣ“.

Крайне поучительно, насколько факторъ *одушевленности* предмета способенъ исказить смыслъ закона, построеннаго на принципѣ неодушевленности. Неодушевленные тѣла подчиняются какъ разъ обратной формуль.

Опытъ Кеплера состоялъ въ томъ, что онъ послѣдовательно то приближалъ, то удалялъ массу своихъ родственниковъ, подобно тому, какъ это дѣлается съ двумя намагниченными шарами, большимъ и малымъ.

Варьируя, то разстояніе, то число родственниковъ, Кеплеръ дошелъ до принципа указанной прямой и обратной пропорціональности, но разработать его вполне математически и точно удалось только Ньютону (1642—1727).

Размѣры сердца опредѣляются въ анатоміи по величинѣ кулака.

„Человѣческое сердце приближается по своему объему къ кулаку,—пишетъ германскій ученый Гуго фонъ-Гальвицъ.—Мы, нѣмцы,—люди большого сердца“.

Атлеты, обладающіе чудовищными размѣрами кулака, почти всегда страдаютъ гипертрофіей, то есть увеличеніемъ сердца.

Кто хочетъ просто и наглядно себѣ представить, какую громадную непрерывную физическую работу совершаетъ среднее человѣческое сердце въ процессѣ кровообращенія, пусть вообразить находящейся въ постоянномъ ходу водяной насосъ системы Фильма и

Браге съ діаметромъ цилиндра въ три восьмыхъ дюйма, съ ходомъ поршня въ три и семь шестнадцатыхъ дюйма, съ коэффициентомъ полезнаго дѣйствія 0,82314 и плюсъ поправка на густоту и удѣльный вѣсъ крови (1,055).

Картина получится столь же ясная, сколь и поражающая.

Составъ крови опредѣляется числомъ красныхъ и бѣлыхъ шариковъ, причѣмъ ея качество, а вмѣстѣ съ нимъ и качество всего человѣческаго организма вполне зависятъ отъ результатовъ баллотировки. Если человѣкъ проходитъ большинствомъ красныхъ, его дѣло обезпечено; если большинствомъ бѣлыхъ—проиграно. Баллотировка, какъ видимъ, происходитъ закрытой; подсчетъ шаровъ производится при помощи микроскопа.

Человѣкъ средняго здоровья проходитъ приблизительно тысячею красныхъ противъ одного бѣлаго; изъ этого можно заключить, что къ голосу меньшинства человѣческой организмъ прислушивается весьма внимательно.

Такимъ образомъ, сама природа даетъ человѣку указаніе, какимъ путемъ слѣдуетъ рѣшать всѣ насущные вопросы, а именно:

Закрытой баллотировкой, при уваженіи къ голосу меньшинства.

4. ЖЕЛУДОКЪ. (По Фишеру).

Наука, изучающая спеціально права и требованія человѣческаго желудка, носитъ имя „Политической Экономіи“; наша задача несравненно скромнѣе.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о моральной цѣнности притязаній этого органа на степень наполненія

его пищей того или иного качества, независимо отъ соціального положенія собственника, мы прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію основныхъ и характерныхъ его чертъ.

Главное назначеніе желудка, въ связи съ цѣлой серіей связанныхъ съ нимъ кишекъ (наука, къ сожалѣнію, еще не избрѣла другого, болѣе приличнаго слова)—состоитъ въ *перевариваніи* пищи. Само это выраженіе показываетъ, насколько должна быть высока температура этихъ органовъ; коротко говоря, не менѣе 100° по Цельсію—температура кипѣнія воды, при которой обыкновенно развариваются мясо и овощи.

Чтобы предохранить отъ ожоговъ и брызгъ другіе органы, кухня эта отдѣлена отъ остального помѣщенія при помощи такъ называемой „грудобрюшной“ или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, „градобрюшной“ преграды, быть можетъ единственной преграды, которую никогда не преступала нога самага своевольнаго челоуѣка.

Происхожденіе слова „градобрюшный“ (грудобрюшный) пока еще не совсѣмъ точно установлено, хотя большинство лингвистовъ склоняются видѣть въ немъ сочетаніе двухъ словъ—„градъ“, т. е. городъ и „брюхо“, т. е. брюхо. „Градобрюхами“ будто бы назывались, въ прежнее время, городскіе правители, среднее между позднѣйшими „градскими головами“ и „градоначальниками“.

Въ качествѣ помощниковъ „градобрюхамъ“ давались „градобрехи“, на обязанности которыхъ лежало говорить съ выборщиками, а также объясняться съ „народомъ“. („Русская Исторія“ фонъ-Блоха).

Градобрюхи и градобрехи чинили населенію всякія препятствія, ставили всякія преграды; отсюда и яви-

лось выраженіе „градобрюшная преграда“, которое перешло потомъ въ русскую науку.

Замѣтимъ, что это далеко не единственный примѣръ обогащенія научной терминологіи словомъ, родившимся на почвѣ критическаго отношенія нашихъ русскихъ предковъ къ заслугамъ городскихъ самоуправленій.

Такъ, напримѣръ, терминъ „сонная артерія“—ничто иное, какъ испорченное „сонная артель“, насмѣшливое прозвище, данное въ началѣ прошлаго вѣка столичной городской думѣ. Того же происхожденія различныя названія кишекъ — толстая, прямая, тонкая, слѣпая и прочее.

— Прямая ты, братъ, кишка,—сплошь и рядомъ слышимъ мы и до сихъ поръ среди простого люда.

Или:

— Эй ты, слѣпая кишка! Не видишь, куда править надо!

Или иначе:

— Кишка у тебя, братецъ, тонка, напередъ становиться... Вамъ бы, барышня, при вашей селезенкѣ, поскромнѣ держаться.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Русская литература пестритъ подобными выраженіями, свидѣтелями интенсивнаго обмѣна между наукой и бытомъ.

Несмотря на свою нѣсколько грубую поваренную роль, желудокъ, какъ органъ, обладаетъ удивительной чуткостью ко всякимъ духовнымъ воспріятіямъ и переживаніямъ. Ничто такъ остро не реагируетъ, напримѣръ, на чувство робости, какъ желудокъ; въ этомъ отношеніи онъ настоящая „красная дѣвица“.

Стоитъ только, какъ говорится, „упасть сердцу“, какъ за нимъ валится и желудокъ.

Вотъ характерное признаніе одного молодого русскаго ученаго:

„Первый мой романъ кончился весьма печально. Я долженъ былъ разстаться съ любимой дѣвушкой, потому что мой желудокъ рѣшительно не могъ переваривать взгляда ея матушки.

Всякій разъ, какъ строгіе глаза этой достойной женщины пронизывали меня насквозь, доходя, казалось, до самыхъ глубинъ моихъ внутренностей, мой желудокъ совершенно терялся, не будучи въ силахъ растворить въ своемъ сокѣ ея бѣлковыя, которые обычно съ такой легкостью претворяются имъ въ пептоны и затѣмъ всасываются стѣнками.

Убѣдившись, что пепсинъ моего желудочнаго сока слишкомъ слабъ для безболѣзненнаго превращенія въ пептоны бѣлковыхъ веществъ моей будущей тещи, я долженъ былъ поставить крестъ надъ своимъ чувствомъ и прекратить посѣщеніе дома“.

Нельзя въ заключеніе не остановиться съ крайнимъ прискорбіемъ на одномъ изъ человѣческихъ предразсудковъ, который до сихъ поръ лишаетъ этотъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ органъ правъ на автономію и самоопредѣленіе.

Говорить въ обществѣ о разстройствѣ желудка считается почему-то неудобнымъ. Разстройство желудка какъ мотивъ опозданія на свиданіе съ дѣвушкой или дамой, не подлежитъ никакому уваженію и относится къ разряду шокирующихъ и зазорныхъ и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Подобное ненормальное положеніе существовать далѣе не должно и не можетъ. За органомъ, несущимъ столь важныя обязанности, какъ желудокъ, должны быть признаны всѣ права, какъ физическія, такъ и духовныя.

Б. К И Ш К И.

Кишки представляют собой слишком мало отрадного, чтобы говорить о них доставляло хотя бы скромное удовольствие.

Разговоръ на кишки переходит только тогда, когда всё другія темы исчерпаны.

Въ виду того, что самой популярной является „слѣпая кишка“ съ неизмѣннымъ ея спутникомъ и креатурой—червеобразнымъ отросткомъ, мы на ней о остановимся.

Вотъ интересная для насъ выдержка изъ нѣсколько сухого, но обстоятельнаго курса хирургіи, извѣстнаго русскаго специалиста, профессора Подракова:

„Операция червеобразнаго отростка слѣпой кишки для человѣка, имѣющаго лишнѣхъ триста—четыреста рублей, вещь вполне доступная, безопасная, а иногда и очень пріятная. Последнее зависитъ немало отъ оператора.

Что касается меня, то, кромѣ обычнаго удаленія отростка, я всегда стараюсь по мѣрѣ возможности принести добавочную пользу пациенту, не зашивая его послѣ операциі наглухо, а оставляя подобіе маленькаго кожанаго кармана, примѣнительно къ размѣру среднихъ карманныхъ часовъ.

Это даетъ неоцѣнимыя преимущества при пользованіи всякими ваннами и морскими купаньями.

Такъ, на примѣръ, одинъ изъ моихъ пациентовъ, тайный совѣтникъ, который былъ выброшенъ голымъ изъ ванны въ Эссентукахъ за несоблюденіе какихъ-то формальностей, спасъ свои прекрасные часы только потому, что они были при немъ въ плотномъ, изъ собственной кожи, карманѣ, который былъ предусмотрительно оставленъ мною послѣ операциі отростка.

Червеобразный отростокъ послѣ операціи не выбрасывается, но помѣщается въ сосудъ со спиртомъ и, за извѣстное вознагражденіе, вручается прежнему собственнику. Употребленіе такого бывшаго органа въ качествѣ орудія шантажа противъ пациента, карается по соотвѣтствующей статьѣ и параграфу уголовного судопроизводства.

Полоскать кишки слѣдуетъ чаемъ“.

Имѣя въ виду широкое распространеніе этой книги и щадя повышенную стыдливость молодежи, мы закончимъ наше ознакомленіе съ темнымъ бытомъ человѣческихъ кишекъ настоятельной рекомендаціей смотрѣть на все, здѣсь изложенное, только какъ на введеніе къ другому болѣе спеціальному курсу.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ВНѢШНОСТИ.

Среди человѣческихъ внѣшностей первое мѣсто безспорно занимаетъ такъ называемый „животъ“ — самая монументальная часть человѣческаго фасада.

Декоративное значеніе этого органа не поддается учету какъ его вліяніе рѣшительно на всѣ виды человѣческихъ отношеній.

Лишь крайняя ограниченность мѣста вынуждаетъ автора отдать ему только сотую долю должнаго вниманія и удовлетвориться однимъ краткимъ перечисленіемъ его главныхъ функцій.

Первая и самая высокая изъ нихъ, которая скорѣе заслуживаетъ названія ми сіи, обнимаетъ собой наиболѣе прекрасную форму патріотическаго порыва, граничащаго съ жертвоприношеніемъ, а именно — актъ положенія живота на алтарь отечества.

Объектомъ этой, къ счастью, безкровной жертвы,

являются чаще всего купцы или чиновники, должность же ниже пятого класса—желательное условие для добавляющего благолѣпія обряда.

Большая поверхность этой внѣшности въ связи съ мягкой и гармоничной окружностью ея формы допускаетъ безконечное разнообразіе въ выборѣ орнаментовъ и украшеній, изъ которыхъ самое употребительное—золотая цѣпь съ группой брелочковъ на одномъ концѣ и золотыми часами на другомъ.

Смыслъ подобнаго сочетанія живота, часовъ, брелочковъ и цѣпи вполне ясенъ: пространство, время, суета и воздержаніе—одна изъ красивѣйшихъ аллегорій всей сущности человѣческой жизни.

Такой же свободный подходъ къ возвышенному заключается и въ естественномъ расположеніи человѣческаго живота подъ линіей орденовъ, хотя только при наличности должныхъ пропорцій можно получить истинное представленіе о томъ, какъ дологъ, гористъ и возвышенъ путь, ведущій къ звѣзднымъ вершинамъ славы и почестей.

Уже одного этого достаточно, чтобы постигнуть все великолѣпіе замысла истиннаго бельэтажа того прекраснаго зданія, имя которому человѣческое тѣло.

Однако, и этого еще мало.

Танецъ живота—ядовитое, сладкое, томящее и грѣшное откровеніе востока, срываетъ еще одну завѣсу, за которой таится новое очарованіе, новый міръ власти этого единственнаго, окутаннаго измѣнчивыми цвѣтами жилета существа-органа.

Но оторвемся, какъ это ни трудно, отъ дурманящихъ образовъ и спустимся одной ступеню ниже въ область „конечностей“.

Н О Г И.

Утверждать, что ноги созданы для ходьбы было бы равносильно уподобленію человѣка собакѣ или кошкѣ.

Ноги созданы для танца, но избѣгать ихъ услугъ при ходьбѣ было бы столь же нелѣпо, какъ отказываться отъ обѣда подъ потолкомъ, украшеннымъ безсмертными фресками художниковъ Возрожденія.

И все-таки авторъ не можетъ посвятить ногамъ болѣе страницы, чтобы не шагнуть ими далеко за предѣлы задачи, положенной въ основаніе этой книги, и не потерять той научной строгости изложенія, которая обезпечиваетъ человѣческимъ останкамъ почетное мѣсто въ Пантеонѣ.

Полное и наглядное представленіе о ногѣ можетъ дать лишь посѣщеніе балета и вообще знакомство съ областью искусства, находящейся подъ патронатомъ св. Витта—пляской.

Что же касается этого труда, то въ немъ читатель найдетъ только самыя короткія и сухія свѣдѣнія изъ области чистой анатоміи.

Американскій профессоръ Генри Крауфордъ, которому принадлежитъ честь открытія ходячей теперь въ медицинѣ формулы „сосать подъ ложечкой и сосать съ ложечки—не одно и то же“, дѣлится слѣдующими свѣдѣніями, почерпнутыми имъ изъ обширной практики.

„Едва ли есть врачи-профессіоналы, болѣе подверженные вѣчному соблазну выкинуть какое-нибудь колѣно, чѣмъ хирурги, специалисты по ампутированію нижнихъ конечностей.

Каждая дюжина разбитыхъ колѣнныхъ чашекъ составляетъ одинъ разбитый колѣнный сервизъ; двѣ дюжины—два сервиза и такъ далѣе—цѣнное руководство

для начинающих молодых врачей-практиковъ въ томъ періодѣ ихъ дѣятельности, когда въ понятіяхъ голень и голенище они видятъ только количественное различіе, служащее для обозначенія размѣровъ“.

Весьма возможно, что читатель уже приготовился перейти въ область переднихъ конечностей—человѣческихъ рукъ.

Къ глубокому сожалѣнію автора, онъ самъ находится въ полной зависимости отъ пишущей, правой его руки, которая не вѣдаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, и въ то же время слишкомъ скромна, чтобы описывать свою дѣятельность.

Но,—скромно полагаетъ авторъ,—ея роль и безъ того достаточно опредѣлилась, на всемъ протяженіи этого труда, несовершеннаго, какъ и большинство созданий человѣческой кисти.

Но, какъ бы ни были многочисленны и велики недостатки его работы, авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что каждый изъ нихъ будетъ сочтенъ читателемъ за Ахиллесову пятку, ту самую пятку, которая, согласно введенію къ книгѣ, должна закончить это произведеніе.

Георгій Дандау.

ЭФФИ.

ФИЗИОЛОГИЯ.

НАУЧНЫЙ ТРУДЪ.

(Съ иллюстраціями автора — впервые
въ этомъ городѣ!)

1900

REPORT OF THE

COMMISSIONERS

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемый учебникъ предназначенъ для въ-академическаго преподаванія физиологии, и при составленіи его авторы имѣли ввиду освѣтить науку новымъ свѣточемъ, и въ новой, сжатой, но тѣмъ не менѣе потрясающей формѣ изложить въ особомъ преломленіи существующую физиологическую догму.

Все, что было упущено физиологами, начиная съ до-историческихъ временъ (періодъ пещерный) и кончая текущими днями нашей жизни—все, что ждало своего разрѣшенія—разрѣшено нами (съ разрѣшенія цензуры).

Скажемъ кратко: яркость изложенія, глубина мысли оригинальность трактовки, ширина эрудиціи,—вотъ точная характеристика нашего скромнаго труда.

Для особей, одаренныхъ тупымъ воспріятіемъ абстрактныхъ идей, прилагаются пояснительные рисунки въ текстѣ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданный мною трудъ (не щадя затратъ) можетъ украсить любую полку своею внѣшностью, а также будетъ способствовать развитію фізіологическихъ идей за 1 рубль 25 копѣекъ.

ДОСАДНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

1. Въмѣсто „печенка“ читай вездѣ „селезенка“.
 2. „Вмѣсто „глазъ“ читай вездѣ „первая фаланга четвертаго пальца лѣвой ноги“.
 3. Въмѣсто „съ удовольствіемъ“ читай вездѣ „двѣнадцатиперстная кишка“.
 4. Въмѣсто „все выше и выше поднимались мы на гору“ читай вездѣ „жидкость“.
 5. Въмѣсто „въ“ читай вездѣ „съ“.
 6. Въмѣсто „пр.“ читай вездѣ „др.“
 7. Въмѣсто „е“ читай, гдѣ слѣдуетъ, „ѣ“.
-

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЗИОЛОГІЮ.

Въ этомъ краткомъ введеніи въ введеніе въ физиологію я хочу сказать нѣсколько теплыхъ словъ по поводу насущной необходимости самого введенія.

Чтобы любезный читатель лучше могъ понять меня, я прямо начну съ сравненія:

Каждая книга подобна зданію. Вѣроятно, этому сходству обязано своимъ происхожденіемъ и слово „изданіе“ примѣняемое къ книгѣ. Буква „и“ присоединена для удобства и граціи произношенія, какъ, на примѣръ, буква „а“ къ слову „аржаной“. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія относятся къ области филологіи, куда и отсылаемъ съ легкимъ сердцемъ любезнаго читателя.

Итакъ—каждая книга подобна зданію.

Теперь—представьте себѣ человѣка, который стоитъ передъ нѣкимъ величественнымъ зданіемъ и при этомъ не знаетъ, какъ влѣзть въ него.

Онъ начнетъ тыкаться во всѣ углы и стѣны, нанося ущербъ, какъ симъ послѣднимъ, такъ и своему собственному организму. Онъ станетъ прыгать въ надеждѣ, что съ болѣе высокой точки положенія своего корпуса сможетъ проникнуть внутрь зданія. Онъ переколотитъ стекла, повредигъ трубы, разнесетъ крышу, но, увы, усилія эти только истощатъ его, не принеся никакой пользы и не подвинувъ дѣло ни на шагъ.

И вотъ тогда, можетъ быть, догадается онъ сдѣлать то, съ чего слѣдовало начать: онъ обратится къ двор-

нику заинтересовавшаго его зданія и освѣдомится, какъ можно проникнуть въ это послѣднее.

И дворникъ раскроетъ передъ нимъ двери и впуститъ въ домъ. То есть совершить такъ называемое „введеніе“.

Дворникъ долженъ, съ своей стороны, быть человекомъ опытнымъ и осмотрительнымъ и впускать посетителя именно во входную дверь, а отнюдь не черезъ какой нибудь черный ходъ. Иначе посетитель запутается въ какихъ нибудь корридорахъ и закоулкахъ и получитъ самое превратное представленіе о посвященномъ имъ помѣщеніи.

Каждаго человѣка, къ изученію котораго мы рѣшили приступить, можно для легкости сравнить съ домомъ или, еще лучше, съ квартирой.

Парадная комната или гостиная—есть внѣшній видъ человѣка—то, что онъ съ удовольствіемъ и гордостью показываетъ всѣмъ желающимъ.

Кабинетъ—голова человѣка, ибо комната эта предѣлена для мыслительной функціи субъекта.

Кухня, какъ комната, въ которой происходитъ вареніе пищи, иначе—пищевареніе, конечно ни съ чѣмъ инымъ и не сравнишь, какъ съ пищевареніемъ. Будуаръ, какъ комната наиболѣе замкнутыхъ интимныхъ переживаній, долженъ быть названъ сердцемъ человѣка.

Корридоръ можно сравнить съ кровеносными сосудами, ибо по нимъ бѣгаетъ взадъ и впередъ прислуга. Прибѣжить, окислится и бѣжить назадъ.

Трубы ничто иное, какъ легкія.

Предоставляемъ остальной ходъ аналогіи собственному воображенію любезнаго читателя и высказываемъ увѣренность, что все выше изложенное вполнѣ уясняетъ для пытливаго ума необходимость такъ называемаго „введенія“.

ВВЕДЕНІЕ.

Слово „фізіологія“ состоитъ изъ двухъ словъ: „фізія“, что значитъ рожа (выраженіе пренебрежительное) и „логія“—слова, объясненія не требующаго.

СТРОЕНІЕ И ЖИЗНЬ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА.

Изслѣдуя микроскопомъ внутреннее строеніе^о органовъ животныхъ и растеній, мы, выражаясь языкомъ научнымъ, неизмѣнно натываемся на такъ называемую клѣтку или клѣточку (выраженіе ласкательное и употребляется при благодушномъ или игривомъ настроеніи егествоиспытателя) (рис. № 1).

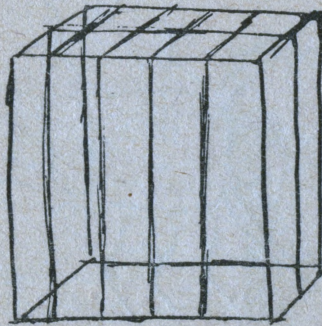

Рис. № 1. Клѣтка или клѣточка.

Въ клѣткѣ находится такъ называемая прото-плазма, или протоплазмочка (опять тоже въ зависимости отъ настроенія) и ядро или ядрышко.

Рис. 18. Нога человѣка. а—каблукъ.
b—такъ называемый бантъ.
с—колѣнная чашка.

Кромѣ того, въ той-же клѣткѣ сидитъ нѣкая „центра-вома“. Зачѣмъ она тамъ засѣла—никому неизвѣстно.

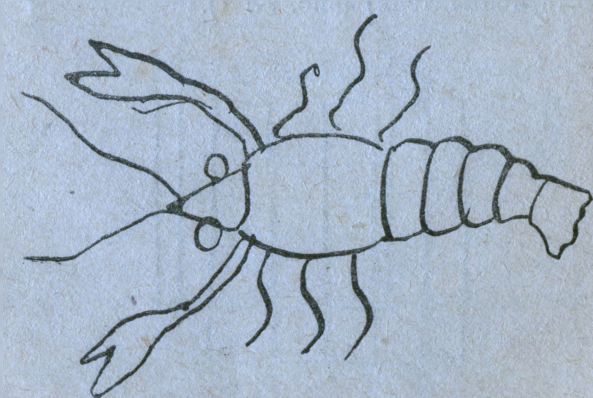

Рис. 19. Ракъ печени.

Говорятъ о ней въ сдержанныхъ выраженіяхъ, что въ
обычной жизни клѣтки она никакого участія не при-
-

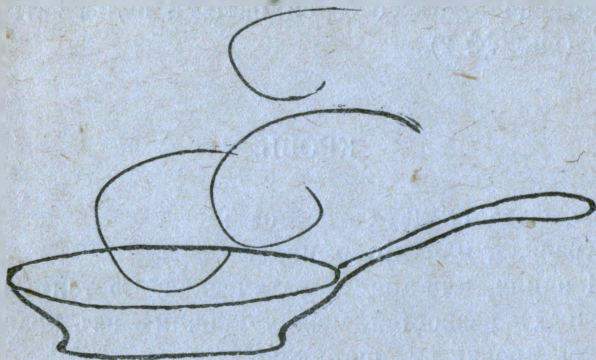

Рис. 20 Тазъ .

маеть. Живеть центрозома тихо, но своего не упуститъ.
Какъ только клѣтка затѣеть дѣлиться, вышеупомянутая

Рис. 2. Внутренняя жизнь клѣтки или клѣточки. а —ядро. в—центро-
зома. Въ обычной жизни клѣточки никакого участія не принимаетъ.

центразома предъявляет свои права. Само собою разумеется, что въ каждомъ уважающемъ себя организмѣ подобная особа симпатіями пользоваться не можетъ (рис. № 2).

КРОВЬ.

Кровь бываетъ двухъ сортовъ:

1) Красная, или презрѣнная.

2) И синяя, или аристократическая. Состоитъ кровь изъ разныхъ разностей, между прочимъ изъ красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ.

Главное свойство красныхъ кровяныхъ шариковъ то, что они краснаго цвѣта. Это нужно помнить твердо, и ежели кто вздумаетъ ошеломить васъ вопросомъ:

— Какого цвѣта красные кровяные шарики?

Отвѣчайте, не задумываясь:

— Краснаго!

Красные кровяные шарики продѣлываютъ разныя штуки съ кислородомъ, но это ихъ личное дѣло.

Бѣлые кровяные шарики тѣлосложеніемъ напоминаютъ амёбу. Кому доводилось встрѣчаться съ амёбой, тотъ ясно представить себѣ наружность бѣлаго шарика.

Бѣлые кровяные шарики извѣстны въ обществѣ тѣмъ, что они „пожираютъ“. Пожираютъ и баста! Репутація не завидная, но прочно установившаяся. На всѣхъ своихъ портретахъ она изображается именно въ этотъ неказистый моментъ своей прозаической жизни.

Число красныхъ кровяныхъ шариковъ=5 и нѣсколько нулей въ 1 куб. миллим. крови.

Число бѣлыхъ шариковъ=9 и нѣсколько меньше нулей.

Слѣдуетъ еще упомянуть—важно для молодыхъ хо-

заякъ, какъ подспорье для хозяйства—что въ крови, кромѣ шариковъ, водятся еще—поваренная соль, сода, бѣлки и виноградный сахаръ.

СЕРДЦЕ.

Сердце находится въ груди.

Составъ его бываетъ различенъ. Къ наиболѣе часто попадающимся разновидностямъ принадлежитъ:

- 1) Сердце пламенное (пылкое)
- 2) Сердце каменное
- 3) Сердце черствое
- 4) Сердце отзывчивое
- 5) Сердце материнское
- 6) Сердце легкое

и

- 7) Сердце разбитое.

Приводимъ свидѣтельства ученыхъ, провѣренныя опытами въ собственной лабораторіи.

- 1) „Сирятался мѣсяць за тучку
Не хочетъ онъ больше гулять.
Дайте-жъ мнѣ правую ручку
Къ *пылкому сердцу* прижать“.
- 2) „Но въ *сердцѣ каменномъ* Лили
Ничто не шевельнуло ъ“.
- 3) „Какое *черствое сердце* у нашего судьи!—воскликнула Элажбетта“.
- 4) „Обращаюсь при содѣйствіи Вашей уважаемой газеты къ *отзывчивымъ сердцамъ* читателей“.
- 5) „И прошу васъ, господинъ директоръ, выпорите вы Петьку оболтуса собственноручно, чтобъ онъ, дармоѣдина, не сидѣлъ третій годъ въ одномъ классѣ и не обливалъ кровью мое *материнское сердце*“.

6) „Давъ взятку, кому слѣдуетъ, онъ съ легкимъ сердцемъ пошелъ домой“.

7) „И сердцемъ разбитымъ живу да живу!“

Таковъ составъ сердца.

Бываютъ еще сердца „ретивыя“, „чистыя“ „самотверженныя“, но встрѣчаются они рѣдко и могутъ быть отнесены къ явленіямъ патологическимъ.

Наружный видъ сердца очень волнующій, вродѣ раздвоенной рѣдки, хвостомъ внизъ. Изображается обыкновенно въ упрощенномъ видѣ съ торчащей изъ него стрѣлой.

Дѣятельность сердца бываетъ самая разнообразная,

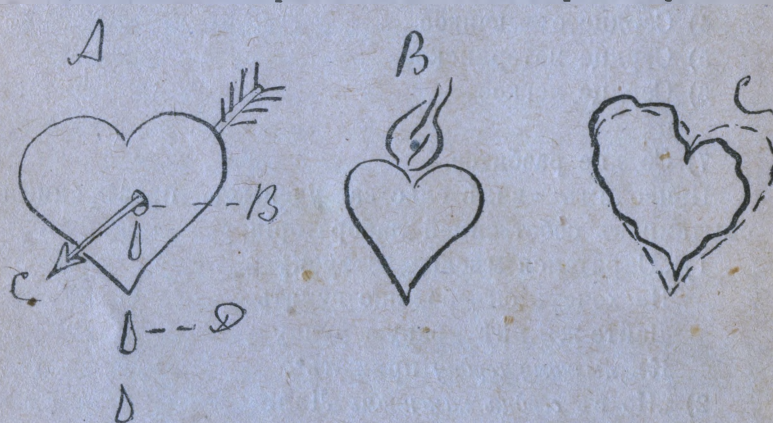

Рис. 3. А—Обычный видъ сердца, б—отверстіе для стрѣлы, с—стрѣла, д—кровь. В—Сердце пламенное. С—Сердце трепещущее (пунктиромъ обозначена его нормальная границы).

Оно: пылаетъ, трепещетъ, рвется (безъ всякаго для себя ущерба), бьется, останавливается, бываетъ готово выскочить, ноетъ и даже обладаетъ памятью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда весьма болѣзненныхъ, сердце даже служитъ кладбищемъ:

— Похороню на даѣ сердца!

Люди неосмотрительные часто небрежно обращаются

съ этимъ, въ сущности, хрупкимъ органомъ. Сохраняютъ въ немъ долгіе годы какой нибудь „образъ милый“, таятъ въ немъ „былыя встрѣчи, мечты и рѣчи“ и прочую труху. На сей предметъ въ сердцѣ имѣются спеціальныя желудочки. Помѣщенная въ этомъ желудочкѣ рухлядь медленно переваривается и затѣмъ даетъ мѣсто новому запасу.

Одному извѣстному итальянцу, Верди, удалось наблюдать любопытную аномалію. А именно: сердце,—напоминающее сильное движеніе воздуха въ открытой мѣстности.

„Сердце красавицы,—читаемъ мы въ его записяхъ,—какъ вѣтерокъ полей“.

СОСУДЫ.

Говоря о сердцѣ, неловко не упомянуть и о сосудахъ.

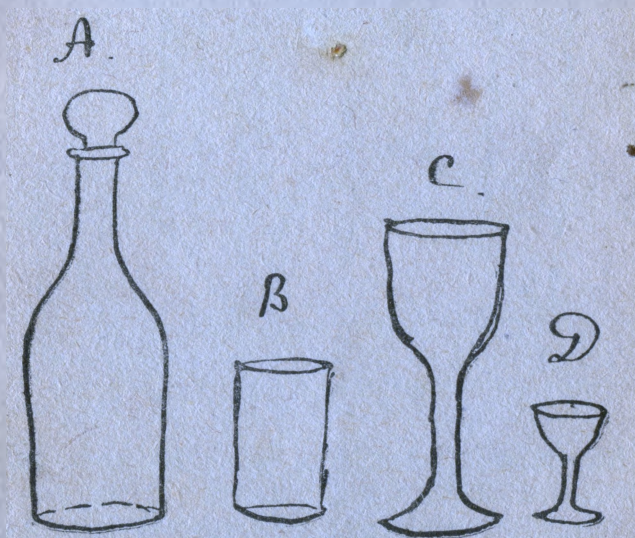

Рис. 4. Сосуды. А—такъ называемый графинъ. В—Такъ называемый стаканъ. С. такъ называемый фужерь. D—такъ называемая рюмка.

ДЫХАНІЕ.

Каждое живое существо нуждается въ кислородѣ. Если кто либо станетъ увѣрять васъ въ своемъ равнодушіи къ кислороду—не вѣрьте ему.

Люди дышатъ легкими, помѣщающимися въ грудной клѣткѣ.

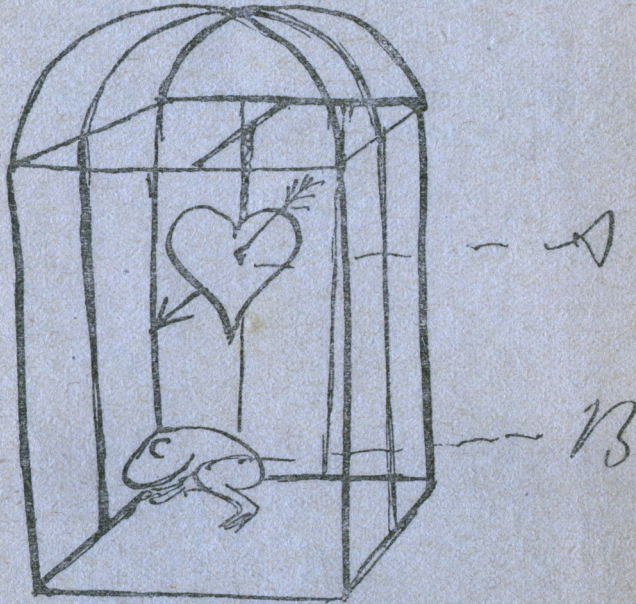

Рис. 5. Грудная клѣтка—въ нѣскольکو искривленномъ видѣ т. к. изображеніе снято съ неправильно сложеннаго человѣка. А—сердце. В—грудная жаба.

Въ клѣткѣ этой иногда заводится жаба. По мѣсту жительства она такъ и называется „грудная жаба“.

Легкія для красоты и удобства окружены ребрами. Спереди у реберъ находится такъ называемая „ложечка“. Сама по себѣ она особаго значенія не имѣетъ,

такъ какъ не можетъ пригодиться даже въ самой скромной сервировкѣ.

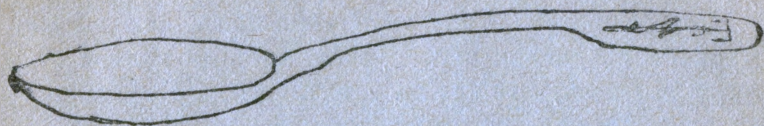

Рис. 6. Ложечка.

Зато подъ этой ложечкой находится очень чувствительное мѣсто, которое часто болитъ, преимущественно у лицъ женскаго пола купческаго званія.

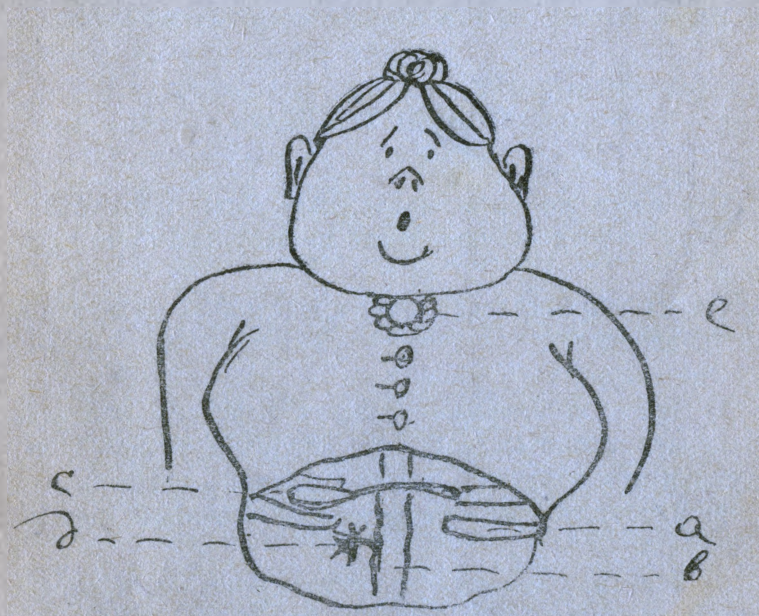

Рис. 7. Купчиха въ разрѣзѣ. а—ребра.
б—хребетъ.
с—ложечка.
д—боль подъ ложечкой
е—брошка.

У людей высшаго происхожденія боли этой не бываетъ, и, вообще, они на ложечку обращаютъ мало вниманія.

Есть, впрочемъ, мрачная легенда про одного высоко-мѣрнаго средневѣкового барона, который велѣлъ ювелиру изобразить гербы на всѣхъ своихъ сокровищахъ въ томъ числѣ и на вышепоименованной ложечкѣ.

Ювелиръ выпотрошилъ барона, но ложечки не нашель. Баронъ обвинилъ ювелира въ кражѣ и приказалъ повѣсить на одной веревкѣ съ собакой.

Темными ужасами средневѣковья вѣтъ отъ этой исторіи.

Перейдемъ къ пищеваренію.

ПИЩЕВАРЕНІЕ.

Случалось ли вамъ видѣть, какъ ѣсть человѣкъ?

Кому случалось, тотъ долго не забудетъ этого зрѣ-
лица.

Наука подраздѣляетъ этотъ процессъ на слѣдующія
разновидности.

Она говоритъ:

1) Человѣкъ *кушаетъ*—о лицахъ женскаго пола благороднаго происхожденія и о лицахъ мужскаго пола, начиная отъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ.

2) Человѣкъ *ѣстъ*—непочтенный человѣкъ, неважная птица.

3) Человѣкъ *лопаетъ*—уже совсѣмъ низкаго происхожденія, и лопаетъ онъ, что попало.

4) Человѣкъ *трескаетъ*—и низкій и вдобавокъ голодный, потому что слово „трескать“ указываетъ на любопытное явленіе—у него при этомъ трещить за ушами.

5) *Жрутъ* уже совсѣмъ грубые организмы, о которыхъ въ популярномъ учебникѣ упоминать не стоитъ.

6) *Уплетаютъ* иногда довольно утонченныя натуры, но только въ томъ случаѣ, если ихъ никто не видитъ.

Пищевареніемъ своимъ человѣческая особь наиболѣе гордится. Для этого въ сущности очень простаго физическаго процесса люди часто собираются скопомъ нерѣдко съ большой торжественностью.

Процессъ кровообращенія или дыханія заслуживаетъ не меньшаго уваженія, но люди не придаютъ ему большаго значенія и не приглашаютъ друзей милыми записочками.

„*Cher ami!*

Если вы свободны, приѣзжайте къ намъ сегодня вечеромъ кровообращать вмѣстѣ“.

Часто пищеваренію придается общественное значеніе. Собираются пищеварить люди, объединенные одной идеей, стремящіеся къ одной цѣли.

Вдохновенный ораторъ, прервавъ на минуту свое пищеварительное занятіе, вскакиваетъ съ мѣста и кричитъ пламенныя слова. Окружающіе, дѣлая видъ, что захвачены пламенными словами, тихонько пережевываютъ заблаговременно сунутый за щеку кусокъ жареной тетерки.

Такое совмѣстное пищевареніе людей, объединенныхъ идеей, называется „банкстомъ“.

Вообще, какъ упомянуто выше, люди относятся къ процессу пищеваренія съ особеннымъ вниманіемъ. Человѣкъ желаетъ пищеварить вездѣ, гдѣ только есть къ этому малѣйшая возможность. Всѣ счастливые, несчастные, дѣловые и веселые моменты своей жизни человѣкъ отмѣчаетъ этимъ процессомъ.

Онъ ѣсть въ театрѣ, на похоронахъ, въ окружномъ судѣ, на выставкѣ, на вокзалѣ, на Юнгфрау, въ ва-

гонѣ, ѣсть на землѣ, на водѣ, въ воздухѣ, ѣсть когда его судятъ, когда его женятъ, когда онъ смотритъ на водопадъ, когда слушаетъ шансонетокъ, когда заключаетъ коммерческую сдѣлку, когда требуетъ смѣны министерства и когда приходитъ на любовное свиданіе.

Пищеварительный процессъ всегда и всюду вызываетъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе.

— Чудный видъ съ этихъ горъ, но представьте себѣ—закусить негдѣ.

— Да вѣдь вы только что обѣдали.

— Ну, знаете, все-таки можно бы хоть бутербродъ, что ли? А то какъ-то неловко.

— Я люблю васъ... Поѣдемте завтра вмѣстѣ ужинать.

— Въ понедѣльникъ назначенъ банкетъ независимыхъ новодумцевъ...

— Какъ граціозенъ этотъ танецъ! Очаровательная Отеро! Дайте мнѣ скорѣе севрюги съ хрѣномъ!

— Я безумно взволнованъ... Одинъ съ икрой и одинъ съ сыромъ. „Экстазъ“ гораздо ярче „Прометея“. Я прямо весь дрожу... Чего же вы два съ икрой, когда я присилъ одинъ и одинъ съ сыромъ?

Ѣдятъ, кушаютъ, уплетаютъ, лопаютъ.

Все поглощенное проваливается въ такъ называемый кишечникъ или кишки, мѣсто столь не изящное, что о немъ въ приличномъ обществѣ говорить не принято. Изображеніе же кишечника хотя и появляется часто на футуристическихъ выставкахъ, но называется оно тогда или „Дѣвушка съ цвѣтами“, или „Осенняя пѣснь“, или „Городъ Казань“.

Среди кишекъ есть одна слѣпая. Въ отличіе отъ остальныхъ зрячихъ, она такъ и называется слѣпой.

Эта слѣпая кишка причиняетъ людямъ много хлопотъ.

потъ и неприятностей, ибо часто со-слѣпу проглотить то кость, то пуговицу и потомъ страдаетъ.

Окулисты излечить эту слѣпоту отказались разъ навсегда, что чести имъ не дѣлаетъ.

Процессъ питанія (жеванія, глотанія, смакованія и руганія, ежели что плохо) происходитъ у современнаго человѣка съ большими сложностями.

акихъ-нибудь триста тысячъ лѣтъ тому назадъ человѣкъ былъ неприхотливъ. Берцовая кость мамонта или лапа ихтиозавра, съѣденная на-ходу, вполне удовлетворяла вкусъ и аппетитъ человѣка.

Организмъ современнаго человѣка изнѣженъ, извращенъ и утонченъ.

Для введенія пищи въ пищеводъ и правильнаго воздѣйствія на нее желудочнаго сока необходимы:

1) Румынскій оркестръ съ сольнымъ номеромъ: „Я васъ ждала съ восторгомъ сладострастья“.

2) Иллюстрированный или юмористическій журналъ.

Все это трудно и требуетъ затратъ. Поэтому современный человѣкъ тощъ и слабъ.

По свидѣтельству современника:

„Мы всѣ здоровьемъ хлипки
Всѣ зелены съ лица“.

По поводу важности питанія для человѣка, народная мудрость говоритъ:

„Человѣкъ есть, что онъ ѣсть“.

Кажется, эта мудрость переводная съ иностранной мудрости. Но все равно она существуетъ и будемъ ею руководиться.

При встрѣчѣ съ человѣкомъ, во что бы то ни стало старайтесь вывѣдать, что онъ ѣлъ, иначе вы можете впасть въ досадное заблужденіе и надѣлать непоправимыхъ ошибокъ.

Представьте себѣ, что встрѣченный вами человекъ имѣетъ видъ и положеніе солиднаго коммерсанта. Вы такъ и относитесь къ нему и уже не прочь пуститься съ нимъ въ совмѣстныя торговыя предпріятія. Но вспомнивъ во-время о народной мудрости, ставите вопросъ ребромъ:

— А что вы изволили сегодня кушать, Петръ Степановичъ?

И вотъ вмѣсто ожидаемой рѣдки съ квасомъ, щей, каши и жареной свинины, вы узнаете, что этотъ якобы коммерсантъ изволилъ кушать кремъ д'аспержъ, котлету изъ рябчика и маседуанъ изъ фрутковъ.

Въ хорошенькую исторію попали бы вы, если бы не спросили его во-время.

Но разъ еще не поздно, вы, конечно, поспѣшите отдѣлаться отъ аспержа съ маседуаномъ.

ПРОЦЕССЪ ПИЩЕВАРЕНІЯ.

Каждый уважающій себя человекъ знаетъ, что для переварки пищи онъ долженъ первоначально выработать въ себѣ пепсинъ и трипсинъ.

Для доказательства этой печальной необходимости ученые производили опыты надъ собакой.

„Для пепсина и трипсина нужна сначала псина“, — какъ говаривалъ въ веселыя минуты покойный Пастеръ.

ЖЕЛЕЗЫ.

Исключительное свойство железъ: онѣ всегда пишутся черезъ „е“.

Кромѣ того, у каждой железы есть свой секретъ.

Изъ уваженія къ чужой тайнѣ, мы, разумѣется, ни одного изъ этихъ секретовъ опубликовывать не станемъ (рис. 8).

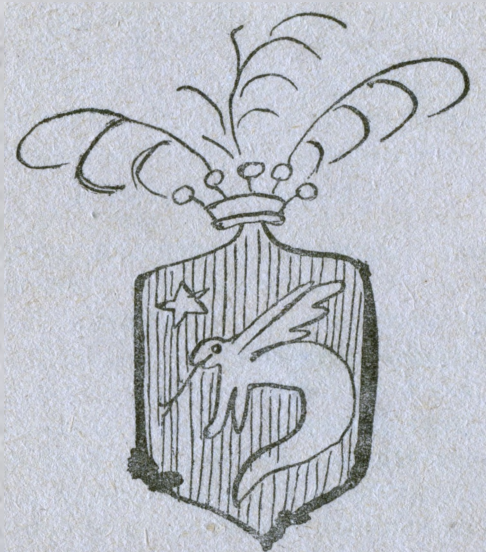

Рис. 8. Щитовидная железа (въ нѣсколько искривленномъ видѣ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія).

НЕРВНАЯ СИСТЕМА.

Нервы распредѣляются на

- 1) Грубые и
- 2) Разстроенные.

Существо, обладающее грубыми нервами, шумить, стучить, спорить, не дѣлаетъ подарковъ, когда нужно, входитъ въ комнату, когда не нужно и называется *нервнымъ раздражителемъ* (рис. 9).

Рис. 9. Нервный раздражитель.

Существо, обладающее нервами разстроенными, нуждается въ нѣжномъ обращеніи, уваженіи, прекло-
неніи и своевременномъ поздравленіи:

- а) Съ Новымъ годомъ!
- б) Съ днемъ ангела!
- в) Съ днемъ рожденія!
- д) Съ праздникомъ Пасхи!
- е) Съ праздникомъ Рождества!
- ф) Съ високоснымъ гедомъ!
- г) И по усмотрѣнію въ зависимости отъ событій.

(рис. 10).

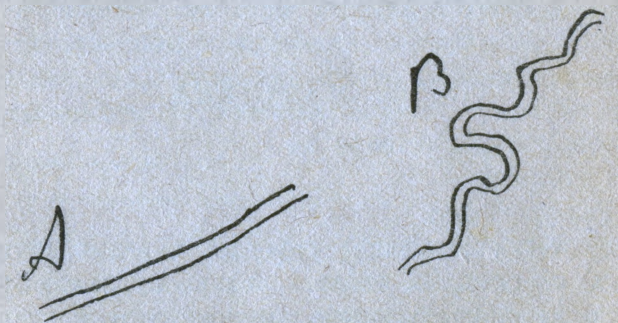

Рис. 10. А—нервъ грубый. В—нервъ разстроенный.

РЕФЛЕКСЫ.

Если лапу лягушки окунуть въ сѣрную кислоту лягушка выразитъ неудовольствіе.

Если же мы начнемъ раздражать кожу лѣвой задней лапки вышеупомянутой лягушки—что, конечно, доводилось каждому и не разъ—лягушка, по собственному ея признанію, испытаетъ щекотку именно въ томъ мѣстѣ, которое вы подвергли раздраженію.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОЛОВНОГО МОЗГА.

Если мы щипнемъ человѣка за ногу, онъ эту ногу отдернетъ. Поступаетъ онъ такъ, руководимый ображеніями своего спинного мозга.

Но если вы поставите въ моментъ его ляганья ему подъ пятку еще и иголку, то изъ этой сложной непріятности онъ можетъ выпутаться только ображеніями своего головного мозга.

Но испытуемаго человѣка можно такъ допечь, что онъ ни головнымъ ни спиннымъ мозгомъ ничего не обработать.

Люди часто заблуждаются въ выборѣ способовъ обдумыванія того или иного явленія.

— Ахъ,—говорятъ,—это такой пустякъ! Это я все рѣшу однимъ спиннымъ мозгомъ.

И выходитъ худо.

Лягнуть тамъ, гдѣ нужно было улыбнуться и сказать „мерси“.

Между прочимъ, въ интересахъ науки, мы обязаны предупредить естествоиспытателей, что всѣ тѣ опыты, которые производятся надъ лягушками, отнюдь не слѣ-

дуетъ примѣнять къ людямъ. Лягушка сама по себѣ, а человѣкъ самъ по себѣ.

Даже самый невинный изъ этихъ опытовъ, какъ, напримеръ щекотанье поджилки правой ноги можетъ навлечь крупныя непріятности на естествоиспытателя.

Человѣкъ часто реагируетъ неправильно. Вы его щипнете за лѣвую бровь, а онъ подастъ на васъ въ судъ.

Конечно, это рефлексъ неправильный, да пойдѣ разбирай, доказывай.

Одинъ молодой естествоиспытатель, желая во имя торжества науки, произвести опытъ надъ молодой дѣвицей, раздражилъ ей при помощи своихъ губъ кожную поверхность лѣвой щеки.

Рефлексъ оказался чудовищнымъ: изъ сосѣдней комнаты выскочила мать испытуемой дѣвицы и раздражителя женила.

ПОЛУШАРІЯ БОЛЬШОГО МОЗГА.

Если голубю отрѣзать голову, онъ впадаетъ въ апатичное состояніе. Это происходитъ оттого, что въ голубѣ у голубя находится мозгъ.

Если голубю оставить голову и вырѣзать только мозгъ, то онъ нахохлится и не будетъ ни на что обращать вниманія.—Мнѣ теперь на все наплевать.—какъ бы говоритъ онъ всей своей фигурой.

По собственному признанію одного такого голубя, (смотри курсъ фізіологіи человѣка проф. В. Завьялова) „всѣ предметы казались ему только геометрическими фигурами, наполняющими пространство, но лишенными какого-бы то ни было смысла и значенія“.

— Дорогой мой, говорилъ голубъ смущенному про-

фессору. Дорогой мой! Мнѣ все кажется, что вы не вы, а гипотенуза. И никакого ни смысла, ни значенія за вами не признаю.

Обалдѣвшую птицу поспѣшили изолировать. (Рис. 11).

Рис. 11. А—Равнодушный голубь. Не похожъ на самого себя вѣроятно оттого, что у него вырѣзанъ мозгъ. В—Ласкающая рука наблюдателя.

Въ томъ же трудѣ мы встрѣчаемъ опытъ надъ собакой. Собакѣ вырѣзали мозгъ и стали надъ ней измываться.

„Когда собаку щипали за ногу она, правда, оборачивалась въ ту сторону, за которую ее щипали, съ явнымъ намѣреніемъ укусить, но ей почти никогда не удавалось схватить руку наблюдателя“.

Этотъ опытъ равно доказываетъ, какъ неловкость безмозглой собаки, такъ и юркость наблюдателя, чловѣка себѣ на умѣ.

Наблюдатель (смотри тамъ-же) выразитъ порицаніе

собакѣ, зачѣмъ она послѣ того, какъ онъ вытащилъ изъ нея мозгъ, стала къ нему относиться, какъ къ чужому и не радовалась его ласкамъ (рис. № 12).

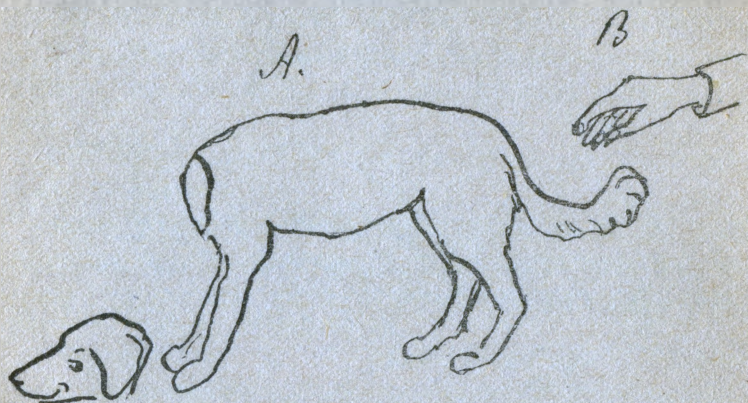

Рис. 12. А—Обезглавленная собака отказывающаяся отъ ласки наблюдателя. В—Ласкающая рука наблюдателя со скрюченными отъ нѣжности пальцами.

Точно послѣ такого дѣла разумное существо подпустило-бы его къ себѣ ближе, чѣмъ на пушечный выстрѣлъ.

Но эта собака отвергала его ласки и „не видѣла никакихъ сновъ“.

А можетъ быть и видѣла?

Трудно провѣрить. Не станетъ же собака, состоя съ наблюдателемъ въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, рассказывать всюду, мирно позѣвывая:

— Снилось это мнѣ, быдто иду я по какому то большому сараю, и быдто сарай этотъ не сарай, а кусокъ ветчины.

Развѣ раскрывается сердце собаки для такой мирной вадушевной бесѣды послѣ столь крупной неприятности, какъ вырѣзываніе головного мозга.

Голубь и тотъ нахохлился, а вѣдь собака—она все-таки песь.

ОРГАНЫ ЧУВСТВЪ.

Зрѣніе.

Физиологическая задача глаза состоитъ въ томъ, чтобы видѣть.

Съ этимъ не поспоришь.

Этимъ глазъ и отличается отъ уха.

Глаза подраздѣляются на просто глаза, очи и глазки.

Функция глаза—видѣть.

Функция глазокъ—показывать себя.

У очей нѣтъ никакой функции и бываютъ они исключительно чернаго цвѣта.

На каждого человѣка полагается по два глаза и въ каждомъ по одному главному яблоку (рис. 13).

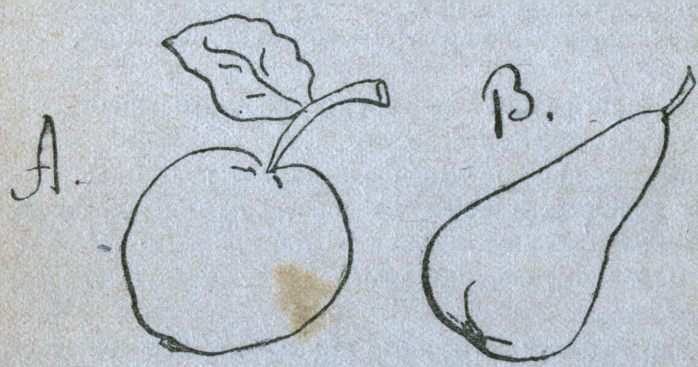

Рис. 13. А—Глазное яблоко. В—Глазная груша—явленіе патологическое.

Оба глаза должны поворачиваться вмѣстѣ, иначе получается такъ называемое косоглазіе, или, выражаясь научно: „Одинъ на васъ, другой въ Арзамасъ“.

Если человѣку выколотъ глазъ, онъ немедленно ослѣпнетъ на этотъ самый глазъ. Столь часто встрѣчающееся выраженіе: — „Я оглохъ на правый глазъ“

слѣдуетъ считать неправильнымъ и научно необоснованнымъ.

Внутри глаза находится хрусталикъ и такъ называемая Циннова пленка, вещь настолько важная что о ней ни днемъ, ни ночью забывать не слѣдуетъ.

СЛУХЪ.

Для слуха нужно ухо.

Снаружи ухо довольно забавной формы. Древніе люди долго не могли понять, что это за штука и, проткнувъ его, стали вѣшать для удобства предметы помельче. Отсюда произошелъ обычай носить серьги.

Наружное ухо, благодаря своей удобной, вѣрнѣе—удобоухватимой формѣ, послужило человѣчеству не малую пользу въ дѣлѣ воспитанія молодыхъ поколѣній.

Внѣшній видъ уха даетъ также возможность опредѣлить характеръ человѣка. Если человѣкъ ухомъ не ведетъ—о немъ смѣло можно сказать:

— Вотъ человѣкъ, не способный на раскаяніе, себялюбецъ, эгоистъ, собака на сѣнѣ.

Человѣкъ, ведущій ухомъ, заслуживаетъ всяческаго уваженія.

Внутреннее устройство уха значительно сложнѣе.

Если бы могъ знать какой нибудь сапожникъ, дерущій за ухо своего мальчишку, какую сложную машину подвергаетъ онъ давленію и трепанію, онъ навѣрное съ большимъ благоговѣніемъ отнесся бы къ этой педагогической операціи!

Скажемъ коротко:

Внутри уха помѣщается груда музыкальныхъ инструментовъ, которые могли бы сдѣлать честь лю-

бому оркестру: барабанъ, Евстахіева труба, Картіевъ органъ, онъ же цитра, рояль и балалайка.

И вотъ, обладая такимъ музыкальнымъ депо, ухо молчитъ, какъ рыба.

Кромѣ того, въ ухѣ сидитъ улитка.

Сидя тамъ, болѣе музыкальное существо—человѣкъ могъ бы, не дѣлая никакихъ затратъ, въ любой моментъ наслаждаться камерной музыкой.

Кромѣ вышепоименованныхъ музыкальныхъ инструментовъ въ ухѣ, можно найти и кое какія слесарныя принадлежности... молоточекъ, наковальню и стремячко (Батюшка, какъ нѣжно!)

И еще въ ухѣ есть лабиринтъ, созданный мудрой природой для того, чтобы заползшій въ ухо тараканъ не сразу изъ него вылѣзъ.

МЫШЦА.

Слово мышца происходитъ отъ слова „мышь“ (рис. 15).

Мышь, отъ которой происходитъ слово „мышца“. Изображена въ искаженномъ видѣ, чтобъ не было слишкомъ страшно.

ОСЯЗАНІЕ.

Органомъ осязанія является кожа.

Костью никто осязаетъ не можетъ, даже человѣкъ очень впечатлительный.

ВКУСЪ.

Органомъ вкуса является такъ называемый языкъ.

Вкусъ необходимъ человѣку, потому что не будь у него этого чувства, онъ ѣлъ бы всякія невкусныя вещи, а это было бы безсмысленно.

„На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ“—говоритъ народная мудрость и тѣмъ ярко живописуетъ тяжелую трагедію одиночества во вкусовыхъ вопросахъ.

„У каждого свой вкусъ, одинъ любитъ арбузъ а другой свиной хрящикъ“—говоритъ та же мудрость.

И снова трагедія и снова двое идущіе рука объ руку по жизненному пути, обреченные на вѣчное одиночество.

— Арбузъ красивый!

— А свиной хрящъ бѣлый!

— Арбузъ сочный!

— А свиной хрящъ хруститъ!

Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе! Они не поймутъ другъ друга!

Отвернемся отъ этой тяжелой картины и перейдемъ къ обонянію.

ОБОНЯНІЕ.

Органомъ обонянія является такъ называемый носъ.

Состоитъ носъ изъ хряща и двухъ ноздрей. Кто видѣлъ когда нибудь носъ, тотъ пойметъ.

Имѣть хорошій нюхъ очень полезно. Человѣкъ, неимѣющій такого, никогда ничего не добьется.

Держать носъ нужно по вѣтру.

Формы носъ бываетъ различной. (рис 17.).

1. Носъ грушей. Пунктиромъ обозначена мысленная линия и мысленный листикъ.

2. Носъ сливой. Пунктиромъ обозначена мысленная линия и мысленный листикъ.

3. Носъ правильный.

4. Носъ восточный.

5. Носъ картошкой (картошка проросла т. к. изображеніе дѣлано весной).

6) Носъ пуговицей. Пунктиромъ обозначена дополнительная линия. То, что кажется ушками пуговицы—ничто иное, какъ ноздри.

И въ каждомъ изъ этихъ носовъ, независимо отъ ихъ формы, сидитъ по луковицѣ. Луковица называется „обонятельной“.—Это единственное оправданіе, которое она могла придумать тому, что засѣла.

У испанцевъ эта луковица имѣетъ исключительно грандіозные размѣры и называется „испанскій лукъ“ (рис. 18). Вотъ почему отъ нихъ всегда пахнетъ лукомъ.

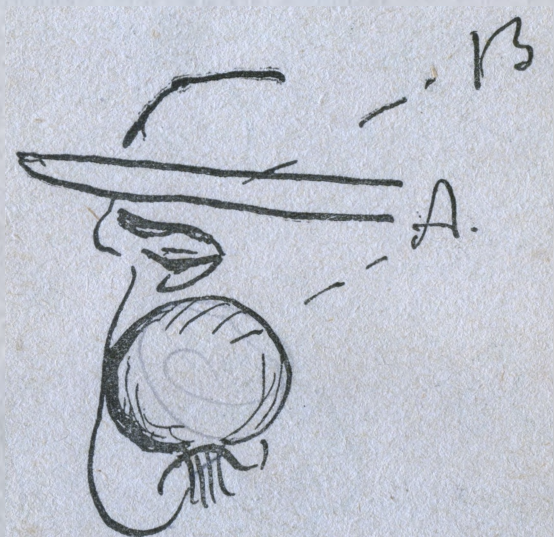

Рис. 18. Носъ испанца въ разрѣзѣ. А—Испанскій лукъ. В—Часть испанской шляпы сомбреро.

Аркадій Буховъ.

НОВОЕ ВЪ ПСИХОЛОГИИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕИ.

Выдержки изъ рецензій, справедливо выдѣлившихъ эту вдумчиво и интересно написанную книгу изъ ряда другихъ подобныхъ изданій:

... Если эту книжку и можно рекомендовать, то только...

(„Рѣчь“, Декабрь 1915 г.).

... Мы искренно удивляемся автору, который...

(„День“, Февраль 1914 г.).

... Кто только не пишетъ о психологїи! Но даже среди тѣхъ книгъ, о которыхъ мы только что говорили, эта книжка выдѣляется своимъ...

(„Бирж. Вѣд.“, 1917 г. — о третьемъ изд. книги).

... Съ жуткимъ любопытствомъ мы прочли эту необычайную книгу...

(„Новое Время“, 1892 г.).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящій трудъ предлагается читателю въ качествѣ пособия для самообразованія; какъ учебникъ онъ не можетъ служить по тремъ причинамъ: во-первыхъ—авторъ сознательно уклонялся отъ программы, рекомендованной для прохожденія психологіи въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній, во вторыхъ, здѣсь введено много примѣровъ и иллюстрацій изъ внѣшней жизни, даже краткое повтореніе которыхъ передъ столомъ экзаменатора, не повлекло-бы успѣшнаго и быстрого окончанія учебнаго заведенія и, въ третьихъ, коренное несогласіе автора со многими основными положеніями психологіи какъ таковой, широта взглядовъ и быстрота выводовъ, не позволяетъ ему настаивать на непреложности всего написаннаго здѣсь. Что-же касается пользы этой книги для саморазвитія, расширенія умственнаго кругозора и для сознательнаго пониманія многихъ функцій нашей душевной жизни—авторъ надѣется, что его книга прольетъ въ этой области не мало свѣта. Во всякомъ случаѣ книга написана съ вдумчивымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ разбираемымъ въ ней вопросамъ и, хотя можетъ быть, встрѣтить недобросовѣстное отношеніе въ бульварной прессѣ, но среди людей и учреждений чистой науки она, какъ надѣется авторъ, найдетъ благосклонное и благожелательное отношеніе.

Авторъ.

При составленіи книги, авторъ пользовался слѣдующими трудами, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ:

Въ горахъ Кинши. Очерки изъ жизни туземцевъ Джао-Ного. Спб. 1873. 324 стр.

Отчеты Олонецкаго земства за 1842—46 г.г. Изд. Неофициальное.

А вотъ и она живая струна и всѣ золотыя куплеты ея. Сборникъ анекдотовъ и злободневныхъ куплетовъ. Изд. III-е, Москва. 96 г.

Лошадь и уходъ за ней. (Сборникъ). Томскъ.

Вліяніе окисляющихъ веществъ на осадки цинка. Изданіе комиссіи при Новороссійскомъ Университетѣ.

А. Вербицкая. Ключи счастья. Москва.

Два года въ копияхъ Аргентины. Докладъ инженера Ранка обществу баптистовъ въ Лондонѣ. На англійскомъ языкѣ. Ливерпуль, 1892 г.

Хиромантія. Съ примѣненіемъ складной карты. Оракулъ для новобрачныхъ. Изд. журн. «Аполонъ».

М. Кузминъ. Стихи.

Администраціи Публичной библіотеки, услугами коей авторъ не успѣлъ воспользоваться, московской ассоціаціи футуристовъ, не прерывавшихъ трудъ автора выпусками сборниковъ стиховъ, и другимъ лицамъ и учрежденіямъ, помогавшимъ автору совѣтами и участіемъ—приношу необходимую благодарность.

Петроградъ. Ноябрь 1915 г.

ПРЕДМЕТЪ ПСИХОЛОГІИ.

Психологія изучаетъ душу; поэтому первый вопросъ, который можетъ явиться у читателя, это вопросъ о томъ, что такое душа вообще. Представленіе о душѣ и ея сущности крайне разнообразно. Какъ часто мы слышимъ въ нашей жизни утвержденія объ извѣстныхъ намъ людяхъ:

— Это, бездушный человекъ.

— Ничего подобнаго,—отвѣчаютъ не менѣе чуткіе люди:—онъ просто мерзавецъ и спекулируетъ на оловѣ...

Или:

— Сегодня Кикановъ пѣлъ съ душой.

— Какая же это душа, если онъ и слова перевиралъ и на другой мотивъ пѣлъ.

И даже сами опрашиваемые о своихъ душевныхъ переживаніяхъ иногда безсознательно пугаютъ это понятіе.

— Почему вы не хотите сегодня придти?

— У меня скверно на душѣ. Хоть-бы гдѣ-нибудь три рубля достать... И кромѣ того—флюсь.

Что же такое душа? Душа, какъ ее опредѣляютъ философы, это есть то, что владѣетъ нашими поступками, повелѣваетъ намъ дѣлать то, или иное. Здѣсь, конечно, можно встрѣтиться съ самыми разнообразными возраженіями. Такъ, напримѣръ, то, что повелѣваетъ намъ дѣлать дома государственныя ассигнаціонныя бумаги, или говорить по телефону гадости о пріятеляхъ—называется не душой, а свинствомъ.

Представители чистой науки опредѣляютъ душу иначе: въ ихъ представленіи она нѣчто среднее между какимъ-то сѣрымъ мозговымъ веществомъ, мозговыми извилинами и тремя-четырьмя наиболѣе бойкими нервами. Въ сущности дѣла, ученые, можетъ быть, и правы, но при такомъ пониманіи имъ никогда не удастся разграничить душевный міръ лирическаго поэта отъ такового же сибирской козы.

О томъ, что наша душа и тѣло находятся въ сильной зависимости другъ отъ друга, говорить не приходится: это аксіома. Посмотрите на душевно-больного человѣка. Захворавъ, онъ, въ большинствѣ случаевъ, становится спокойнымъ, дѣловитымъ, переселяется въ психіатрическую лечебницу и не беспокоитъ окружающихъ. Физически-больные люди—наоборотъ; захворавъ простой лихорадкой, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается мигренью, такой человѣкъ сейчасъ же, не стѣснясь ничьимъ присутствіемъ, быстро раздѣвается, лѣзетъ въ постель и начинаетъ озлобленно требовать отъ всѣхъ, чтобы ему несли цвѣты, конфеты, справлялись черезъ каждыя семь минутъ о его здоровьи по телефону и, посидѣвъ около его кровати, уходили шатаясь и съ низко-опущенными головами, въ знакъ глубокой горести о его болѣзни.

Что же такое душа, во второй разъ спрашиваю я? ¹⁾

¹⁾ Здѣсь я совершенно сознательно избѣгаю опредѣленія души, дѣлаемаго учеными агрономами и статистиками, которые принимаютъ за душу, въ губерніяхъ съ глинистой и песчаной почвой—взрослое и работоспособное лицо мужского пола, а въ губерніяхъ черноземныхъ, каждаго человѣка, законно родившагося и не менѣе законно вписаннаго въ соотвѣтствующія книги волостнымъ писаремъ. Такъ, что и ходячее въ экономическихъ статьяхъ выраженіе: душевой надѣлъ—не означаетъ какое-либо особое, индивидуальное богатство души, а просто клочекъ земли отдѣленный отъ жуликоватаго сосѣда особой межей.

Надъ этимъ вопросомъ многіе потратили много времени и не пришли къ окончательному выводу. Именно поэтому и образовалась цѣлая наука изученія души—психологія. Если бы душа была опредѣлена, со всѣми своими достоинствами и недостатками, была-бы признана простымъ от­росткомъ организма аккъ, напримѣръ, слѣпая кишка,— почетное званіе психолога, свелось-бы къ обыкновенной негромкой профессіи, какъ—женщина-зубной врачъ, или выжигальщикъ по дереву и мѣди. Теперь-же, для изуче­нія всѣхъ явленій души существуетъ цѣлая наука, ко­торая и помогаетъ намъ, послѣ прохожденія ея, выяснить сложный вопросъ о сущности и проявленіяхъ души.

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ.

По словамъ предисловіи къ гимназическимъ курсамъ психологіи, она, какъ наука, начала существовать очень давно. За отсутствіемъ книгопечатанія, ее очень долго не выпускали въ видѣ научныхъ трудовъ и велась она, первоначально, чисто кустарнымъ способомъ: ею занимались древніе философы, которые отъ другихъ занятій были освобождены. Въ философы шли молодые люди, получившіе, въ силу физическихъ недостатковъ, бѣ­лые билеты при призывѣ къ отбыванію воинской по­винности; сначала они продавали контромарки на кровя­ныя представленія въ древнихъ циркахъ, потомъ занима­лись леченіемъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней путемъ внушенія, открывали мелочныя лавочки, играли въ кости и т. д. Состарившись во время этихъ занятій, они станови­лись философами и, между прочимъ, занимались изуче­ніемъ психологіи.

Въ виду полного отсутствія ученыхъ обществъ, про-

вѣряющихъ ихъ утвержденія, философамъ-психологамъ приходилось вѣрить на слово.

Выгнанный изъ покоевъ Цезаря, такой философъ, въ припадкѣ отчаянїя, иногда заявлялъ вслухъ:

— Онъ мнѣ всю душу вымоталъ.

Ученики философа, желая придать его словамъ опредѣленный вѣсъ, неизмѣнно допытывались:

— А развѣ можно выматывать душу?

— Можно,—хмуро отвѣчали философъ.

Ученики, которые въ древнее время были очень глупы и довѣрчивы, отходили въ сторону, долго совѣтовались и снова приставали къ философу:

— А какъ ее можно выматывать?

— Да ужъ такъ и можно. Многіе это умѣютъ въ совершенствѣ.

— Значить, душа что-то въ родѣ клубка, учитель?

— Бродѣ. Не лѣзьте только, пожалуйста.

Обрадованные ученики бѣгали по знакомымъ и рассказывали, что философъ опредѣлилъ душу, какъ нѣчто матерьяльное, даже имѣющее круглую форму. Когда это доходило до другого философа, имѣющаго на перваго зубъ, тотъ, желая напакостить конкуренту, созывалъ на улицѣ, въ послѣобѣденные часы, цѣлую толпу совершенно чужихъ людей и распространялъ о душѣ совершенно противоположные слухи.

— Знаете вы, что такое душа?—спрашивалъ онъ у собравшихся.

— Не знаемъ,—единогласно отвѣчали тѣ.

— Впрочемъ, откуда вамъ и знать!

— Это ты вѣрно...

— А разъ никто не знаетъ, значить и вообще ее не существуетъ...

— Можетъ, у боговъ спросить?—предлагали наиболѣе безпокойные изъ толпы.

— Это можно. Попытка—не пытка, спрось—не бѣда.

Шли спрашивать у боговъ. Требовали весталокъ, старшихъ по чину жрецовъ, платили имъ деньгами и живностью, но никакихъ положительныхъ свѣдѣній не получали.

— Нѣтъ, братцы, души, — виновато резюмировалъ одинъ изъ наиболѣе спокойныхъ жрецовъ;—на нѣтъ и суда нѣтъ...

— Нѣтъ, такъ и не надо...

Ученики перваго философа, поспѣвшіе къ концу этихъ изслѣдованій, сначала затѣвали уличный споръ, потомъ ожесточались и били другъ друга, а заканчивался научный диспутъ вмѣстѣ, въ какомъ-нибудь подвалѣ, служившемъ дешевой кухмистерской для безработныхъ гладіаторовъ.

Пополняемая такими данными и плохо-провѣренными выводами, психологія, какъ наука, конечно, туго подвигалась впередъ.

Мало-по-малу она все-таки становилась на чисто научную почву. Купцы стали изучать характеръ своихъ конкурентовъ, автуры—новыхъ фаворитовъ и гетерьъ богатыхъ холостяковъ для того, чтобы не промахнуться въ разнаго рода краткосрочныхъ и долговременныхъ сдѣлкахъ.

Наблюдательные люди стали уже придерживаться цѣлыхъ психологическихъ теорій. Встрѣтивъ захудалого патриція, который рисковалъ появляться на улицѣ только ночью, боясь кредиторовъ и суровыхъ родственниковъ, они индуктивнымъ путемъ изучали его душевное состояніе.

— Если-бы онъ не боялся, онъ выходилъ-бы и днемъ. Разъ онъ боится, значитъ у него неспокойна душа. Разъ душа неспокойна—пакость какую-нибудь сдѣлать.

Такъ обстояло дѣло съ изученіемъ человѣческой души; и что-же! не прошло и двухъ тысячъ лѣтъ, какъ мы

защаемъ совершенно другую картину. Нашъ вѣкъ, который въ провинціальныхъ газетахъ лѣтъ пятнадцать подрядъ небезосновательно называютъ вѣкомъ пара и электричества, выдвинулъ для изученія человѣческой души не только профессионально-обученныхъ для этого людей, но даже особые аппараты и машины.

За послѣднее время въ иллюстрированныхъ еженедѣльникахъ все чаще и чаще появляются снимки съ такихъ аппаратовъ, для изученія душевныхъ переживаній. Одни аппараты изучаютъ степень воспримчивости человѣка, другіе его способности обобщать свои наблюденія, третьи даже для опредѣленія его умственныхъ способностей. Пока эти аппараты дѣйствуютъ исправно, никому не обидно, потому, что все равно по нимъ ничего узнать нельзя. Но когда механизмъ портится и всѣ его частицы начинаютъ работать самостоятельно, получаются удручающіе результаты. Оторванный отъ срочной работы по убою скота и подведенный къ аппарату тридцатилѣтній мясникъ, оказывается по наблюденію аппарата человѣкомъ съ нѣжными переживаніями, сильной душевной усталостью и большой склонностью къ творчеству. И, наоборотъ, начинающій поэтъ, туго начиненный птичками, бабочками и подснежниками, по приговору чуткаго аппарата оказывается обладателемъ лошадиной души, а вся работа сердца у него сводится къ четыремъ-пяти ударамъ въ два съ половиною часа.

Многіе думаютъ, что однимъ изъ такихъ аппаратовъ является и сейсмографъ. Это большая ошибка, основанная на недоразумѣніи: сейсмографъ употребляется исключительно для опредѣленія землетрясеній. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ землетрясеніями никто не занимается, сейсмографъ стоитъ забытый и безо всякаго къ нему вниманія.

Психологи-ученые раздѣляются на двѣ группы. Одна изъ нихъ состоитъ изъ ученыхъ, пишущихъ большіе

трактаты и доклады для ученыхъ обществъ, настолько солидныхъ размѣровъ, что даже небольшое количество такихъ книгъ, незамѣтно приводитъ бумажный рынокъ къ состоянію тяжелаго кризиса. Книжные склады, получивъ такія книги, сразу складываютъ ихъ въ подвалы, откуда по истеченіи года, онѣ охотно разбираются владѣльцами мелочныхъ и свѣчныхъ лавокъ. Если трудъ по психологіи настолько великъ и настолько трудно читаемъ, что ученое учрежденіе рискуетъ закрыться совсѣмъ изъ-за обремененія себя непосильной работой, прочтенія этого труда—профессору, написавшему изслѣдованіе, дается ученая степень. Получивъ ее, счастливый профессоръ дѣлается авторитетомъ, быстро старѣетъ и сразу начинаетъ жить на пенсію. Впослѣдствіи онъ занимается сельскимъ хозяйствомъ и умираетъ. На его похороны съѣзжаются представители всѣхъ университетовъ и привозятъ вѣнки, причемъ провинціальныя университеты, не зная о бывшей профессіи покойнаго, къ вѣнку привязываютъ голубую ленту съ трогательной надписью, тисненой золотомъ: лучшему ботанику Россіи. Поправка, внесенная лентой, присланной другимъ провинціальнымъ университетомъ, что покойный былъ механикомъ, принимается всѣми охотно.

Другая группа ученыхъ занимается обычно экономикой, или геодезіей и пишутъ учебники психологіи для средне-учебныхъ заведеній съ древними языками. Степень знакомства автора такого учебника съ психологіей быстро сказывается на учащихъ; основательно прочтя его и многое заучивъ наизусть, ученики на экзаменахъ пишутъ на доскахъ какія-то формулы, читаютъ стихи, приводятъ какіе-то примѣры, и въ концѣ концовъ путаются психологію съ космографіей.

Кромѣ ученыхъ, получающихъ изъ соотвѣтствующаго министерства приличное жалованье за изученіе психоло-

ги, есть еще психологи-добровольцы. Самый распространенный видъ ихъ, это—

БЕЛЛЕТРИСТЫ-ПСИХОЛОГИ.

Въ русской литературѣ былъ такой періодъ, когда читатели вѣрили каждому слову романиста или пишущаго рассказы и повѣсти. Теперь, когда не только читатели, но и близкіе, не вѣрятъ пишущему человѣку даже на честное слово, и портные и на вексель беллетриста требуютъ подписи поручителя—о такомъ періодѣ вспоминать тяжело, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ. Въ этотъ литературный періодъ отъ писателя требовалось только рассказать о какихъ-нибудь людяхъ, или событіяхъ. Писатель садился и писалъ. Если онъ рассказывалъ о томъ, какъ герой романа шелъ и убивалъ племянника, читатель чувствовалъ и вѣрилъ, что иначе быть не могло: писатель знаетъ. Его герой, его романъ, что хочетъ, то и сдѣлаетъ. Не открывать же герою торговлю контрабандными сигарами, если ему нужно стать, по замыслу романа, убійцей.

Писатель старой литературы зналъ объ этомъ довѣріи и мало-по-малу начиналъ хамить. Боясь, что его конкурентъ напишетъ лучше, писатель сталъ обращаться со своими героями, какъ съ телефонными мальчишками: на всѣ порученія. Сейчасъ герой служить въ департаментѣ, чтобы маленькую сестренку прокормить, а завтра онъ оказывается французомъ, молочнымъ братомъ московскаго сахарозаводчика и ѣдетъ въ Албанію.

Читатели вѣрили и этому; удивлялись, но все-таки упрямо вѣрили.

— Я не напишу, ты не напишешь... А онъ знаетъ, что пишетъ... Разъ, братъ, изъ чиновника въ молочные братья попалъ, только и остается, что Албанія.

Чувствуя, что этой вѣры, все равно, въ концѣ концовъ не хватитъ, писатели начали играть на ней слишкомъ не-

осторожно. Стали придумывать такія исторіи, что читатели начали почесываться.

— Какъ-же это такъ... Человѣкъ въ гимназіи учился, въ воротничкахъ ходить и вдругъ за козой ухаживать началъ... Что-то не такъ...

— Это еще ничего... Я вотъ читалъ романъ, гдѣ герой отъ насморка умеръ, а его невѣста переодѣлась въ мужское платье и миссіонеромъ въ Китай поѣхала негровъ просвѣщать...

— Странно...

За писателями стали слѣдить, а такъ-какъ поведеніе ихъ становилось двусмысленнѣе и двусмысленнѣе, читатели въ свою очередь стали требовать отъ писателя объясненія каждаго, даже самаго незамѣтнаго въ жизненномъ обиходѣ, поступка не только героя романа, а даже простого вѣднанаго, на четырнадцать строчекъ, лица.

«Питакинъ вошелъ въ комнату, поклонился, сѣлъ на стулъ и сталъ разсказывать»,—писалъ беллетристъ.

— А почему?—съ глухимъ недоувѣріемъ, спрашивали читатели,—можетъ, ему и не нужно было въ комнату лѣзть... Постоялъ-бы на улицѣ, да помолчалъ, вмѣсто того, чтобы съ разговорами приставать къ чужимъ людямъ.

Вотъ тогда каждый беллетристъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, сдѣлался психологомъ и сталъ обстоятельно, путемъ долгаго изученія человѣческой души, психологически объяснять каждый поступокъ персонажа своего романа.

— Почему вошелъ Питакинъ?—писалъ беллетристъ-психологъ,—потому, что у него было такое чувство, что если онъ сейчасъ не войдетъ въ комнату, онъ долженъ застрѣлиться...

— Это иное дѣло,—соглашался читатель,—разъ такое положеніе, что человѣкъ въ чужомъ домѣ руки наложить на себя долженъ, пусть входитъ... Впрочемъ, можетъ, онъ

и врать... Прокутилъ четвертную и ничего больше. Пять-ва этого не застрѣлишься...

— Почему-же долженъ былъ застрѣлиться Пятакитъ?—увѣртывался беллетристъ,—объ этомъ знала темная ночь въ имѣннн Кушиныхъ и ласковыя звѣзды.

— Ну, хорошо, а почему онъ поклонился?

— Да, вѣдь, въ комнату вошелъ...

— А что-же изъ этого? У васъ самого, въ одномъ разсказѣ, герой, войдя въ комнату, сейчасъ-же начинаетъ говорить гадости, а когда его собирались выводить, онъ заявлялъ, что это—протестъ противъ мѣщанства.

— Онъ поклонился,—объяснялъ беллетристъ,—потому что что-то темное охватило его сознание, сердце сжималось въ стальныхъ рукахъ и кровавые зигзаги обвили его душу. Казалось, что кто-то жуткій стоитъ за окномъ и смѣется ледянымъ смѣхомъ.

Такая система психологически объяснять поступокъ каждаго описываемаго лица, скоро перешла въ писательскій обычай, отъ котораго всёмъ становилось тяжело. Даже при описаннн мнра животныхъ, растительнаго царства и неодушевленныхъ предметовъ, беллетристы-психологи старались объяснить острою переживаннн каждое событие.

— У воротъ лежала собака. Внутренннй голосъ шепталъ ея душѣ, что она должна встать и укусить Аксинью за ногу. Сердце трепетало въ какомъ-то клубкѣ кошмаровъ. И даже хвостъ, медленно поднимавшнйся и опускавшнйся, чувствовалъ въ своей груди стремление къ злу. Встала и укусила. И, казалось, что за окномъ смѣется кто-то жуткнй и тихнй.

— Я уронилъ стаканъ, который разбился съ печальной улыбкой. Улыбкой стекла. И, казалось, что это не я выронилъ его изъ рукъ на полъ, а самъ онъ, написавъ

предсмертную записку, махнувъ на все рукой, пошелъ и разбился.

Вскорѣ беллетристы-психологи стали раздѣляться по специальностямъ. Сильно выдвинулись психологи женской души, писавшіе рассказы изъ женской жизни; ими была до такой степени изучена и живо воспроизведена женская душа, что многіе изъ читателей торопились подавать прошенія въ консисторіи объ ускореніи развода, а молодые люди горько и безнадежно обрекали себя на долгое безбрачіе.

Читатели психологовъ-беллетристовъ медленно вымирали, чтеніе становилось тихимъ ужасомъ даже для людей съ крѣпкими нервами. Иногда молодой человѣкъ, цвѣтущаго здоровья, получившій крупное наслѣдство и любимый, вызывающей общую зависть, красавицей, — вдругъ внезапно кончалъ шумнымъ самоубійствомъ веселую жизнь, оставляя витать надъ своею смертью неразгаданную тайну. Судебныя власти, ведшіе слѣдствіе, наткнулись на показанія свидѣтелей, что молодой человѣкъ передъ смертью часто по цѣлымъ днямъ держалъ себя за голову и отпускалъ ее изъ рукъ только для того, чтобы изрѣдка ударить ею объ стѣну своего кабинета. Ёсть пересталъ днѣй за шесть, а воды боялся. И судебныя власти почти уже отказывались распутать нить тайны, когда къ слѣдователю являлась престарѣлая мать покойнаго и съ громкимъ плачемъ передавала повѣсть или романъ психолога-беллетриста.

— Это выше насъ! — поникая головой, восклицалъ судебный слѣдователь.

Такъ, собственно говоря, легкомысленно и мало помогала изученію человѣческой души художественная литература. Несравненно лучше изучили душу, и это изученіе претворили въ цѣлостныя системы — люди другихъ профессій.

ПСИХОЛОГИ ПО ОБЯЗАННОСТИ.

Вы обращали когда-нибудь внимание на то, какая пауза проходит между вашим обращением къ извозчику съ предложениемъ довести васъ до театра и его отвѣтомъ? Сидя гдѣ-нибудь въ ночной чайной, за стаканомъ спитого чая и кускомъ тѣснаго, заурядный извозчикъ никогда не говоритъ своимъ пріятелямъ по извозничьему двору, или биржѣ:

— Ахъ, я такъ знаю излучины человѣческой души... Я чутокъ ко всѣмъ проявленіямъ внутренняго міра ближняго...

Несмотря на свой независимый видъ, такой извозчикъ не кончилъ даже провинціальной гимназіи; о психологіи ему не приходилось и слышать—въ извозничьемъ быту употребленіе такихъ сложныхъ словъ и понятій не принято. Но вдумайтесь въ его разговоръ съ вами и вы поймете, что человѣческая душа передъ нимъ, какъ на ладони.

— Извозчикъ!..

Онъ сразу поворачиваетъ къ вамъ лицо и прислушивается къ тону этого обращенія. Если вы произнесли его запыхавшись, уставъ отъ безконечныхъ посплосковъ другого извозчика на пустынной улицѣ, если по всѣмъ вашимъ нетерпѣливымъ движеніямъ видно, что вамъ некогда—онъ посмотритъ куда-то вбокъ и лаконически отвѣтитъ:

— Рубль.

Онъ прекрасно знаетъ, что рубль это вообще много; совершенно не знаетъ, куда васъ нужно везти; но сразу-же даетъ вамъ понять, что отъ него трудно скрыть насущную потребность не бѣжать пѣшкомъ, а ѣхать, гдѣ что-то, или кто-то ждетъ.

— Много... Шестъ гривенъ.

Онъ самъ чувствуетъ тоже, что это много, но прекрасно понимаетъ, что если дать вамъ возможность начать съ нимъ торговаться, все его обаяніе, какъ необходимаго человѣка, пропадетъ, и вы сообразите, что за угломъ есть еще извозчикъ. Поэтому онъ просто начинаетъ дергать возжи, плотнѣе усаживаться на козлахъ и дѣлаетъ видъ, что онъ уже отъѣзжаетъ. На психику куда-то торопящагося чело-вѣка, это дѣйствуетъ безъ промаха: вы лѣзете въ пролетку.

Ѣдетъ онъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ половинѣ пути вы сначала раздраженнымъ тономъ, а потомъ нескрываемо-бѣшено стали требовать ускоренія темпа ѣзды.

— Баринъ торопится,—дѣлаетъ логическую предпосылку извозчикъ,—значить, ему нужно. Я не тороплюсь, значить мнѣ это не нужно.

— Поѣдешь ты, или нѣтъ?

— Онъ очень торопится,—продолжаетъ думать извозчикъ,—значить, ему это очень нужно. Я совсѣмъ не тороплюсь, значить...

— Извозчикъ... Гдѣ тутъ полицейскій... Я тебѣ...

— Баринъ совсѣмъ торопится,—логически заканчиваетъ извозчикъ,—значить, надо прибавить.

И, немного подумавъ, говорить вслухъ:

— Эхъ, кабы еще гривенничекъ...

Вы прекрасно знаете, что всякое неслестное слово, вырвавшееся у васъ по поводу чело-вѣка на козлахъ, будетъ играть обратно пропорціональное значеніе для скорости ѣзды. Поэтому онъ ни капли не удивленъ, когда слышитъ за спиной вздохъ, вырывающійся между стиснутыми губами и шипящіе звуки:

— Поѣзжай... Двугривенный, скотина, получишь...

Если въ концѣ пути вы откажетесь выдать эту прибавку за нормальную ѣзду, извозчикъ подыметъ такой крикъ и шумъ, что вамъ придется задержаться у подь-

ѣзда еще двадцать лишнихъ минутъ. Поэтому вы дасто безпрекословно. Такъ иногда простой, неграмотный чело-вѣкъ, силой знанія человѣческой души заставляетъ за-платить своего ближняго рубль двадцать копѣекъ за то, что стоитъ только тридцать пять. Такихъ людей, которые на изученіе души были толкнуты силой обстоятельствъ, инстинктомъ самосохраненія и врежденнымъ чувствомъ жульничества, я и называю психологами по обязанностямъ. Ихъ очень много.

Вокзальные носильщики, напримѣръ, изучившіе душу пассажира, никогда сами не лѣзутъ въ вагоны. Наоборотъ, плотной массой они стоятъ гдѣ-нибудь въ углу у рѣшетки и ждуть, когда пассажиры побѣгутъ къ нимъ сами. Ничего не значить, что въ поѣздѣ всего восемь вагоновъ, а носильщиковъ настолько превышающее количество, что ими безъ особаго труда, могли-бы быть снесены не только всѣ чемоданы, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, но и всѣ восемь вагоновъ съ паровозомъ. Пассажиръ, видя другихъ бѣгущими, бѣжитъ и самъ, производитъ панику и создаетъ такое впечатлѣніе, что на сто десять пассажировъ всего два носильщика, которыхъ надо рыдающимъ голосомъ упрашивать о посильной помощи.

Свободный носильщикъ очень часто уклоняется отъ помощи изящно одѣтой дамѣ. Онъ прекрасно знаетъ, что у нея семь недвижимыхъ мѣстъ и одно движимое на рукахъ; когда онъ снесетъ все въ вагонъ, окажется, что со-сѣдствомъ собачки недоволенъ лысый господинъ съ газе-той, а восьмое мѣсто забыто дома и въ порывѣ отчаянія дама вознаграждаетъ его трудъ гривенникомъ. И наобо-ротъ, бѣдно одѣтому вологодскому мѣщанину очень вы-годно дотащить до плацкартнаго мѣста въ третьемъ клас-сѣ дырявый чемоданъ; стоитъ два раза назвать мѣщани-на его сіятельствомъ и пожелать счастливо добраться до дѣтокъ, вологодскій старожилъ растрогается до того, что

попрошается за руку и умиленно заплатитъ цѣлый полтинникъ...

О томъ, какъ знаютъ человѣческую душу ресторанныя официанты, не приходится и говорить.

Въ дорогихъ ресторанахъ ни одинъ лакей не унижится до внимательнаго выслушиванія человѣка, который съ видомъ разоряющагося купца начнетъ заказывать:

— Миѣ бы поужинать... Да чтобы посвѣжѣе все... Можетъ, тамъ, рыбка какая есть... Потомъ и горячаго поприважаю...

Послѣ такого вступленія всегда слѣдуетъ просьба принести кусокъ ветчины и два яйца.

Студенту, пришедшему съ дамой и незамѣтно подъ столомъ пересчитывающему трехрублевки въ бумажникѣ, каждая бутылка подается въ серебряномъ ведрѣ, для того, чтобы поразить широтой размаха его спутницу. Студентъ благодарными глазами смотритъ на официанта, сумѣвшаго декорировать ужинъ на семь рублей—въ сорокарублевый и, уходя, непременно дастъ лишній полтинникъ.

Посѣтителю, который два раза подрядъ пообѣдалъ въ одномъ ресторанѣ и считаетъ себя уже завсегдатаемъ, опытный лакей всегда выдумываетъ особья блюда, приготавливаемая поваромъ только для своихъ людей. Посѣтителю это льститъ, а лакей охотно и быстро собираетъ у повара все, что еще не успѣло выброситься въ помойное ведро, или унести на столы подъ видомъ солянки съ громкимъ названіемъ; собранное и политое жидкой сметаной, это блюдо очень нравится новому завсегдатаю ресторана, такъ какъ названія его нѣтъ даже на карточкѣ. Вполнѣ естественно, что психологъ-лакей не бываетъ обижень. Что онъ говоритъ о такомъ завсегдатаѣ послѣ, въ компаніи своихъ сослуживцевъ, не подлежитъ опубликованію, которое вызвало-бы привлеченіе автора и изда-

теля этой книги къ отвѣтственности за допущенное въ печати сквернословіе.

Не менѣе тонкіе психологи и приказчики магазиновъ, особенно гастрономическихъ.

— Разрѣшите предложить особыя финики?

— Вотъ эти? А что-же въ нихъ особеннаго? Такіе-же, какъ и тѣ вотъ...

— Эти рубль сорокъ, а тѣ восемь гривенъ...

— Только и разница?..

— Ну, какъ-же съ... Смѣяться изволите. Тѣ больше для простонародья идутъ, а эти къ приличному дому подходятъ.

— Ага... Заверните.

— Лососинки прикажете?

— А почему?

— Рубль девяносто, господинъ.

— Да вѣдь вездѣ...

— Извольте—рубль сорокъ.

— Полтинникъ на фунтъ уступаетъ,—соображаетъ покупатель,—куплю два фунтика, вотъ рубль экономіи... Заверните, голубчикъ.

Правда, въ другомъ магазинѣ та-же самая лососина стоитъ рубль двадцать копѣекъ,—но вѣдь развѣ тамъ уступать, хоть грошъ...

Приказчики мануфактурныхъ магазиновъ, большіе знатоки женской души, во время распродажи вывертываютъ душу любой дамы наизнанку.

— Нѣтъ-ли у васъ такихъ пуговицъ,—говоритъ дама, вошедшая въ магазинъ не столько по надобности, сколько по слѣпому влеченію къ покупкамъ,—вотъ такихъ... По бокамъ свѣтлое, а въ серединѣ кружочекъ... и по бокамъ кружочки... А въ серединѣ... Это что у васъ такое? Вѣдь это, зеленое?

— Это? Модный цвѣтъ, сударыня. Шестъ аршинъ отъ цѣлаго куска осталось. Можеть, посмотрите?

Пока дама присасывается къ куску гнилой матеріи, приказчикъ яростнымъ и сильнымъ прыжкомъ бросается къ полкамъ, уставленнымъ другими кусками такихъ-же матерій. Не проходитъ и четырехъ минутъ, какъ дама подошедшая къ прилавку покрывается и тонетъ въ волнахъ набросанныхъ психологомъ-приказчикомъ яркихъ матерій. У нея кружится голова и холодѣютъ ноги отъ молчаливаго восторга.

Со змѣиной улыбкой на губахъ, приказчикъ, какъ будто небрежно, кладетъ передъ ней какіе-то листки изъ моднаго журнала.

— Больше вотъ такія вещицы-съ изъ этихъ матерій дѣлають... — вскользь замѣчаетъ онъ, присматривая новую жертву.

— Такія?—глухо спрашиваетъ дама—дайте мнѣ два аршина вотъ этой, коричневой... Впрочемъ нѣтъ, я просила пуговицы... Дайте мнѣ пугови... И, вотъ этой три аршина... И этой три аршина...

— А этой прикажете?—въ упоръ смотря на даму спрашиваетъ приказчикъ.

— Этой? Сиреневой?... Дайте.

А приказчики фруктовыхъ магазиновъ? Я видалъ самъ, какъ одинъ изъ нихъ несъ по магазину корзинку гнилыхъ грушъ, чтобы выставить ихъ на улицу и распродать мальчишкамъ по двѣ копѣйки за штуку; несъ, потомъ вдругъ остановился, улыбнулся нехорошей улыбкой и сталъ тщательно завертывать каждую грушу въ особую папиросную бумагу съ золотомъ и бахромой. Меня искренно возмутилъ этотъ поступокъ и я хотѣлъ уже уйти изъ магазина, если-бы не предложеніе другого приказчика купить какихъ-то особыхъ австраійскихъ грушъ, которыя въ Россію изъ-за своей нѣжнсти и ароматности

приходятъ уже гнилыми. Желаніе похвалиться предъ домашними этимъ рѣдкимъ сортомъ фруктовъ, заставило меня купить груши, тѣмъ болѣе, что ихъ изящная упаковка явно говорила о томъ, что груши отборныя и сохраняются съ большими предосторожностями.

Когда, значительно позже, дома мнѣ объяснили, что въ неиспорченномъ видѣ эти груши растутъ и у насъ и продаются съ лотковъ на базарахъ, за очень невысокую плату, мнѣ стало понятно, почему приказчикъ такъ бережно уvertывалъ гнилыя груши...

Психологи-полостеры, когда имъ не хочется работать, прекрасно знаютъ, что имъ разрѣшать сейчасъ-же прекратить свои занятія и надолго уйти изъ дома, если, въ количествѣ четырехъ человѣкъ, они начнутъ начищать полы въ кабинетѣ хозяина квартиры, занятого срочной работой.

Да мало-ли ихъ психологовъ по-неволѣ, которые не липнутъ научныхъ изслѣдованій, не рассчитываютъ выступать съ публичными докладами и въ спеціальныхъ журналахъ и въ то-же время являются лучшими знатоками человѣческой души.

Впрочемъ, желая дать бытовыя иллюстраціи основныхъ положеній психологіи, я немного отвлекся въ сторону.

ИНДУКЦІЯ И ДЕДУКЦІЯ.

Изученіе свойствъ человѣческой души, а главное—выводы изъ этого изученія ведутся индуктивнымъ и дедуктивнымъ путемъ. *Induco*—вывожу, *deduco* — вывожу. (Въ общежитейскомъ смыслѣ эти выраженія не употребляются въ ихъ прямомъ значеніи, такъ, напр., нельзя сказать, что—онъ ушелъ изъ этого дома дедуктивнымъ

путемъ, т. е. его вывели). Индуктивный методъ—это переходъ отъ частныхъ наблюдений къ общему выводу.

Методъ это чисто мужской.

— Вы замѣтили, что этотъ господинъ, шулеръ?

— Еще бы... Его въ Ростовѣ четыре раза...

— Какой же отсюда выводъ?

— Какой еще выводъ.... Пойдемте за сосѣдній столъ, по маленькой...

Мужчина очень долго по мелочамъ наблюдаетъ душевныя качества посторонняго человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать окончательное резюме. Онъ еще колеблется, когда посторонній человѣкъ: ежедневно беретъ у него безъ отдачи средня суммы, распространяетъ о немъ явно порочащія свѣдѣнія, пишетъ доносы въ соотвѣтствующія учрежденія, портитъ перочиннымъ ножикомъ мягкую мебель, и, забѣжавъ незамѣтно въ дѣтскую, учитъ дѣтей нехорошимъ словамъ. И только тогда, когда посторонній человѣкъ, похлопывая наблюдающаго мужчину по плечу, сознается съ виноватой улыбкой въ излишне дружескихъ отношеніяхъ къ его женѣ и сейчасъ же скроется изъ дома, захвативъ съ собой золотой портсигаръ — только тогда мужчина подводитъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ душевными качествами ближняго.

Подводитъ коротко и дѣлбвито.

— Подлецъ, братъ, твой Епифакинъ и больше ничего.

Женщина, наоборотъ, прибѣгаетъ чаще всего къ дедуктивному методу изслѣдованій: отъ общаго къ частному.

Познакомившись въ гостяхъ съ какимъ-нибудь разсѣяннымъ человѣкомъ, который не успѣлъ, при прощаніи во-время подать ей манто, или застегнуть калоши, она сразу составляетъ категорически-неопровержимое сужденіе о его душевныхъ качествахъ:

— Наемный убійца, поджигатель сиротскихъ домовъ и дядя малолѣтняго преступника.

Отъ этого отправного пункта она и ведетъ свои наблюденія.

— Ты знаешь, Чицынъ большой добрякъ... Сегодня у него старуха нищая попросила на улицѣ копейку, а онъ снялъ золотые часы и отдалъ ей.

Женщина, плохо дослушавъ этотъ небольшой рассказъ о проявленіи душевной доброты Чицына, холодно разбираетъ факты.

— Тоже—снялъ часы... Навѣрное съ тебя снялъ.

— Да нѣтъ... Свои, большіе такіе, съ бриллиантками.

— Мѣдные. Все равно хотѣлъ выбросить. Ты вѣдь тоже старухъ далъ?

— Да я что—двѣ копейки всего.

— Ну вотъ. Потомъ онъ забѣжитъ за уголъ и отниметъ у старухи и свои часы и твои двѣ копейки. А можетъ ей кто-нибудь двугривенный далъ. Схватитъ и пойдетъ на этотъ двугривенный побриться. Знаю я этихъ людей, всегда чисто побритыхъ и изящно одѣтыхъ.

— Нѣтъ, ты напрасно на Чицына нападаешь... Онъ такъ трогательно воспитываетъ свою маленькую сестренку.

— Торговать ею потомъ будетъ.

— А его отношенія къ своей матери-вдовѣ.

— Вотъ видишь—вдовы... А кто ея мужа отравилъ...

— Онъ отъ астмы умеръ.

— Астма, астма... Вырыли-бы покойника, сидѣлъ-бы твой Чицынъ на каторгѣ....

— А помнишь, третьяго дня въ театрѣ, сидѣли мы вмѣстѣ съ Чицынымъ... Совсѣмъ не такая ужъ драма, а у Чицына слезы на глазахъ... Душа-то какая...

— Подумаешь... Плакалъ, потому что боялся, какъ-бы новое пальто съ вѣшалки не стащило... Я человѣка насквозь вижу...

Если женщина въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ

къ методу индуктивному, способъ опредѣленія свойствъ и качествъ души остается тотъ же самый.

— Ну что ты нападаешь на Надежду Петровну... Я ее еще съ дѣтства знала...

— Подумай, обокрасть мужа...

— А что еще можетъ сдѣлать отзывчивая, чуткая женщина съ такимъ негодяемъ...

— Да, но ея близость съ театральнымъ плотникомъ...

— У ней добрая душа и она не могла разбить жизнь этому простому человѣку.

— Она бьетъ горничную по щекамъ изъ-за ботинокъ.

— За то она прибавляетъ ей каждые два года жалованье... Она прямо не можетъ видѣть слезъ...

— Да, но исторія съ браслетомъ, который она чуть ли не украла въ ювелирномъ магазинѣ...

— Она хотѣла его заложить и отдать деньги бѣднымъ дѣтямъ.

— Почему же она двѣ недѣли послѣ этого искала этихъ бѣдныхъ дѣтей въ кабинетахъ ресторановъ...

— Какъ всякое добродушное существо—она наивна...

Люди науки, изучающіе работу человѣческой души и отдѣльные фазисы этой работы, какъ при помощи индуктивнаго, такъ и дедуктивнаго метода, иногда дѣлаютъ непоправимыя ошибки.

Для того, чтобы изучить душевныя явленія человѣка, надо ихъ вызвать. Одинъ французскій ученый захотѣлъ подвергнуть психологическимъ экспериментамъ одного бродягу, одиннадцать разъ судившагося за кражу, изъ которыхъ всѣ, кромѣ первой, были повторныя. Онъ привелъ его къ себѣ въ домъ и сталъ наблюдать. Сначала душа бродяги рефлексировала на все, но самъ онъ всецѣло отдался всѣмъ истощеннымъ организмомъ процессу усиленнаго питанія. Цѣлые дни онъ ѣлъ, пилъ и спалъ.

Оль сталъ полнѣть, на лицѣ появился румянецъ и къ нему очень шелъ домашній костюмъ профессора, но даже самыя минимальныя проявленія душевной жизни у бродяги прекратились окончательно и безповоротно. Профессоръ шелъ на всѣ уловки. Пѣлъ бродягѣ дѣтскія пѣсни его родины, но тотъ уныло сидѣлъ въ уголкѣ и тихонько икалъ. Профессоръ рассказывалъ о добрѣ и злѣ—бродяга сосредоточенно и хмуρο требовалъ большой кусокъ жаренаго мяса; на просьбу рассказать о старой матери, бродяга осторожно подобрался къ кожанному дивану и надолго засыпалъ. Профессоръ оставлялъ бродягу наединѣ съ открытымъ денежнымъ ящикомъ; тотъ пробовалъ монеты на зубъ, а одну даже проглотилъ; потомъ сталъ бросать туда окурки. Профессоръ въ длинныхъ рѣчахъ пытался возстановить передъ бродягой красочную картину его прежней жизни, надѣясь, что тотъ будетъ хоть какъ-нибудь реагировать на это. Тотъ дѣйствительно реагировалъ, но своеобразно: шелъ на кухню и выпрашивалъ кусокъ вчерашней рыбы и стаканъ кислаго вина. Кончилось дѣло тѣмъ, что профессоръ въ бѣшенствѣ избилъ объекта своихъ наблюдений и выкинулъ его изъ дома. Только тогда бродяга частично проявилъ одно изъ своихъ душевныхъ качествъ: ночью забрался черезъ открытое окно и унесъ новые ботинки профессора. На срочный и важный докладъ въ одномъ ученomъ обществѣ, профессору пришлось поѣхать въ ночныхъ туфляхъ.

Такъ иногда и чисто научные методы изслѣдованія оказываются безсильными предъ тайниками человѣческой души.

ДУША ЖИВОТНЫХЪ, ПТИЦЪ И НАСѢКОМЫХЪ.

Душа животныхъ тоже поддается изученію. Конечно, если испытываемая собака положить лапу на чувствительную пластинку какого-нибудь аппарата, измѣряющаго вибрацію сердца, опредѣлить ея характеръ почти невозможно, но для этого существуютъ другіе методы наблюденій и изученій.

Собственно говоря, изученіе душевныхъ явленій у животныхъ даже значительно легче, чѣмъ у человѣка, потому что здѣсь душевныя явленія не прикрыты ни свѣтскими приличіями, ни матеріальными расчетами, ни желаніемъ вывѣдать что-нибудь и потомъ рассказать знакомымъ по норѣ, или по клѣткѣ.

Мнѣ пришлось однажды встрѣтиться съ однимъ догомъ, душа котораго сильно меня заинтересовала. Это было существо крайне необщительное; если-бы ему суждено было родиться человѣкомъ, біографія его, навѣрное бы раздѣлилась на такія составныя части: дѣтство, проведенное вмѣстѣ съ отцомъ-каторжникомъ въ каменно-угольныхъ копяхъ, юношество, отнявшее силы на выполнение всѣхъ предписаній частнаго анархическаго общества и средніе годы, позволившіе немного отдохнуть на мѣстѣ городского палача въ какомъ-нибудь южно-американскомъ небольшомъ городкѣ. Ни къ кому догъ не подходилъ; даже къ пищѣ онъ подвертывался какъ-то бокомъ, огрызаясь на прислугу. Къ хозяину не ласкался; только изрѣдка, должно быть въ большіе собачьи праздники, позволялъ ему подойти къ себѣ и тихонько погладить по жесткой шеѣ. Если хозяинъ хотѣлъ погладить еще разъ, догъ глубоко и хмуро вздыхалъ и съ большимъ шумомъ влѣзалъ подъ кровать. Никто его не видѣлъ въ собачьей

компаніи мирно обнюхивавшимъ какого-нибудь новаго знакомаго; даже это примитавное соблюденіе вѣжливости догъ предоставлялъ другимъ. Самъ онъ просто подбѣгалъ, хваталъ чужую собаку и начиналъ ее таскать по землѣ. Если собака таскалась удачно и пассивно—черезъ шесть минутъ она уходила, пользуясь помощью трехъ своихъ лапъ, если она дѣлала попытки сопротивляться, ее уносили со двора черезъ полчаса на рогожѣ.

Въ первый моментъ нашего знакомства догъ прямо выказалъ отрицательное отношеніе ко мнѣ: повернулся, посмотрѣлъ на меня черезъ плечо и, повидимому, не замѣтивъ во мнѣ ничего привлекательнаго, сталъ ловить зубами муху. Такъ какъ своимъ характеромъ догъ всегда интересовалъ меня, я не обратилъ вниманіе на его невѣжливость и добродушно протянулъ ему руку. Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, снова на меня и остановилъ выборъ на моей лѣвой ногѣ. Это было очень больно, хотя укусилъ онъ слегка.

Я ушелъ съ горькой увѣренностью, что догу нельзя не только подавать руки, но просто даже оставаться съ нимъ въ одной комнатѣ, когда онъ безъ намордника. Уходя черезъ часть изъ дома, я все-таки заглянулъ въ ту комнату, гдѣ оставилъ собаку. Каково-же было мое удивленіе: догъ лежалъ, растянувшись на полу и спалъ, немного приподнявъ лапу, подъ которой мирно дремали два хозяйскихъ котенка. Пойми послѣ этого собачью душу.

Это фактъ, который я наблюдалъ лично самъ. Что-же касается до фактовъ, сообщаемыхъ очевидцами и книгами, то по нимъ о собачьей душѣ можно написать цѣлыя изслѣдованія.

Въ Даніи, напримѣръ, какъ объ этомъ многіе пишутъ, собаки такъ привыкаютъ къ хозяину, что только мѣстные старожилы отличаютъ ихъ отъ людей. Собака развозитъ молоко, будитъ хозяина, чиститъ ему платье, неграмот-

нымъ даже пишетъ письма. Она, какъ заботливая мать, провожаетъ хозяйскаго мальчишку въ школу, а если мальчишка лѣнивый, она даже отвѣчаетъ за него уроки. Я лично свидѣтелемъ этому не былъ, но изслѣдователи Даніи—увѣряютъ.

О душевныхъ переживаніяхъ лошадей тоже не мало говорятъ и пишутъ. За послѣднюю войну въ газетахъ появлялось столько трогательныхъ исторій о лошадяхъ, что на бѣгахъ никогда нѣтъ свободнаго мѣста. Гдѣ-то недавно я читалъ, какъ въ сраженіи на Ипрѣ былъ убитъ одинъ нѣмецкій лейтенантъ, послѣ окторого остались жена и лошадь. Послѣдняя пыталась донести хозяина до перевалочнаго пункта. Она схватила его зубами и потащила. Лейтенантъ, по вполне понятнымъ причинамъ не протестовалъ. На полдорогѣ лошадь положила хозяина на землю, догадалась пощупать пульсъ и убѣдилась, что хозяинъ умеръ. Тогда умное животное вынуло у него изъ кармана письмо, добралось до перваго вокзала и поѣхало къ женѣ хозяина. Конечно, встрѣтили ее страшно тепло, съ ея словъ одинъ репортеръ написалъ нѣсколько боевыхъ эпизодовъ, а собственные корреспонденты нейтральныхъ газетъ въ Копенгагенѣ передавали это телеграммами во всѣ концы міра.

Все это, безусловно, не совсѣмъ достовѣрные факты. Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ самой тщательной проверки. Въ общемъ-же душу животныхъ, конечно, лучше всего изучать въ жизненномъ обиходѣ, издали приглядываясь къ нимъ. Основное качество, наприимѣръ, коровьей души—это доброта. Никто изъ насъ не видѣлъ, чтобы корова гонялась за кошками, кусала ребятъ, или бросалась въ погоню за зайцемъ. Коровѣ можно наговорить массу непріятностей, обрисовать ее въ крайне сгущенныхъ краскахъ, толкать ее, вымазать дегтемъ—она все равно не измѣнитъ выраженія своихъ прощающихъ добрыхъ глазъ.

У лошади къ этой добротѣ уже примѣшивается масса другихъ качествъ. Она очень терпѣливо относится къ чужому мнѣнію; если ея хозяинъ, извозчикъ, начнетъ увѣрять сѣдока, что она устала, въ тотъ самый моментъ, когда ее только что успѣли запрячь, она никогда не вмѣшается въ разговоръ. Если къ ней приходятъ въ конюшню и хотятъ ее погладить, только въ исключительныхъ случаяхъ, она норовитъ лягнуть, да и то, сводя старые счеты съ конюхомъ, слишкомъ экономящимъ овесъ. Цирковыя лошади, тѣ, даже отвѣчаютъ вѣжливымъ поклономъ на аплодисменты, но настолько скромны, что даже послѣ десяти лѣтъ сценической работы не требуютъ празднованія юбилея и не пишутъ писемъ въ редакціи. И въ то-же время у лошадей нѣтъ никакого чувства внутренней благодарности. Если вы будете ей давать съ руки хлѣбъ, она можетъ хладнокровно сжевать ваши пальцы. Заплатите за лошадь двѣ тысячи, или триста рублей—ей все равно. Это очень плохо. Собака, напримѣръ, гораздо благороднѣе. Если ее поймають съ кускомъ украденнаго сыра и не побьютъ, онъ никогда этого не забудетъ и въ слѣдующій разъ, въ видѣ особаго довѣрія, укравъ холодную котлету придетъ ее дождать у вашихъ ногъ.

Собачью душу очень хорошо наблюдать сидя у окна, выходящаго на дворъ. Обращали-ли вы когда-нибудь вниманіе на то, какъ играютъ собаки? Они бросаются другъ на друга, сваливаютъ на землю, перекатываются другъ черезъ друга, дѣлають видъ, что кусають, съ громкимъ рычаніемъ и въ то-же время собакъ нужно очень забыть-ся, чтобы причинить другой, играющей съ ней, боль. Въ этомъ вся собачья душа. Когда мы сходимся играть, мы не рычимъ и не сваливаемъ нашихъ партнеровъ на землю. Наоборотъ, мы уступаемъ лучшее мѣсто, льстимъ наружности партнера, угощаемъ его вареньемъ и обыгрываемъ другъ друга съ такой интенсивностью, что одинъ изъ

наиболѣе неудачныхъ партнеровъ встаетъ и уходитъ не простившись. И если собаки расходятся послѣ игры, виляя хвостами, мы расходимся злые и злобные; если-бы у насъ были клыки и хвосты, мы расходились бы, поджавъ хвосты, и въ прихожей потихонько рвали-бы клыками хозяйскую шубу. И только одинъ, обыгравшій всѣхъ хозяинъ, бѣгалъ-бы по комнатѣ распустивъ хвостъ трубой и весело лаялъ-бы на стѣны съ семейными портретами.

Ахъ, если бы мы были собаками, какая-бы у насъ всѣхъ была открытая душа и какъ легко было-бы жить...

— Нюлочка, Петышевъ пріѣхалъ.

— А зачѣмъ онъ?

— Не знаю. Поднялся по лѣстницѣ, обнюхалъ дверь и позвонилъ...

— Притащился тоже... Укуси его, пусть уходитъ.

— Лаять будетъ. Все равно, впрочемъ: пойду укушу.

Искусанный—молча уходитъ и перестаетъ даже звонить по телефону. А у людей нашего порядка такой визитъ или внезапное прекращеніе его—сколько вызвали-бы лжи, ханжества и сколько потребовалось бы времени для того, чтобы уладить конфликтъ...

Къ сожалѣнію, мы не собаки. Мы подаемъ лапу, когда намъ этого не хочется, позволяемъ себя гладить первому встрѣчному, а наступившему на хвостъ начинаемъ доказывать всю несправедливость его поступка такими длинными рѣчами и обдуманнѣми построениями, что когда рѣшаемся показать зубы—нахальный человѣкъ уже стоитъ на чѣмъ-нибудь чужомъ хвостѣ.

Душу птицъ и насѣкомыхъ тоже можно изучать. До насъ дошли свѣдѣнія о паукахъ, которые свивали паутину въ камерахъ преступниковъ и заводили знакомства съ арестантами. Арестанты быстро сживались съ пауками, кормили ихъ мухами: объ этомъ написано очень много

лирическихъ разсказовъ, но души пауковъ все-таки остались неизученными. Правда, объ одномъ такомъ паукѣ разсказываютъ, что онъ до такой степени сжился съ арестантомъ, что когда того выпустили на свободу, онъ донесъ тюремной администраціи, что арестантъ собирался сбѣжать и даже подпиливалъ рѣшетки. Того посадили снова, но уже въ другую камеру. Паукъ съ горя и истощенія умеръ. Тѣмъ болѣе, что мухами его никто уже не кормилъ, а больше въ пустой камерѣ никого не было.

Еще болѣе трогательный случай разсказываетъ одинъ энтомологъ о майскомъ жукѣ, который, потерявъ товарища по квартирѣ, запилъ и пошелъ въ услуженіе въ семью богатаго кузнечика.

Ничего плохого нельзя сказать и о душѣ бабочекъ, потому что онѣ ее ничѣмъ не проявляютъ. Во всякомъ случаѣ, одно ихъ качество стало даже предметомъ басенъ, выучиваемыхъ наизусть въ приготовительномъ классѣ: доврчивость. Залѣзъвъ въ комнату, бабочка поровить или влѣзть въ огонь, или такъ прицѣпиться къ человѣческому пальцу, что ее неизмѣнно сбрасываютъ на полъ, что сильно способствуетъ ея недолговѣчности. Иногда такая бабочка просто залѣзаетъ въ чернильницу и тонетъ тамъ, сама не понимая, въ чемъ дѣло.

У мухъ душевныя переживанія крайне примитивны: страстное желаніе не дать человѣку выспаться, испортить хорошую картину, стремленіе отравить удачную рыбную ловлю или всецѣло поработавшей душу порывъ къ смерти на лбу нетерпѣливаго человѣка. Если вѣрить переселенію душъ послѣ смерти, въ первой своей жизни мухи были или фельдшерами, которымъ отказывали отъ мѣсты, неудачными портными, или прогорѣвшими издателями. Ничѣмъ другимъ безпричинное пакостничество мухъ объяснить нельзя.

Птичья душа—проста. Голуби отличаются добротой, почему их ловятъ въ большомъ количествѣ, свертываютъ имъ шею и подаютъ въ хорошихъ ресторанахъ за рябчиковъ. Внутренній міръ курицы даже вошелъ въ поговорку: глупъ, какъ курица. У дятла, на примѣръ, совсѣмъ нѣтъ внутренняго міра, почему онъ во всѣхъ случаяхъ жизни, что-бы ни произошло, ищетъ что-нибудь твердое и начинаетъ долбить. У страуса сильныя переживанія вызываютъ необычныя физическія явленія; ученые относятъ страуса къ семейству безкрылыхъ, и въ то-же время, утверждая, что: «во время сильнаго приступа страха, страусъ прячетъ голову подъ крыло». Почему это такъ—неизвѣстно. Между прочимъ, у страуса небольшой хвостъ; когда онъ прячетъ голову, издали очень трудно различить гдѣ страусъ начинается и гдѣ онъ кончается. Поэтому во время охоты туземцы долго бѣгаютъ вокругъ испуганной птицы, съ большой осторожностью опредѣляя, гдѣ передъ и гдѣ задъ. Когда страусу это надоѣдаетъ, онъ высовываетъ голову и клюетъ кого-нибудь изъ охотниковъ въ затылокъ. Такъ-какъ клювъ у страуса большой и тяжелый, охотника уносятъ и охота быстро кончается. Изъ другихъ птицъ съ сильнымъ характеромъ, можемъ отмѣтить канарейку. Двѣ канарейки, посаженныхъ въ клѣтку, могутъ выжить своимъ пѣніемъ семью изъ одиннадцати человѣкъ и сдѣлать квартиру необитаемой. Выпущенныя изъ клѣтки, они сразу теряютъ характеръ и очень нравятся кошкамъ.

ПРОСТЫЯ ЯВЛЕНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Явленія душевной жизни мы будемъ раздѣлять на сложныя и несложныя. Такъ ихъ почему-то раздѣляютъ и учебники психологіи. Это нужно для того, чтобы сдѣ-

затъ самую науку психологіи затруднительной. Это происходитъ во всѣхъ областяхъ науки. Такъ, на примѣръ, если въ предисловіи къ учебнику догмы римскаго права написать, что она никому не нужна и никогда ни одинъ студентъ въ жизни съ догмой не столкнется—никто не будетъ ее изучать, всѣ будутъ кончать университеты, а профессорамъ нѣкому будетъ рѣзать на экзаменахъ. Даже въ гимназіяхъ заставляютъ наизусть учить нѣмецкіе стихи, только для того, чтобы родители опасались за здоровье своего ребенка и съ уваженіемъ смотрѣли на учебное заведеніе, гдѣ можетъ внезапно изсохнуть совершенно здоровое дитя.

Разсмотримъ сначала простыя явленія душевной жизни.

ЭГОИЗМЪ И АЛЬТРУИЗМЪ.

Эгоизмомъ называется такое чувство, въ силу котораго человѣкъ отказывается отъ билетовъ на благотворительныя концерты; сидя въ трамваѣ, смотритъ, какъ стоитъ дама; не поддерживаетъ разстроенное ресторанныя жизнью здоровье пріятелей и, женившись, не ходитъ съ маленькой плетеной корзинкой на базаръ. Альтруизмъ, наоборотъ, толкаетъ человѣка на противоположныя поступки: заставляетъ его уступать комнату бѣдняку и самому переѣзжать къ тѣткѣ; промотавшись, посылать послѣднія ломбардныя квитанціи богатымъ знакомымъ; не давать скучать товарищу, занятому срочной работой и даже прощать долги, если должникъ внезапно кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Короче сказать, эгоистъ—это человѣкъ, который любитъ себя, а альтруистъ—человѣкъ, который тоже любитъ себя и стѣсняется.

И въ эгоизмѣ, и въ альтруизмѣ есть много и плохихъ, и хорошихъ сторонъ. Плохихъ, впрочемъ, больше.

Эгоистъ представляется самому себѣ—ящикомъ съ медикаментами въ стклянкахъ, на которомъ четко написано: низъ, верхъ, осторожно. Его нельзя задѣть, ради него необходимо, чтобы кругомъ не было другихъ ящиковъ, чтобы къ нему всѣ относились почтительно и говорили шопотомъ, какъ о динамитномъ патронѣ, заложеномъ подъ поломъ дѣтскаго пріюта.

Въ обществѣ эгоистъ говорить и позволяетъ говорить только о себѣ.

— Сегодня, ужъ и погодка, — сожальюще выбросить кто-нибудь изъ себя.

— А вотъ я,—начинаетъ эгоистъ, и всѣ прислушиваются, что можетъ въ первомъ лицѣ о погодѣ сказать обыкновенный человѣкъ,—сегодня утромъ пилъ кофе.

Всѣмъ становится неловко, но эгоистъ искренно недоумѣваетъ, почему никто не бросается къ телефону, чтобы извѣстить какое-нибудь высокопоставленное лицо, что онъ пилъ кофе утромъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда какая-нибудь дама будетъ, захлебываясь, рассказывать о новой модѣ къ шляпѣ, эгоистъ не утерпитъ и снова вставитъ: а вотъ я... Окажется, что у его брата подагра и онъ получилъ сегодня объ этомъ письмо.

Эгоистъ отъ всего старается первый получить выгоду и выгоду наибольшую. Онъ первый врывается въ трамвай, почему его толкаютъ всѣ, кто напираетъ сзади. Онъ не уступить излишней запрошеннаго гривенника пьяному извозчику, отчего происходитъ скандалъ, задерживающій его весь первый актъ фарса у подъезда театра.

Въ семейной жизни, онъ требуетъ полной подвластности отъ окружающихъ. Жена боится его, зоветъ его на вы, потихоньку покупаетъ себѣ конфеты и черезъ полтора года убѣгаетъ съ помощникомъ бухгалтера. Дѣти дрожатъ отъ каждаго его слова и постепенно вымираютъ. Кухарка встаетъ въ пять часовъ утра и ждетъ, когда проснется ба-

ринъ; когда это надоѣдаетъ ей, она уходитъ, захвативъ съ собой столовое серебро съ туалетными часами и распускаетъ по лѣстницѣ слухъ, что баринъ бѣглый каторжникъ.

Чаще всего, эгоизмомъ страдаютъ женщины. Для нея, на примѣръ, ничего не стоитъ подойти къ занятому срочной и интересной работой мужу, и заявить, что ей хочется ѣхать въ шантанъ, обѣщая въ случаѣ несогласія его, перестать разговаривать и начать долго и громко плакать. Въ этихъ случаяхъ, для того, чтобы прослѣдить всѣ фазисы развитія и прекращенія эгоизма, необходимо соглашаться. Нужно ѣхать и сидѣть въ шантанѣ до тѣхъ поръ, пока не разсвѣтаетъ и метръ-д'отель не будетъ со слезами упрашивать уйти. Это слѣдуетъ повторить четыре вечера подрядъ. На пятый жена привязываетъ себя веревкой къ книжному шкафу и заявляетъ, что ее только силой можно вытащить изъ дома. Такъ одно изъ проявленій сухого эгоизма быстро сводится на-нѣтъ.

Въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ и среди только что пріѣхавшихъ въ столицу курсистокъ, эгоизмъ считается однимъ изъ красивѣйшихъ проявленій мужской души.

Какой-нибудь технологъ, которому нечего дѣлать, приходитъ къ такой неопытной дѣвушкѣ и официально заявляетъ.

— Я люблю мое большое, самобытное Я.

Курсистка робѣетъ и подсовываетъ ему печенье въ пакетикъ.

— А у васъ есть я, свое я, Федорова? — испытующе спрашиваетъ технологъ.

— Я собственно... Конечно... есть... Я такъ много читала,—конфузится курсистка.

— Нужно имѣть свое я,—сурово говоритъ технологъ и черезъ полчаса уходитъ. А курсистка садится за столъ и

до глубокой ночи пишеть подругѣ въ Тверь, что въ большомъ городѣ мужчины красиво-эгоистичны, самобытны и у каждаго по большому Я. Тоже самобытному.

Альтруизмъ, какъ душевное качество, близко подходитъ къ такимъ адекватнымъ душевнымъ качествамъ, какъ

ДОБРОТА.

Душевная доброта—качество врожденное. У многихъ оно, правда, выявляется наружу только предъ арестантскимъ отдѣленіемъ, когда всѣхъ шестисотъ тысячъ все равно съ собой не захватишь, но въ нѣкоторыхъ доброта видна всегда. Сама по себѣ доброта раздѣляется на много элементовъ. Первый изъ нихъ—жалостливость особенно ярко проявляется у всѣхъ добрыхъ натуръ.

— Вы чего, племянника хороните?—участливо спрашиваетъ жалостливый человѣкъ.

— Да, умеръ мальчишка.

— Жаль?

— Жаль.

— Да вы не жалѣйте. Смотрю на васъ—самому плакать хочется. Бросьте. Кабы сестра умерла.

— Ну, что вы... Ей шестнадцать лѣтъ всего, здоровая такая дѣвушка....

— И здоровые умирають. У меня гимназистъ одинъ былъ знакомый...

— Брательникъ у меня есть. Студентъ.

— Въ Керчи, въ прошломъ году, цѣлая семья отравилась...

— Да... Они у меня всё по разнымъ мѣстамъ живутъ...

— А вотъ какъ это объяснить—предчувствія... Знакомый домъ у меня былъ. Умерла старуха, бабушка. А

предъ смертью говорить: всё за мной пойдутъ. И представте себѣ—сынъ черезъ мѣсяцъ въ дорогѣ скончался. отъ тетки изъ Вологды телеграмма, что...

— Я пойду...

— Куда же вы? Жаль васъ одного въ такомъ горѣ оставить... Умеръ, значить, племянничекъ... Жаль, жаль.. А славный былъ мальчуганъ...

Жалостливыя натуры отличаются особымъ качествомъ усиливать всякое несчастье, даже если человекъ, котораго жалѣютъ, самъ не замѣчаетъ своего несчастья. У постели больного инфлуэнцой они навѣваютъ такой стяхійный ужасъ своимъ сочувствіемъ, что у того начинается подниматься температура. Въмѣсто мокраго и холоднаго полотенца, положеннаго на голову и фактически только мѣшающаго больному дождать орѣховый тортъ, становится необходимымъ профессоръ, узнавъ о приходѣ котораго люди съ большимъ запасомъ жалостливости начинаютъ изъванивать всѣхъ знакомыхъ, и около постели больного собирается шумная толпа, мѣшающая ему спать и поправляться.

Жалостливость вполне совпадаетъ съ другимъ проявленіемъ душевной доброты—отзывчивостью.

Отзывчивымъ обычно опредѣляютъ несчастнаго, робкаго человека, у котораго въ любой день можно занять безъ отдачи, просидѣть у него до шести часовъ утра, поселиться въ его кабинетѣ и убѣдить его въ томъ, что все это дѣлается исключительно для его-же пользы.

ДУШЕВНОЕ РАВНОВѢСІЕ И ДУШЕВНАЯ УСТАЛОСТЬ.

Все, что можно было сказать о проявленіяхъ душевной жизни въ области положительныхъ качествъ, сказано въ этихъ немногихъ строчкахъ. Далѣе, мы переходимъ къ

проявленіяхъ, не носящихъ остраго характера. Это—душевное равновѣсіе и душевная усталость. Отъ чего происходитъ душевная усталость — всѣ мы, конечно, хорошо знаемъ, потому что каждый изъ насъ считаетъ себя несчастнымъ обладателемъ немного усталой души.

Обычно въ болѣе ранній періодъ человѣческой жизни, душа реагируетъ на все. И на слѣпота котенка и на чужую брошенную жену, и на разговоръ о томъ, что человѣкъ, ежедневно считающій въ банкѣ деньги, въ концѣ концовъ будетъ считать ихъ у себя въ небольшой и уютной квартиркѣ за границей.

Слѣпой котенокъ насъ волнуетъ до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ, что онъ выброшенъ изъ нашей собственной кухни, потому что мѣшалъ намъ-же по утрамъ спать и мягкосердой кухаркѣ надоѣло получать выговоръ. Брошенная жена, положеніе которой казалось такимъ вызывающимъ слезы, волнуетъ значительно дольше. Мы съ минуты на минуту собираемся увидѣть я мужа, чтобы бросить ему въ глаза горькую правду о его безчестномъ поступкѣ, когда неожиданно мужъ является самъ и въ волненіи расхаживая по комнатѣ, жалуется на то, что его изъ собственнаго дома выкинулъ какой-то инженеръ, съ которымъ жена, послѣ этого поѣхала ужинать.

Что касается до кассировъ, старинные куплеты о которыхъ намъ кажутся непроходимой пошлостью, а сегодняшний разговоръ объ ихъ привычкахъ, прямо злобнымъ оскорбленіемъ честныхъ людей, то они тоже даютъ возможность обиженно удивиться, когда исчезаютъ съ вашими послѣдними деньгами, отложенными для поѣздки куда-нибудь лѣтомъ.

И чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ болѣе устала у него душа. Усталость эту узнать очень легко. Если человѣкъ смѣется, говоритъ веселыя фразы и старается развлечь другихъ—душа его перетаскала не мало тяжелаго груза.

Если же онъ среди рабочаго дня лежитъ на диванѣ, читаетъ неразрѣзанную книжку иностранныхъ новелль и заманивъ въ комнату сосѣда, долго и грустно роняетъ тяжелыя слова о красотѣ смерти и обаяніи небытія—душа у него крѣпка, какъ свѣжій паровозъ, только что прицѣпленный къ большому товарному поѣзду съ пескомъ и кирпичемъ.

Душевную усталость никоимъ образомъ нельзя сравнить съ душевнымъ равновѣсіемъ. Это явленіе совершенно другого порядка. Человѣкъ, не теряющій душевнаго равновѣсія—самое отрадное явленіе въ обыденной жизни.

Если у него прспадаетъ бумажникъ, онъ не бѣется головой о косякъ кухонной двери. Въ театрѣ вы не увидите такого человѣка, повисшимъ на барьерѣ ложи и истерически выкрикивающимъ хриплымъ голосомъ, фамилію понравившагося ему актера.

Если въ газетѣ онъ увидитъ свою фамилію въ списокѣ лицъ, замѣшанныхъ въ какомъ-нибудь нехорошемъ дѣлѣ, онъ не бѣжитъ въ редакцію, съ цѣлью оставить послѣ редактора осиротѣвшее семейство.

— Вы меня назвали воромъ,—спокойно говоритъ онъ редактору,—можетъ быть, у васъ есть на это основанія?

— Вполнѣ точныя,—начинаетъ волноваться редакторъ,—и неоспоримыя, господинъ Перелѣшинъ.

— Изъ вашихъ словъ я дѣлаю выводъ,—вѣжливо отвѣчаетъ человѣкъ съ душевнымъ равновѣсіемъ,—что вы обвиняете Перелѣшина въ воровствѣ?

— Совершенно вѣрно. Только вы не смѣете меня бить.

— Я этого и не собираюсь дѣлать. Я хочу только вамъ объяснить, что я не Перелѣшинъ, а Зайцевъ. Пишите опроверженіе.

— А мы развѣ и васъ упомянули? Скажите, какой смѣшной случай!...

— Безусловно. Я тоже долто смѣялся. Напишите?

— Напишу. Заходите какъ-нибудь вечеркомъ. Въ пре-
ферансъ играете?

— Запись только плохо знаю. Всего лучшаго.

На другой день въ газетѣ появляется большая статья, въ которой анонимный авторъ на протяжении двухсотъ строкъ доказываетъ, что Зайцевъ не воръ, а наоборотъ, его обокрали.

Если бы Зайцевъ былъ человѣкомъ безъ душевнаго равновѣсія и сталъ-бы писать письма въ редакцію, или подавать въ судъ жалобы, съ просьбой привлечь редактора по одной изъ подходящихъ къ этому случаю статей—газета во имя профессиональной этики, еще раза четыре назвала-бы его воромъ. Единственнымъ утѣшеніемъ могло-бы послужить только то обстоятельство, что наемный редакторъ сѣлъ бы въ одиночное заключеніе, гдѣ быстро-бы поучился какому-нибудь ремеслу въ тюремной мастерской и сталъ-бы приличнымъ человѣкомъ,—но это утѣшеніе плохого сорта.

Люди безъ душевнаго равновѣсія ужасно мѣшаютъ жить вѣчнымъ шумомъ, которымъ они окружаютъ себя и свое мѣстопробываніе каждую минуту. Слегка подтолкну-тый пьянымъ мастеровымъ на улицѣ, такой человѣкъ начинаетъ считать себя обезчещеннымъ на долгую жизнь и подымаетъ скандалъ. Конечно, мастеровой попадаетъ въ участокъ, но туда-же для необходимыхъ справокъ по протоколу, попадаетъ и человѣкъ безъ душевнаго равновѣсія. Кончается дѣло тѣмъ, что мастеровой, которому все равно, гдѣ-бы ни выспаться, выходитъ на другое утро изъ участка свѣжимъ, бодрымъ и здоровымъ, а человѣкъ съ неуравновѣшенной душой, привлекается за рѣзкую и громкую критику полицейскихъ порядковъ, а такъ-же за оскорбленіе полицейскаго чиновника при исполненіи служеб-ныхъ обязанностей. Хотя дѣло можетъ кончиться и миромъ, но въ теченіе двухъ дней въ семьѣ неуравновѣ-

шеннаго человѣка создается настроеніе, которое часто можетъ способствовать окончательному расхожденію соединенныхъ законнымъ бракомъ. Человѣкъ, съ уравновѣшенной душой, или не обратитъ вниманіе на мастерового, или просто осторожно встряхнетъ его и дастъ ему возможность сѣсть, въ сваленную около тротуара кучу снѣга. Пьяному человѣку это только пріятно, случайно собравшейся публикѣ смѣшно, а у уравновѣшеннаго человѣка все событіе не отниметъ больше двухъ минутъ.

На всѣ семейныя событія неуравновѣшенные люди реагируютъ слишкомъ остро. Если, изъ-за порчи кабеля, въ домѣ тухнетъ электричество, они выгоняютъ прислугу, сами бѣгутъ въ закрытую мелочную лавку, и не доставъ свѣчи, начинаютъ безцѣльно бѣгать по улицамъ, въ надеждѣ случайно встрѣтить какого-нибудь знакомаго, у котораго можно было-бы занять свѣчу, или кѣрсиновую лампу. Когда разбитый и изнеможденный такой человѣкъ возвращается домой, оказывается, что черезъ сорокъ минутъ послѣ его ухода электричество зажглось тамъ, гдѣ это нужно и не нужно. Человѣкъ съ равновѣсіемъ, наоборотъ, будетъ доволенъ такимъ обстоятельствомъ, воспользовавшись, чтобы полчаса побездѣльничать, и если не будетъ посылать благодарственныхъ писемъ въ контору электрическаго общества, то во всякомъ случаѣ на другой день не будетъ сидѣть безъ обѣда, изъ-за отсутствія ни въ чемъ неповинной кухарки.

Узнавъ о томъ, что его жена слишкомъ долго и часто осматриваетъ по вечерамъ обстановку квартиръ знакомыхъ холостяковъ, человѣкъ съ душевнымъ равновѣсіемъ не собираетъ у себя на столѣ все холодное и огнестрѣльное оружіе, какимъ владѣетъ самъ и какое успѣлъ достать у пріятелей по службѣ. Сначала онъ узнаетъ фамилію тѣхъ, кто въ лексиконѣ жены все время значится подъ именемъ: кинематографа, подруги по гимназці, прі-

ѣзжихъ родственниковъ и просто свѣжаго воздуха. Если этихъ фамилій набирается много, спокойный человѣкъ созываетъ ихъ всѣхъ и, предложивъ по хорошей сигарѣ, убѣждаетъ ихъ поровну раздѣлить подругу его жизни, самъ отказываясь отъ законной части. Послѣ этого онъ собираетъ въ чемоданъ необходимыя, на первое время вещи, и переѣзжаетъ въ номера, гдѣ начинаетъ трудовую полную энергіи и красоты жизнь.

Что въ этихъ случаяхъ дѣлаетъ неуравновѣшенный человѣкъ—трудно передать въ немногихъ словахъ. Вся его послѣдующая жизнь сводится къ собственноручному вытаскиванью жены изъ кабинета черезъ прихожую на парадную лѣстницу и ожиданіемъ той-же жены у подъѣзда ея мамы. Правда, что жена неуравновѣшеннаго человѣка чувствуетъ себя лучше, чѣмъ жена уравновѣшеннаго. Въ то время, какъ послѣдней предоставлено право изрѣдка позвонить по телефону и заискивающе справиться о здоровьѣ своего однофамильца, жена человѣка неуравновѣшеннаго, прекрасно знаетъ, что въ любой моментъ она снова можетъ прійти къ себѣ въ домъ и ругать мужа при гостяхъ, нехорошими словами. Если-же гости окажутся пріятелями мужа—даже выпнать ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ.

Душевные качества неуравновѣшеннаго человѣка очень легко изучать и наблюдать даже малоопытному психологу. По поводу каждаго чужого слова или поступка, испытуемый сразу оптомъ выявляетъ всѣ свои душевные качества. Для этого, конечно, необходимо, чтобы и психологъ былъ человѣкомъ уравновѣшеннымъ, потому что въ прстивномъ случаѣ ничего, кромѣ взаимной обиды словами, или опрометчивыми поступками, не будетъ.

СКУПОСТЬ.

Среди отрицательныхъ душевныхъ качествъ почетное мѣсто занимаетъ скупость. Она не наследственна. Очень часто у дѣтей, собирающихъ старья марки, остатки сухихъ коллетъ и поломанныя гребенки, отцы растрчивали на лошадей по два имѣнія. И наоборотъ, у отцовъ, скопившихъ деньги отъ размѣнной лавки, дѣти поливаютъ въ минуты веселья старымъ венгерскимъ виномъ дорогую плюшевую мебель.

Скупость въ человѣкѣ зарождается довольно рано. Льтъ съ семи онъ начинае ть собирать въ широко оттопырившіея карманы гимназическихъ штановъ всякую дрянь, складывая подъ постель или подъ отцов кій столъ все то, что даже при постороннихъ усиліяхъ въ карманъ не влѣзетъ. Соответственно проходимоу разстоянію, все сложенное въ карманы начинаетъ жить на коммунальныхъ началахъ: два ржавыхъ гвоздя удачно пристранивются въ кускъ мясного пирога, самъ пирогъ тѣсно сжимается обломкомъ перочиннаго ножа и скомканный открыткой съ ланлышами, а все покрываетъ солидный обломокъ отъ израсцоваго кирпича.

Если все это складывается въ карманъ только по разсѣянности, неимѣнію болѣе подходящихъ мѣстъ, или для того, чтобы быть пущенымъ въ ходъ при первой необходимости (гвоздь для сосѣдскихъ мальчишекъ, налетающихъ съзади, пирогъ на случай приглашенія остаться лишніе полчаса послѣ уроковъ въ училищѣ)—изъ ребенка ничего путнаго не выйдетъ. Онъ сдѣлается адвокатомъ и будетъ только писать театральныя рецензіи, или останется пріупив рситетѣ и смѣнить научную карьеру на мѣсто кинематографическаго коммивояжера. Если-же содержимое его кармана предназначено для товарообмѣна или продажи товарищамъ по

классу—скупость какъ неотъемлемое свойство души обезпечено ему на всю жизнь.

Скупого человѣка легко узнать сразу въ тотъ моментъ, когда онъ расстаётся съ деньгами, или какой нибудь вещью. Если онъ даетъ почитать книгу, онъ непременно нѣжно погладитъ ее по переплету и, поправляя пенснэ, искоса посмотритъ на берушаго.

— А какая раньше библіотека была,—вздохнетъ онъ,—четыре шкафа. Берутъ и не отдають.

— Я, пожалуй, вамъ книгу къ четвергу принесу.

— Да нѣтъ, что вы... Пожалуйста, хоть еще не дѣлю.

Я вѣдь такъ. Многіе вотъ быстро возвращають, а просмотришь книгу—въ сальныхъ пятнахъ, точно на салотопенномъ заводѣ читали.

— А я, кажется, ужъ читаль ее... Какъ-же, какъ-же Вотъ и рисунки помню...

— Прочтите, интересная. Деруть только черти очень ужъ... Маленькая книжонка, а два сорокъ съ пересылкой на счетъ издательства...

— Знаете, я пожалуй за ней въ среду зайду... Что то тащить не хочется...

Впрочемъ, скупость на книги осуждать трудно. Среди окружающихъ насъ людей — почему-то считается хорошимъ тономъ возвращать книгу въ такомъ видѣ, что ее можно узнать только по закладкѣ, захваченной одновременно съ книгой. Большинство прямо оставляетъ у себя книги, взятыя на прочтеніе, и считаетъ неудобнымъ ихъ приносить обратно. О провинціальномъ актерѣ который попроситъ на одинъ вечеръ галстукъ, говорятъ много нехорошаго; о знакомомъ, который медленно, но вѣрно перетаскиваетъ къ себѣ чужую библіотеку, предоставляя ее бывшему владѣльцу изрѣдка грустно

вдохнуть о ней—говорять, что онъ разсѣянь. Это большой недочетъ нашего жизнепониманія.

Когда скупой человѣкъ отдаетъ деньги за семикопеечную марку, ему всегда кажется, что можетъ случиться чудо: марка внезапно подешевѣетъ или почтовый чиновникъ вспомнитъ объ измѣнившей женщинѣ, махнетъ рукой, опуститъ голову на столъ и откажется принять плату. Поэтому даже при этой безспорной необходимости уплатить, скупой человѣкъ достаетъ деньги изъ кошелька долго, подбираетъ наиболѣе старыя монеты и отдавая ихъ, какъ-бы мысленно горько и надрывно пожимаетъ имъ серебряныя или мѣдныя руки.

Въ домашней жизни скупой человѣкъ глубоко несчастенъ. Цѣлые дни онъ бѣгаетъ за всѣми по комнатамъ и, тушить электричество, когда кто-нибудь забудетъ повернуть кнопку. Сидя на стулѣ, онъ вѣчно рѣшаетъ трудную диллему—отъ чего скорѣе протираются брюки: отъ того-ли, что человѣкъ ерзаетъ, или сидитъ спокойно, придавливая матерію. Закуривъ, докуриваетъ до ваты и еще сожалеетъ, почему нельзя въ мундштукъ гильзы положить стараго табаку и закурить еще разъ съ другого конца.

Если онъ курить, даже чужую, дорогую сигару, на лицѣ у него написанъ ужасъ человѣка, проигрывающаго въ карты купленное еще бабушкой мѣсто на кладбищѣ. Чувствуя, что онъ каждую минуту проглатываетъ съ дымомъ пятакъ или гривенникъ, скупой человѣкъ не можетъ простить себѣ этого, а бросить рублевую сигару жалко. Невозможно и унести ее въ зажженномъ видѣ домой, незамѣтно сунувъ въ жилетный карманъ, чтобы въ свободное время, осторожно подрѣзавъ использованный конецъ, угостить какого-нибудь полезнаго человѣка.

Когда скупой человѣкъ ѣсть въ ресторанахъ—про-

исходить то-же, что и во время куренія сигары. Онъ съ удовольствіемъ схватилъ-бы поданную ему котлету де-валяй, сбѣгалъ-бы съ ней на кухню и перепродалъ-бы ее, съ извѣстной уступкой, повару, но компанія, сидящая съ нимъ этого не допустить; поэтому онъ все время въ тревожномъ ожиданіи счета. И только когда счетъ уже оплаченъ и ему терять уже нечего, онъ быстро налегаетъ на все оставшееся на столѣ, лихорадочно мѣшая мясной салатъ съ семгой и текайское съ пивомъ.

Мнѣ рассказывали объ одномъ скупомъ домовладѣльцѣ, который, созывая гостей, требовалъ, чтобы потомъ прислуга дѣлилась съ нимъ деньгами, полученными ею на чай за подаваніе пальто. Когда гости узнали это, они стали уходить потихоньку, неслышно одѣваясь въ темной передней и безшумно отворяя дверь. Тогда хозяинъ дома нагонялъ ихъ на лѣстницѣ, сбѣгалъ за извозчикомъ и требовалъ двугривеннаго для передачи прислугѣ, которой предусмотрительно отказалъ отъ мѣста. Такъ онъ окупалъ скромныя затраты на угощеніе.

О другомъ раскаявшемся скупцѣ мнѣ рассказывали еще болѣе необычныя вещи. Чувствуя, что дальше копить некуда и вдобавокъ, потрясенный какимъ-то событіемъ, кажется внезапнымъ рожденіемъ сестренки отъ шестидесятилѣтняго отца, онъ сталъ растрчивать деньги. Днемъ напивался пьянымъ, къ вечеру уѣзжалъ на тройкѣ въ загородный ресторанъ кутить съ цыганами, а къ утру вдругъ просыпалось старое чувство скупости и приходилъ домой пѣшкомъ, не обращая вниманія на двѣнадцативерстное разстояніе. Очень часто онъ нанималъ на цѣлыя сутки автомобиль и, вдругъ испугавшись, заворачивалъ на немъ къ извозчицѣ чайной позавтракать. Однажды при немъ рассказывали о

какомъ-то милліонерѣ, который закуривалъ папиросу сторублевками. Это было во время кутежа. Скупой человекъ поднялся, слегка шатаясь подошелъ къ свѣчѣ на столѣ, обвелъ всѣхъ презрительнымъ взглядомъ, вынулъ сторублевую бумажку, протянулъ ее къ огню и вдругъ круто опутивъ ее въ карманъ, сталъ совать въ огонь пятнадцати-копѣечную марку. Марка сгорѣла. Черезъ полчаса скупой человекъ плакалъ на диванѣ пьяными слезами и клялся, что за свой позоръ онъ выложитъ двѣ тысячи на женскую богадѣльню.

Излечить отъ скупости трудно. Нужно просто дать излечиваемому дожить до сорока лѣтъ. Если къ этому времени онъ не высохнетъ отъ истощенія — значитъ организмъ выдерживаетъ.

СТРАХЪ.

Страхомъ называется такое душевное переживаніе, когда человекъ боится.

Никогда не знаютъ страха только люди, родившіеся отъ второго брака запойнаго глухо-нѣмого съ дѣвушкой, которую четыре раза выручало изъ бѣды общество спасенія женщинъ. Уже къ шестнадцати годамъ такой человекъ ровно ничего не боится. Но заглянувъ ему въ выпуклые оловянные глаза, сверху придавленные невысокимъ лбомъ съ низко опускающимися жесткими волосами, а снизу отдѣленные тугими красными щеками отъ далеко выдвинутыхъ впередъ челюстей—лично я никогда не испытывалъ чувства острой зависти къ его безстрашію.

Люди съ длительно-развитымъ чувствомъ страха тоже не могутъ служить предметомъ зависти. Страхъ у нихъ большей частью превращается въ профессію,

правда, не дающую заработка, но сильно мѣшающую жизни.

— Вы не видите вотъ здѣсь прыщика?

— Гдѣ?

— Вотъ здѣсь. Около уха.

— Маленькій такой, красный?

— Неужели красный? Ну, конечно... Скажите, а отъ скарлатины и взрослые умираютъ? Да? Вы молчите?

— При чемъ здѣсь скарлатина?

— Что-же вы думаете, прыщикъ отъ ревматизма выскочилъ...

— Да скарлатина не съ этого начинается...

— У кого не съ этого, а у кого и съ этого. Можетъ, это уже середина болѣзни...

— Да вы развѣ себя плохо чувствуете?

— А по вашему хорошо? Вы потрогайте лобъ.

— Ну потрогалъ. Холодный.

— Можетъ, и холодный, потому что тифъ.

— При тифѣ сыпь.

— У меня организмъ выносливый—сыпь еще не скоро появится.

— Что-же вы со мной разговариваете—доктора позовите.

— Да, пріѣдетъ докторъ, найдетъ у меня что-нибудь...

— Что-же онъ у васъ можетъ найти?

— Вамъ легко говорить. Такое найдетъ, что и не предполагаешь... Умерла-же отъ чего нибудь Татьяна Петровна...

— Ну что вы, право... Ну, неудачная акушерка. Можетъ быть, не береглась... А ребенокъ здоровый такой...

— Да, конечно... Ребенокъ здоровый, а я вотъ какъ слягу завтра въ постель...

— Да, можетъ, у васъ ничего и нѣтъ?

— Всѣ такъ говорятъ, пока человѣкъ на ногахъ держится...

Кромѣ болѣзней, человѣкъ съ преобладаніемъ страха въ душѣ боится еще многого. Въ трамваѣ онъ стоитъ на передней площадкѣ и смотритъ не пьянъ-ли вагоновожатый. Передъ долгой поѣздкой по желѣзной дорогѣ долго роется въ старыхъ газетахъ, когда было послѣднее крушеніе и всегда садится въ послѣдніе вагоны. Когда извозчикъ переѣзжаетъ рельсы, онъ вскакиваетъ,—разстегивая полы и заплетающимся языкомъ кричить, чтобы испугать лошадь и заставить ее бѣжать скорѣе.

На дачѣ боится змѣй и болотъ и снимаетъ помещеніе гдѣ-нибудь около станціонной вадокачки, поближе къ людному мѣсту. Предъ сномъ долго обходитъ комнаты со свѣчей въ рукахъ и по два раза пробуетъ дверныя задвижки. При каждомъ шорохѣ у оконъ просыпается и начинаетъ самъ съ собой разговаривать басомъ, чтобы обмануть кого-то, кто можетъ влѣзть въ окно...

Пишущій эти строки очень сочувствуетъ трусливымъ людямъ. Въ жизни надо все время бояться, потому что боязливый человѣкъ—остороженъ, а каждая минута нашей жизни приходитъ съ цѣлымъ арсеналомъ непріятностей.

Многіе думаютъ, что непріятностью называется только потеря ноги, службы, или чьего-нибудь расположенія. Это не такъ. Непріятность часто приходитъ въ такомъ видѣ, что душевно-близорукіе люди даже вблизи принимаютъ ее за внезапно наплывшія счастье и удачу.

Одинъ изъ моихъ бывшихъ школьныхъ товарищей жилъ въ провинціи и жилъ уроками. Онъ былъ очень скромный человѣкъ, сильно нуждался и, получивъ работу, такъ честно и стойко выполнялъ ее, что многіе изъ его учениковъ, подготовленные въ четвертый классъ, приходя на экзамены, внезапно держали ихъ на аттестатъ зрѣлости, каковой безпрепятственно и получали.

Однажды, въ пору солиднаго безденежья, у этого человѣка умерла бабушка и оставила ему тысячу рублей. Первые дни онъ не зналъ, что дѣлать отъ радости; купилъ нѣсколько дюжинъ бумажныхъ воротничковъ, запасся на два мѣсяца гильзами и прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ писалъ, что у него не хватаетъ словъ описать все счастье отъ такой неожиданной радости. Черезъ двѣ, или три недѣли, внушивъ себѣ, что у него хватитъ денегъ прожить цѣлый годъ, не надрываясь въ работѣ, онъ почувствовалъ, что репетиторскій трудъ очень скучное занятіе. Поэтому, приходя на уроки, онъ сталъ быстро прививать своимъ ученикамъ такой легкомысленный взглядъ на очередныя обязанности, что тѣ охотно складывали книги и убѣгали играть въ бабки. Замѣтивъ это, родители стали рѣшительно освобождать моего бывшаго пріятеля отъ обременительнаго труда по обученію ихъ дѣтей. Въ теченіе шести безработныхъ мѣсяцевъ, тысяча была прожита, а унылый обладатель воспоминаній о ней переѣхалъ въ уголь и сталъ писать въ чайныхъ прошенія въ министерства лавочникамъ и ихъ родственникамъ. Сравнительно недавно онъ мнѣ прислалъ, съ просьбой устроить въ какую-нибудь редакцію, цѣлый рассказъ, гдѣ это все было описано. Рассказъ почему-то назывался: „Проклятіе бабушки“.

Знаю я и другой случай, когда къ одному мелкому

провинціальному артисту въ уборную вошла жена полицмейстера, представительная и строгая дама, и принесла ему букетъ цвѣтовъ. Обрадованный высокимъ визитомъ, артистъ такъ растерялся отъ радости, что пропустилъ выходъ. Когда его оштрафовали за это, онъ пригрозилъ, что пожалуется полицмейстеру, такъ-какъ считалъ этотъ поступокъ режиссера подлежащимъ разсмотрѣнію оффиціальной власти.

— Это мое дѣло, хочу и штрафую,—холодно отвѣтилъ режиссеръ.

— А вотъ полицмейстеръ покажетъ, чье-это дѣло...

— Да тебя, такую рвань, къ нему и не допустить...

— Меня? Меня?..

Тономъ, полнымъ торжества и гордости, артистъ разсказалъ о томъ, что только-что произошло сейчасъ у него въ уборной.

Съ особымъ вниманіемъ выслушалъ этотъ разсказъ самъ полицмейстеръ, изъ устъ какого-то доброжелателя его семьи. Черезъ восемь часовъ артистъ, благодаря энергіи того-же полицмейстера, былъ высланъ изъ города, съ правомъ вѣзда въ любой изъ другихъ городовъ. Правда, цѣлую дорогу, въ третьемъ классѣ, онъ разсказывалъ каждому новому пассажиру о томъ счастьѣ, какое онъ пережилъ и какъ оно внезапно свалилось, но почти весь сезонъ ему пришлось провести безъ работы, не считая частной переписки по двугривенному съ листа.

На каждого человѣка и на каждое, даже самое мелкое событіе, надо смотрѣть какъ на предтечу не-пріятности. Поэтому такъ и надо всего побаиваться, потому-что сознаніе страха всегда логически гонитъ

нашъ умъ къ созданію благополучнаго выхода изъ положенія.

Никто не приходитъ даромъ. Если къ вамъ пришелъ знакомый, можете быть твердо увѣреннымъ, что онъ или попроситъ взаймы, или хочетъ завести какой-нибудь споръ, для того, чтобы нѣсколько разъ обругать васъ крутыми словами и тѣмъ самымъ разбить о васъ собственную злость. Иногда можетъ быть и приходятъ безкорыстно, но только предъ большими праздниками, потому что театры закрыты, а въ ресторанахъ бѣшенныя цѣны.

Если васъ зовутъ въ гости,—только для того, чтобы обыграть въ карты, отдѣлаться отъ вашего отдѣльнаго посѣщенія заразы съ другими гостями, все равно уже ввалившимися въ домъ, или для того, чтобы, воспользовавшись вашимъ приходомъ, черезъ два дня прийти самимъ цѣлой семьей.

Человѣкъ, живущій въ страхѣ прекрасно понимаетъ все это, потому что боится. Человѣкъ, не знающій этого страха передъ жизнью, тупо идетъ впередъ, вѣрить въ то, что его любятъ прислуга, близкіе люди считаютъ умницей, а къ его обѣдамъ собираются по шестнадцати человѣкъ только потому, что онъ умѣло остритъ за сладкимъ.

Заяцъ, который охотно пробѣгаетъ по прямой линіи лишнюю версту отъ охотника, несравненно умнѣе какого-нибудь инженера, или адвоката съ ружьемъ, который бѣжитъ за звѣремъ по лѣсу и, царапаясь о деревья, старается убить звѣреныша для того, чтобы бросить его потомъ въ канаву. А заяцъ не получилъ университетскаго образованія и о философіи жизни знаетъ только по собственнымъ наблюденіямъ, а не по толстымъ длительно-скучнымъ книгамъ. Конечно, левъ, убивающій лапой лошадь, гораздо красивѣе, но если бы

левъ былъ человѣкомъ, врядъ-ли бы онъ цѣлую жизнь бѣгалъ съ поднятой лапой и искалъ подходящихъ для убійства лошадей.

Я-бы очень хотѣлъ быть зайцемъ... Милымъ пушистымъ, мягкимъ и теплымъ зайцемъ, бѣгающимъ отъ всякаго пакостника, никого не убивающимъ и въ своей норѣ отдыхающимъ въ умственномъ созерцаніи жизненной гадости.

Преобладаніе среди душевныхъ переживаній страха, какъ уже я сказалъ, опытнымъ психологомъ узнается очень легко. Особенно легко узнается оно, когда самъ испытуемый этого не скрываетъ и говорить открыто.

РЕВНОСТЬ.

Однимъ изъ болѣзненныхъ проявленій душевной жизни надо считать ревность. Присутствіе ея въ человѣческой душѣ узнается по многимъ физическимъ и не физическимъ проявленіямъ. Ревность бываетъ острая и катарральная. Острая вспыхиваетъ сразу и проявляется въ острыхъ-же формахъ; ее легко предугадать въ человѣкѣ, замѣтивъ его бѣгущимъ за женщиной съ большимъ револьверомъ въ рукахъ и на ходу произносящимъ на-скоро придуманныя угрозы:

— Я въ тебя одиннадцать пуль всажу! Я тебя собственнымъ револьверомъ задушу! Я тебя и твоего любовника въ полчаса сгною! Вы у меня увидите! Вы у меня посмотрите!

Катарральная ревность никогда сразу не вспыхиваетъ, а тлѣетъ въ человѣческой душѣ—отъ зрѣлаго возраста, до приглашенія гробовщика. Человѣкъ

страдающій такой ревностью, ревнуетъ всѣхъ и ко всѣмъ.

— Съ кѣмъ это ты разговаривала по телефону? — блѣднѣя и волнуясь спрашиваетъ катарральный ревнивецъ, заставъ жену въ кабинетѣ у телефона—Ага, смущаешься?

Жена, которая разговаривала съ подругой, изъ принципиальныхъ соображеній рѣшаетъ все-таки соврать.

— Я говорила съ прачкой.

— У прачки нѣтъ телефона.

— Она вышла замужъ за архитектора и поставила.

— Можетъ, ты съ архитекторомъ и разговаривала? Да? И это на двѣнадцатый годъ послѣ свадьбы...

— Съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ и разговариваю.

— А если ты со своимъ любовникомъ разго...

— Съ кѣмъ хочу...

— А, значитъ онъ у тебя есть!.. Значитъ, меня двѣнадцать лѣтъ въ моемъ домѣ...

Въ этотъ вечеръ катаррально-ревнующій человѣкъ пытается уложить содержаніе книжнаго и бѣльевого шкафа въ одинъ чемоданъ, сверху судорожно втискиваетъ письменныя принадлежности и ѣдетъ снимать отдѣльную комнату. Ищетъ ее онъ у сосѣдей, играя въ шестьдесятъ шесть и черезъ каждые семь минутъ бѣгаетъ къ телефону, чтобы, вызывая собственную квартиру, убѣждаться, что жена дома. Спать приходится къ тремъ утра, дѣлаетъ видъ, что смертельно усталъ отъ чьихъ-то ласкъ, пьянъ и какъ-будто нечаянно роняетъ на полъ два женскихъ чулка. Когда утромъ ихъ подымаетъ жена, ей легко убѣдиться, что оба они еще связаны шнурочкомъ, на которомъ болтается ялomba и доказательствомъ измѣны служить

не могутъ. Обо всемъ этомъ она не скрываетъ отъ мужа, которому становится стыдно.

Если такой человекъ не застаётъ жену за телефономъ, онъ начинаетъ рыться въ личныхъ воспоминанiяхъ и требуетъ серьезнаго объясненiя съ женой по поводу ея словъ на именинахъ у Елизаветы Петровны въ четвертомъ году, когда она какъ-то особенно посмотрѣла на одного адвоката и сказала, что ей нравятся бритые мужчины.

— Онъ мнѣ передалъ чай, потому и посмотрѣла.

— Врешь, онъ стоялъ въ одной комнатѣ, а ты въ гостиной. Черезъ дверь и посмотрѣла.

— А, можетъ быть, онъ на меня посмотрѣлъ...

— Ага, значитъ условлено было заранѣе, кому на кого смотреть...

— Ангиновъ очень милый и вѣжливый молодой человекъ...

— Прости, моя милѣйшая, это былъ не Ангиновъ, а Пырлинъ...

— Пырлина тогда не было. Онъ былъ въ Москвѣ.

— Какъ это ты помнишь, когда молодые люди въ Москву ѣздить... Я-бы умеръ, такъ ты забыла-бы, а если какая-нибудь дрянь...

— Я-же твои телеграммы тогда ему отправляла...

— Ну, конечно... А къ телеграммѣ долго-ли приписать. Милый, люблю. Два слова, четырнадцать копеекъ. Тогда даже десять стоило...

Катаррально ревнивые ревнуютъ, какъ я уже сказалъ, всѣхъ. Если у нихъ есть собака, они перестаютъ съ ней заниматься, когда она начинаетъ ласкаться къ другимъ. Если въ поѣздѣ какая-нибудь хорошенькая пассажирка начинаетъ переглядываться съ господиномъ въ мягкой шляпѣ, имъ становится почему-то обидно. Если въ научномъ отдѣлѣ большого журнала хвалятъ

извѣстнаго химика, а ревнующій человѣкъ экономистъ, ему все равно непріятно и, встрѣтивъ книгу химика, онъ начинаетъ мысленно издѣваться надъ ея обложкой и шрифтомъ.

Когда катаррально ревнующій человѣкъ собирается жениться, его невѣста въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ честно и упорно думаетъ о самоубійствѣ. Не имѣя возможности лично слѣдить за ней, такой человѣкъ искренно и твердо убѣжденъ, что невѣста все время, какое она находится внѣ его воздѣйствія, упорно и послѣдовательно измѣняетъ ему. Онъ жалуется ея родителямъ, которые до свадьбы всецѣло на сторонѣ жениха, и тѣ не выпускаютъ ее въ кинематографъ, безъ специально писанной для этого двоюродной сестры, лѣтъ на одиннадцать пережившей возрастъ увлеченій. Если онъ не можетъ одинъ вечеръ прійти, онъ заранее требуетъ, чтобы невѣста все время звонила къ нему, на другой день спрашиваетъ у швейцара невѣстинаго дома, не выходила-ли вечеромъ барышня изъ номера седьмого, а самой невѣстѣ въ теченіе цѣлаго ряда вечеровъ задаетъ рядъ сбивающихъ вопросовъ. Если невѣстины нервы не выдерживаютъ, она начинаетъ громко плакать. Прибѣгаютъ домашніе и, желая задобрить жениха, который кажется подходящимъ мужемъ, даютъ валерьянки не невѣстѣ, а ему.

Особыхъ аппаратовъ, опредѣляющихъ степень ревности въ человѣкѣ—нѣтъ. Ученые трансильванской школы, утверждаютъ, что наличность ревности въ человѣкѣ объясняется присутствіемъ у насъ въ мозгу какого-то особеннаго мозжечка, который можно безболѣзненно вырѣзывать. Одному ревнивому румыну сдѣлали эту операцію, и дѣйствительно черезъ нѣсколько дней оперированный сталъ неузнаваемъ: съ веселымъ смѣхомъ отвозилъ свою жену въ отдѣльный кабинетъ ресторана

второго разряда съ пріятелемъ, зававъ къ себѣ гостей разсказывалъ имъ о женѣ неприличныя исторіи и даже написалъ завѣщаніе въ пользу незнакомаго лица, прилавшаго анонимное письмо его женѣ. Потомъ явленія его душъ вной и фѣзической жизни стали запутаннѣе. Въ послѣобѣденное время онъ становился по среди комнаты и подолгу кругообразно вращался; сталъ ѣсть землю, просилъ называть себя женскимъ именемъ, а по праздникамъ бѣгалъ раздѣтый по улицамъ и пѣлъ дѣтскія пѣсни. Оказалось, что ему вырѣзали не тотъ мозжечекъ. Послѣ этого никто уже не сталъ прибѣгать къ этой операціи. Ревность также излечивается внушеніемъ, но это очень долго, дорого и часто даетъ нежелательныя результаты: излечиваемый въ припадкѣ острой меланхоліи, вѣшаетъ, обвиняя въ своей смерти по злобѣ какое-нибудь постороннее лицо, чаще всего подростка, или дряхлаго, выселеннаго изъ квартиры за неуплату, старика.

ВЛЮБЧИВОСТЬ.

Немного однороднымъ по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ съ ревностью является и другое болѣзненное явленіе душевной жизни—это влюбчивость.

Влюбчивость, интенсивность ея развитія и послѣдовательность ея формъ зависитъ не только отъ индивидуальности человѣка, но также и отъ условій его воспитанія и условій жизни. Такъ, нацримеръ, у экстерновъ юго-западнаго края, у телеграфистовъ желѣзнодорожныхъ станцій Сызрано-Вяземской вѣтки и Великаго Сибирскаго пути острая влюбчивость замѣчается чаще и борьба съ ней значительно труднѣе.

Влюбчивость происходитъ въ силу сращенія нѣко-

торыхъ узловыхъ нервныхъ центровъ; сильно мѣшающихъ критическому отношенію къ жизни. Срощеніе это отъ отбыванія воинской повинности не освобождаетъ, но исправляется только тѣмъ-же методомъ леченія, какъ и горбъ: могилой.

Какъ и для всякаго болѣзненнаго явленія, для проявленія этого чувства достаточно совершенно незначительныхъ причинъ. Нормальный человѣкъ, увидѣвъ женщину, сначала выскиваетъ въ ней все, что позволить ему составить о ней мнѣніе, какъ объ уродѣ и дурѣ.

— Хорошенькій смѣшокъ.. Какъ будто березовыя дрова развалились — иронически думаетъ нормальный человѣкъ, познакомившись съ дамой.— Сложена недурно, а ноги навѣрно больныя и неприличными романами зачитывается...

• Если дама, сама объ этомъ не догадываясь, начинаетъ смѣяться тише и обнаруживаетъ въ разговорѣ знакомство съ юридическими науками и теософіей, нормальный человѣкъ долго еще не уступаетъ позиціи.

— Горничную навѣрное по щекамъ бьетъ.. Вѣсть сядетъ, такъ отъ стола не отвалится... А дома въ равномъ капотѣ ходить...

Правда, полное и добросовѣстное присутствіе этихъ незавидныхъ качествъ не можетъ помѣшать и нормальному человѣку перейти за грань равнодушнаго отношенія, но, даже и въ этомъ случаѣ, онъ сдается не скоро.

Человѣкъ влюбчивый, попавъ въ женскую компанію теряется сразу. Онъ оптомъ влюбляется и начинаетъ мучиться въ догадкахъ, къ кому собственно его тянетъ больше. Какъ часто, во время званаго вечера, можно застать унылыхъ молодыхъ людей въ темной прихожей, гадающихъ за ворохомъ шубъ и шепчущихъ съ зак.

рытыми глазами, пока одинъ палець тянется къ другому:

— Лиза... Катя... Саня... Маня... Иванъ... Никола... нѣтъ, не то... Лиза... Катя...

Влюбившись, онъ сразу чувствуетъ себя несчастнымъ, хотя-бы предметъ его внезапной привязанности явно благоволилъ къ нему. Всякій влюбчивый человѣкъ чувствуетъ себя однолюбомъ, а изъ всѣхъ системъ любви признаетъ только одну: нераздѣленную.

Поэтому и начинается онъ съ того, что подходит и говорить:

— Конечно, вы меня не любите..

Обрадованное существо даетъ рѣшительный отпоръ.

— Ничего подобнаго. Наоборотъ.

— Нѣтъ, вы меня не можете любить. Меня никто не любить.

— А я люблю.

— Это вы дѣлаете изъ жалости.

— Никакой тутъ жалости нѣтъ.

— Я и говорю—даже жалости нѣтъ. Что дѣлать...

Что мнѣ дѣлать съ собой...

— Да вы ничего не дѣлайте.

— Значить, уступить васъ другому...

— Я не люблю его.

— Кого?

— Другого.

— А какъ его фамилія?

— Ничкинъ. Это все напрасно говорить. Онъ ухаживалъ за мной, а я ничего...

— Прощайте... можетъ быть, найдется чье-нибудь скорбное сердце...

— Володя...

— Не зовите Володей того, кто страдаетъ...

Влюбленные люди, какъ это утверждаютъ до-

стигнувшіе сорокалѣтняго возраста, ужасно надоѣдливы. Они могутъ прійти къ старому профессору, оторвать его отъ лабораторныхъ работъ и прислонясь къ косяку, два часа рассказывать о томъ, какая хорошая душа и чистое сердце у одной изъ ихъ знакомыхъ. У старика начинаютъ дрожать отъ усталости ноги, а влюбчивый человѣкъ будетъ говорить, упиваясь собственными словами. Въ минуты такой болѣзни, влюбчивый человѣкъ зоветъ швейцара Елизаветой, а, сходя съ извозчика, прощается съ нимъ за руку. Вскакивая ночью, достаетъ изъ письменнаго стола карточку своей знакомой и засыпаетъ съ ней въ креслѣ, съ босыми ногами на полу.

Опытныя квартирныя хозяйки умѣло отказываютъ влюбчивымъ квартирантамъ отъ комнаты, зная, что иначе выѣдутъ другіе квартиранты и это будетъ невыгодно. Изъ исторіи намъ извѣстны примѣры о такихъ влюбчивыхъ людяхъ, какъ Неронъ, который сознательно вывѣшивалъ и вырѣзывалъ мужское населеніе, чтобы остаться безъ соперниковъ. Клеопатра ежедневно топила по сотнѣ рабовъ, чтобы случайно не увлечься какимъ-нибудь чернымъ проходимцемъ.

ХАМСТВО И ПРОНЫРЛИВОСТЬ.

Физиологи въ теченіе многихъ лѣтъ безрезультатно добиваются открытія физическихъ причинъ такихъ длительныхъ эмоцій, появляющихся въ душѣ человѣка, какъ хамство, лживость, хитрость и пронырливость. Многіе думаютъ, что это чисто наносныя свойства всякой души, которыя можно прекратить административными взыскаціями, отказомъ подавать руку, или рѣши-

тельнымъ и вѣскимъ разговоромъ въ темномъ углу. Ученые, утверждающіе это, глубоко ошибаются.

Такое направленіе душевной жизни, которое отражается въ поступкахъ человѣка и въ наукѣ психологіи, называется хамствомъ и тѣсно примыкаетъ къ разряду важнѣйшихъ явленій, туго поддающихся изученію.

Это чувство, какъ страсть; зародившись, оно изъ маленькаго зернышка вырастаетъ въ баобабъ. Человѣкъ съ хамскимъ уклономъ души не только заставляетъ страдать окружающихъ, но и самъ безконечно страдаетъ.

Если онъ выслушиваетъ интимную исповѣдь близкаго человѣка,—душевные свойства не позволяютъ ему тепло на нее откликнуться. Со слезами сочувствія и умиленія такой слушатель бѣжитъ къ мало знакомымъ людямъ и даже нарываясь на сухой приѣмъ, начинаетъ передавать все сказанное ему подъ честное слово.

— Такъ и сказалъ. Сначала съ однимъ поручикомъ, потомъ съ двумя лицеистами, а потомъ, говорить, уже счетъ потерялъ...

— Это не интересно. Я же ни его, ни ее совсѣмъ не знаю.

— Не знаете? Тогда ты меня узнаешь.

— Послушайте, у меня въ домѣ меня на ты...

— А какъ еще тебя, дурака, звать?

— Идите отсюда...

— Самъ сначала вылетишь...

При встрѣчѣ со знакомыми человѣкъ съ хамствомъ какъ-то инстинктивно умѣетъ задать самъ острый вопросъ семейной злободневности.

— Ну, какъ Петръ Федоровичъ? Лежитъ?

— Да, именно.

— А кто билъ? Палками?

— Послушайте, это-же сплетни и, кромѣ того, мнѣ кажется...

— Ну, чего тамъ казаться—избили и все.

— Онъ-же старикъ...

— А развѣ среди ихняго брата подлецовъ нѣтъ. Есть. Много. Ну, ладно, кланяйтесь ему. Пусть больше не бѣгаетъ за горничными.

— Онъ-же упалъ на лѣстницѣ... со второго этажа кажется... объ этомъ и въ газетахъ было.

— Ну, газеты... Далъ репортеру полтинникъ въ зубы, онъ и съ шестого этажа уронить. Рвань рублевая. Тоже, кажется въ газетахъ пописываете?

— Нѣтъ, а что?

— Такъ думаль.

Въ гостяхъ человѣкъ съ хамствомъ, за вечернимъ чаемъ долго и убѣдительно доказываетъ хозяйкѣ, что она очень выгодно пристроилась, выйдя замужъ за хозяина дома, потому-что женщину съ такимъ характеромъ не всякій возьметъ. Хозяина онъ утѣшаетъ при братѣ жены, что если бракъ и большое дѣло, то во всякомъ случаѣ жену всегда можно вышвырнуть изъ дому.

Во время публичныхъ выступленийъ человѣкъ съ хамствомъ, возражая оратору, кричитъ на председателя собранія, спорить самъ съ собой, бросается съ трибуны на публику и въ концѣ концовъ придирается къ наружности пристава, который въ видѣ достойнаго отвѣта закрываетъ собраніе.

О литературѣ человѣкъ съ хамствомъ говоритъ горячо, удивляется, почему старые писатели обкрадывали другъ друга, а новые ихъ. Звонить по телефону крупнымъ авторамъ и предлагаетъ темы. Юмористамъ о пенсіонныхъ кассахъ вдовъ въ Англіи, психологамъ о неудобствѣ ѣздить на подножкахъ трамвайныхъ пло-

щадокъ, а беллетристамъ бытовикамъ о прекрасномъ будущемъ Австралійскихъ юго-западныхъ колоній. Если писатель находчивъ онъ умѣло кладетъ трубку и продолжаетъ пить чай, если-же онъ не догадается сдѣлать этого и вступить въ разговоръ, человѣкъ съ хамствомъ, въ лучшемъ случаѣ, назоветъ его бездарностью и будетъ долго угрожать разоблачить его семейную жизнь.

Деньги въ долгъ такой одержимый хамствомъ требуетъ съ крикомъ и при свидѣтелѣ. Если ему отказываютъ, онъ лѣзетъ въ драку, если даютъ, сейчасъ же ссорится съ кредиторомъ и общается при первой же возможности швырнуть долгъ тому въ лицо. Иныхъ путей отдачи онъ не признаетъ.

Съ женщинами старается обращаться вѣжливѣе, но подвѣзжая съ дамой къ театру, требуетъ половину платы за извозчика.

Пронырливость наблюдается у неудачныхъ натуръ и имѣетъ всегда видимыя формы: держанье за пуговицу и шопоть на ухо, письмо безъ подписи, четко переписанное на пишущей машинѣ, просьба переговорить наединѣ, громкое восхищеніе туалетомъ человѣка, выдающаго жалованье, шумная и безпокойная забота о пушинкѣ, сѣвшей на пиджакъ, и еще много другихъ формъ.

Основное свойство души пронырливаго человѣка— это его трудоспособность и прилежаніе въ этой области. Если пронырливый человѣкъ захочетъ поступить на мѣсто, гдѣ онъ былъ бы очень желателенъ, онъ органически не можетъ просто зайти, или поговорить по телефону. Онъ начинаетъ посылать анонимныя письма, доносить, врывать въ интимную жизнь сослуживцевъ, искать связей чрезъ совершенно постороннихъ людей и дѣлаетъ это такъ исчерпывающе, что когда прихо-

дять на службу, ему съ перваго же дня не подаютъ руки. Пронырливый человекъ протирается туда, куда ему нужно и не нужно. Будучи ветеринарнымъ врачомъ, онъ не упускаетъ случая столкнуть съ мѣста консистерскаго чиновника. Дѣлая поставки вяленой рыбы онъ втирается, съ цѣлью напакостить въ группу поставщиковъ металлической посуды, хотя бы только для того, чтобы, войдя въ эту группу, начать протираться въ среду поставщиковъ зажигалокъ и дамской обуви.

Въ литературѣ этотъ родъ дѣятельности имѣетъ очень много приверженцевъ. Рекомендація къ дешевому портному, шьющему хорошо и въ разсрочку, личныя услуги по доставкѣ пиленого сахара и нѣсколькихъ дюжинъ пива, умѣло предложенная контрамарка и кукла, подаренная дочери ко дню рожденія— все это, конечно, можетъ заставить редактора историческаго журнала помѣстить злободневный фельетонъ о городской думѣ, или въ золотопромышленномъ журналѣ стилизованные стихи, но хорошихъ результатовъ отъ этого ожидать трудно. Правда, результатъ появляются скоро, но исключительно въ видѣ предложенія швейцару заявлять опредѣленному лицу, что никого нѣтъ дома, а когда будутъ—неизвѣстно.

СЛОЖНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Изъ ряда сложныхъ переживаній души, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія, наиболѣе цѣнныя для опредѣленія внутренняго міра изучаемаго человека.

1. Воспріятіе художественныхъ произведеній.

Воспріятіемъ художественныхъ произведеній назы-

вается чувство, которое заставляет или приставать къ близкимъ людямъ съ разказами о томъ, что очень понравилось, или ругать нехорошими словами совершенно незнакомаго человѣка съ хорошо знакомой фамилей.

У грубыхъ натуръ никакихъ такихъ воспріятій не наблюдается. Около картины, изумляющей своей гениальностью, человѣкъ съ такой натурой начинаетъ искать спички для потухшей папиросы, вспоминать о томъ, что забылъ дома запереть ящикъ у письменнаго стола и, вынувъ зеркальце, поправляетъ галстухъ. Больше онъ не реагируетъ ничѣмъ. Во время сильной драмы, когда половина партера усиленно сморкается, а въ одномъ изъ ложъ третьяго яруса пожилая дама бьется въ истерикѣ, люди, о которыхъ мы говоримъ, заняты разсматриваніемъ одной изъ боковыхъ декорацій и лукавымъ ожиданіемъ, когда одинъ изъ статистовъ, вертящійся около этой декораціи съ большимъ деревяннымъ копьемъ, продырявитъ полотно.

У утонченныхъ натуръ воспріятіе всего художественнаго, наоборотъ, протекаетъ крайне болѣзненно, неся въ себѣ элементъ такого паническаго восторга и ликования по поводу осмотра картины, прослушаннаго стихотворенія или пьесы, что близкимъ людямъ становится страшно за нервную и мозговую системы человѣка съ утонченной душой. Увидѣвъ даже футуристическую картину, гдѣ мелькомъ зарисованная неудачная комбинація изъ гвоздя, желтой ленты и арбузнаго сѣмячка тактично прикрыта названіемъ: „Лунная соната“—человѣкъ съ утонченной душой все равно начинаетъ восхищаться, находя въ художникѣ массу темперамента и экспрессіи.

Люди съ утонченными душами собираются обычно въ какомъ-нибудь подвальномъ кабаре, слушаютъ стихи

и говорятъ объ искусствѣ; въ эти моменты ихъ лучше всего и изучать. Пока такимъ людямъ читаютъ что-нибудь понятное, или говорятъ о совершенно простыхъ вещахъ, въ силу своего эстетическаго развитія они сознательно отрицаютъ все выслушанное.

— Оставьте эту пошлятину... Ну, какъ можно рисовать красками...

— Да, но лучшіе художники...

— Я интуитивно отвергаю художниковъ.

— Да, но прежде...

— Я не люблю слова Прежде. Пусть царить великое Потомъ.

— Да, но мы съ вами...

— Насъ съ вами нѣтъ... Есть одно многогранное Я.

Но въ тотъ моментъ, когда изъ устъ собесѣдника или съ эстрады вырвется фраза, мало поддающаяся умственной переработкѣ, утонченные люди начинаютъ чувствовать свое эстетическое чувство удовлетвореннымъ.

— Слушайте, слушайте...

— Камни въ сердцѣ, камни въ почкахъ,

Я дышу душою кровавымъ

И я въ тысячахъ двѣточкахъ

Буду жить большимъ удавомъ.

— Вы слышали? Какая мысль... Какая безбрежная, лазурно-гранитная мысль...

— А почему онъ говоритъ: душою? Душа же женскаго рода...

— Неужели вы не понимаете... Какой вы нечуткій... Душа—это что-то мягкое, женское, а душъ—это душа мужчины... Обнаженнаго мускулатурнаго самца... Да вы спросите его самого, почему онъ употребляетъ это слово... Скажите, пожалуйста...

Душъ? Я сравниваю себя съ душемъ. Такъ изъ меня брызжетъ геній. Поняли, человекъ? Изъ меня.

— Ну вотъ видите, а вы—мужчины, сильны...

— Ахъ, душъ... Это великолѣпно.. Поэтъ это—душъ. Подходить голый человекъ, тянетъ за веревочку и брызжетъ влага... Это очень стильно.. Голый человекъ тянетъ за веревочку—какая смѣлая, прекрасная и, я бы сказалъ, гордая мысль...

У вполне нормальнаго, съ уравновѣшенной душой человекъ, воспріятіе художественнаго происходитъ совершенно спокойно. Прежде всего онъ, конечно, убѣждается въ томъ, что художественное произведеніе не украдено у другого автора. Убѣдившись въ этомъ по разпросамъ знакомыхъ, онъ начинаетъ находить недостатки; если недостатковъ очень много, онъ весело улыбается и уходитъ отъ художественнаго произведенія, если недостатковъ мало, тоже уходитъ: у картины лагерь не расположишься, на стихъ не уснешь.

2. Музыкальность.

Чувство музыкальности свойственно всѣмъ, но у каждаго оно проявляется въ зависимости отъ индивидуальности. Даже животнымъ оно не чуждо. Кто изъ насъ не видалъ маленькихъ собакъ, сидящихъ посрединѣ комнаты и остро воющихъ подъ игру на пианино. Коровы бѣгутъ на звукъ рожка, лошади, слышавъ бой барабана, начинаютъ хрипѣть и ломать оглобли, а изъ русской старины сохранились преданія, что у богатыхъ помѣщиковъ рыба въ особыхъ садкахъ или фонтанахъ сплывалась на звукъ колокольчиковъ, получала пищу, говорила „мерси“, и уплывала обратно.

Чувство музыкальности человекъ очень хорошо можно провѣрить на музыкѣ Вагнера. Если человекъ

средняго физическаго и духовнаго развитія, прослушавъ двѣ оперы Вагнера, увѣряетъ друзей и знакомыхъ, хотя бы письменно или по телефону, что онъ получилъ извѣстнаго рода наслажденіе, значить въ силу какихъ-то психо-физическихъ причинъ онъ лишенъ природой чувства музыкальности. Если же не выдерживаетъ и уходитъ со втораго акта, на него еще нельзя сознательно махнуть рукой.

Помню, что когда я въ первый разъ былъ на вагнеровской оперѣ, уже во время увертюры мнѣ показалось, что спектакль почему то отмѣняется, а музыканты въ видѣ протеста изъ всѣхъ силъ бьютъ тяжелыми предметами по барабанамъ, литаврамъ и большими смычками по контрабасу.

Не надо забывать, что среди композиторовъ есть такъ же много неудачниковъ и людей, обратившихся къ этой профессіи только въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, какъ и среди литераторовъ и художниковъ. И если у насъ просыпается извѣстный критицизмъ по отношенію къ рисунку, гдѣ у изображенной дѣвочки лишняя рука и несообразно приросшія прямо къ шеѣ колѣни, точно такъ же не по поводу всякаго музыкальнаго произведенія можно и нужно говорить, что оно освѣжаетъ душу. Лирическій вальсъ, который легко смѣшать съ цирковымъ галопомъ, или сюита, основанная на мотивѣ чижика—все это даже для музыкальныхъ натуръ не пища для воспріятія. Люди, совершенно лишенные слуха и способности разбираться въ музыкѣ, которые въ обществѣ называются музыкальными критиками. смотреть на это не такъ. Поэтому-то, когда послѣ посѣщенія сотенъ самыхъ разнообразныхъ театровъ, они, въ концѣ концовъ, попадаютъ въ театр анатомическій, опытные медики часто демонстрируютъ, съ объясненіями вольнослушателямъ, обнаруженное сра-

щеніе барабанной перепонки, наслѣдственную тугоухость, или отсутствіе мозговыхъ волоконъ, данныхъ природой для музыкальныхъ воспріятій.

Чувство музыкальнети наслѣдственное. Только у вундеркиндовъ, дающихъ концерты для широкой публики, оно благопріобрѣтенное. Обычно вундеркиндъ родится въ семьѣ портного или золотыхъ дѣлъ мастера; родители его къ музыкѣ относятся отрицательно, уважая только музыкантовъ изъ театралныхъ оркестровъ, получающихъ хотя и небольшое, но все-таки обусловленное контрактомъ вознагражденіе. Вундеркиндъ начинаетъ играть по слуху; обрадованные родители нѣсколько лѣтъ подрядъ держатъ его въ шестилѣтнемъ возрастѣ, а потомъ ведутъ къ профессору. Если это окажется профессоръ ботаники, они встрѣчаютъ худой и холодный пріемъ; если случай имъ поможетъ наткнуться на профессора консерваторіи, мальчика начинаютъ учить играть по нотамъ; не поддающихся этому обученію учатъ махать дирижерской палочкой. Совсѣмъ неспособные вундеркинды сейчасъ же выступаютъ на концертахъ, куда собирается много зрителей, несущихъ много денегъ. Мало-по-малу вундеркиндъ начинаетъ вырастать; родители во время сна кладутъ ему кирпичи на голову, но ничего не помогаетъ. Къ двадцати годамъ вундеркиндъ окончательно теряетъ всякія музыкальныя способности, но еще ходитъ въ коротенькихъ штанишкахъ, кружевномъ воротничкѣ и даетъ концерты. Кончается тѣмъ, что къ тридцати двумъ годамъ вундеркиндъ спивается и ищетъ подходящей работы въ отъѣздъ.

Музыкальность наслѣдственная гораздо крѣпче, и очень часто бываетъ, что сыновья знаменитаго композитора, умѣющіе только однимъ пальцемъ наигрывать по слуху мотивъ изъ оперетки, все же считаются музыкальными авторитетами.

3. Воображеніе и фантазія.

Воображеніе и фантазія заложены въ душѣ каждого человѣка. Только бытовые беллетристы условіями работы лишены этого богатства души, принужденные описывать чужія столовые, избы и обѣды. У человѣка, лишеннаго возможности выявлять эти способности въ формѣ литературныхъ произведеній, воображеніе и фантазія выливаются въ тяжелое состояніе лживости. Хмурымъ и скептическимъ людямъ они лгутъ о томъ, что не можетъ быть провѣрено, выставляя въ качествѣ свидѣтелей безвозвратно исчезнувшихъ, умершихъ или сосланныхъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ по дѣламъ, которыхъ съ трудомъ коснется амнистія. Довѣрчивымъ людямъ они врутъ обо всемъ, хотя бы самъ довѣрчивый былъ очевидцемъ того, о чемъ ему рассказываютъ. Основная система ихъ мышленія—увѣренность въ томъ, что всѣ, кромѣ нихъ, лжецы, сознательные и злостные. Встрѣтивъ человѣка, котораго сбилъ съ ногъ пьяный, они увѣряютъ, что его переѣхалъ рысакъ одного изъ мѣстныхъ сановниковъ.

— Позвольте, да вѣдь я же помню...

— Онъ помнить... А какъ васъ версту за саними проволочило, это вы помните?

— Да вѣдь теперь же лѣто...

— Ага, это вы помните, а какъ автомобиль нале- тѣлъ, такъ это не...

— Вы же сказали рысакъ.

— Это вы сказали—рысакъ. Врете вы что-то, ба- тюшка...

И сколько бы ни увѣряли такого человѣка въ томъ, что ничего особеннаго не произошло, онъ все равно останется при прежнемъ убѣжденіи, что вы—лгунъ, а при встрѣчѣ съ другимъ знакомымъ будетъ расска-

зывать, какъ самъ видѣлъ васъ волочащимся на возжахъ за автомобилемъ, держащимся одновременно за какого-то рысака, а чтобы не упустить и главнаго виновника — пьянаго, будетъ настаивать на томъ, что пьянымъ были вы сами.

Въ области чистой литературы, людьми, одаренными самой богатой фантазіей, считаются утописты; за послѣднее время они незамѣтно ступались передъ военными беллетристами.

4. Стремленіе къ популярности.

Послѣднимъ изъ важнѣйшихъ явленій душевной жизни мы отмѣтимъ стремленіе къ популярности. Оно въ душѣ cadaго грамотнаго человѣка, да и въ глубоко-некультурной средѣ можно встрѣтить людей, стремящихся къ популярности. Взять хотя бы бульварныхъ романистовъ, которые охотно помѣщаютъ портреты въ автомобильныхъ журналахъ, преисъ-курантахъ металлургическихъ фабрикъ и готовы идти на всякія жертвы, чтобы только увидѣть свое имя въ отчетахъ мукомольныхъ сѣздовъ, или быть упомянутыми въ лекціяхъ о желѣзо-бетонномъ строительствѣ.

Люди высокихъ постовъ охотно идутъ на интервью съ репортерами о премированныхъ собакахъ, послѣднихъ скачкахъ, взаимоотношеніяхъ половъ и даже о приключеніяхъ бурной молодости.

Драматурги выбѣгаютъ во время антрактовъ кланяться на всякій стукъ отъ упавшаго бинокля или передвигаемаго кресла. Артисты быстро переходятъ на ты съ театральными рецензентами, еще недавно отпускавшими имъ въ аптекахъ лекарства или подававшихъ шубы въ семейныхъ клубахъ.

Единственное отступленіе отъ общаго стремленія

къ популярности замѣчается только у очень крупныхъ писателей. Они не принимаютъ репортеровъ, преслѣдуютъ судомъ за перепечатку ихъ произведеній и рѣшительно отказываются отъ выступленій въ благотворительныхъ базарахъ. Многие за это считаютъ ихъ недалекими людьми, или аскетами, занятыми подготовкой къ вѣчному блаженству въ иномъ мѣрѣ.

Заканчивая трудъ, авторъ очень сожалѣетъ о тѣхъ пропускахъ и ошибкахъ, какіе онъ допустилъ. Такъ же извиняется онъ и за нѣкоторый личный элементъ при разсмотрѣніи многихъ душевныхъ явленій, свойственныхъ человѣку, какъ таковому. Несчитаніе автора съ нѣкоторыми основными положеніями психологіи, какъ науки, не вездѣ безсознательно. Иногда онъ добродушно и открыто старался ввести и свои методы наблюденій и выводовъ, базируясь на основномъ принципѣ своего научнаго міровоззрѣнія: смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Списокъ книгъ, рекомендуемыхъ для чтенія по психологіи.

а) Умъ животныхъ.

Рокфелмеръ. Какъ я разбогатѣлъ. Мемуары извѣстнаго милліонера. Русск. перев. Москва. 1898 г.

Лина Казальери. Искусство быть красивой. Спб. 1913 г.

Самоучитель пѣнія. Съ приложеніемъ 62 любимыхъ цыганскихъ романсовъ. 1903 г.

б) Душевная усталость, неспособность къ воспріятіямъ. Ежемѣсячные журналы (1908—1915 г.).

с) Злословіе, лицемѣріе.

В. В. Розановъ. Опавшіе листья. Коробъ второй. 1915. Петроградъ.

d) Пронирливість, відсутність душевного рівноважся.

Графъ Амори. Окончаніе „Ямы“. Спб. 1914 г.

Его же. Походженія m-me Вербицкой.

e) Теорія отрицанія наслѣдственности.

Л. Л. Толстой. Статьи.

i) Відсутність воображенія и фантазіи.

Подарокъ молодымъ хзаякамъ. Сборникъ полезныхъ совѣтовъ по вопросамъ кулінарії.

k) Альтруизмъ.

Я никого не їмъ. Сборникъ вегетаріанскихъ блюдей.

И нѣкоторыя другія книги.

Аркадій Аверченко.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

(Благожелательная критика настоящей книги).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ-то такъ у насъ въ Россіи всегда бываетъ, что люди, наиболѣе способные, наиболѣе знающіе — оказываются позади, оказываются всегда затертыми.

Напримѣръ—я.

Физиологія человѣка для меня открытая книга: разбудите меня ночью и я сейчасъ же расскажу вамъ, почему человѣкъ кушаетъ, что заставляетъ его дышать, сообщу вамъ тысячи такихъ вещей, которыя извѣстны только узкимъ специалистамъ.

А анатомія... Смѣшно мнѣ даже говорить объ анатоміи. Короче сказать, я знаю ее, какъ свои пять пальцевъ, которые тоже входятъ въ эту любопытную область. Попробуйте, напримѣръ, отрѣзать чью нибудь ногу и показать ее мнѣ—я сейчасъ же скажу вамъ—правая это нога, или лѣвая, мужская или женская, взрослога человѣка или ребенка. И все это безъ сложныхъ медицинскихъ аппаратовъ, безъ термометра, пульса и проч... Единственно—знаніе и опытность.

Опытность, какъ говорится, города беретъ.

Что-же касается моихъ познаній по психологіи, то они даже дѣйствовали на нервы моимъ друзьямъ...

Приходитъ одинъ изъ нихъ ко мнѣ; губы у него пересохла, глаза сверкаютъ.

— А я къ вамъ на минутку. Что за чудесный, что за геніальный разказъ въ журналѣ прочелъ я. Конечно, вашъ разказъ. Прочтешь—и Толстой съ Гоголемъ дѣлаются такими жалкими...

— Да, Толстой,—угрюмо говорю я,—а вотъ сейчасъ пришелъ каналья управляющій, и всѣ деньги, которыя были, я ему за квартиру отдалъ. Это вамъ не Толстой...

— Неужели и 25-ти нѣтъ?!—испуганно спрашиваетъ гость...

— А что? Развѣ вамъ нужно?—удивляюсь я.

— Ну, конечно... Экая жалость!..

— Да, да.. Даже то, что было отложено въ жалованье горничной, и то пришлось отдать.

— Такъ-съ. Ну, я, знаете, пошелъ. Нечего тутъ разсиживаться.

Психологъ я или не психологъ?

Психологъ.

Однажды на окраинѣ Одессы, въ 2 часа ночи, ко мнѣ подошелъ неизвѣстный человѣкъ и попросилъ прикурить. Хотя у меня папирсы въ зубахъ не было но онъ держалъ въ рукахъ папиросу, которой хватило бы на цѣлый полкъ: была она длиной около полутора аршина, деревянная, со свинцовымъ наконечникомъ.

— Прикурить?—добродушно улыбнулся я.—Сейчасъ.

Ударилъ его кулакомъ подъ ложечку, отчего онъ согнулся дугой,—и быстро пошелъ впередъ.

Читатель долженъ сознаться, что такъ быстро раскусить совершенно незнакомаго человѣка можетъ только профессиональ-психологъ.

* * *

Къ чему я все это говорю?

Когда мнѣ пришла въ голову идея настоящей на-

учной и полезной книги, я рѣшилъ привлечь къ участию въ ней Аркадія Бухова, Георгія Ландау и Тэффи.

Предполагалъ я такъ:

Я напишу „Физиологію“, а они пусть раздѣляютъ между собой „Анатомію“ и „Психологію“.

Когда собрались, и я ознакомилъ всѣхъ съ содержаниемъ и цѣлью книги, Тэффи сказала:

— Я буду писать „Физиологію“.

„Лопнула моя „Физиологія“,—горестно подумалъ я,— ну, все равно. Напишу „Анатомію“.

— Въ такомъ случаѣ я беру на себя „Анатомію“—сказалъ Ландау, энергично поглядѣвъ вокругъ.

— Значитъ, намъ съ вами остается „Психологія“?—съ дружеской улыбкой обратился я къ Бухову.

— Зачѣмъ же вамъ затрудняться,—хихикнулъ Буховъ.—Я и самъ съ ней справлюсь.

Я очутился въ положеніи хозяина, который радушно пригласилъ гостей на обѣдъ, а они жадно съѣли и свои и его порціи, оставивъ этого добряка голоднымъ...

— А что же... я буду дѣлать?—пролепеталъ я.

— Зато ваша идея,—утѣшила меня Тэффи.

— Прекрасная идея!—подхватилъ Ландау.

— А мнѣ бы тоже хотѣлось написать о чемънибудь нѣсколько строчекъ.

— Знаете что,—проямлилъ Буховъ, оглядывая меня, какъ банкиръ оглядываетъ назойливаго просителя, явившагося къ нему въ дѣловые часы за пособіемъ.—Напишите вы заключеніе—вотъ и все.

Хозяина оставили безъ обѣда. Но въ утоленіе его аппетита предоставили ему вылизать тарелки и подвести итоги съѣденному и выпитому.

— Хорошо,—добродушно усмѣхнулся я.—Заключеніе, такъ заключеніе.

Надѣюсь, что читатель перешелъ къ „Заключенію“, предварительно прочтя всѣ три части настоящей книги.

Надѣюсь, что онъ это сдѣлалъ. Въ такомъ случаѣ онъ меня пойметъ.

Я тоже прочелъ всѣ три части...

Грустно!

Большой неряшливости, ненаучности и самаго (да простятъ мнѣ товарищи—пишу, что думаю) самаго безпардоннаго невѣжества мнѣ не приходилось встрѣчать ни въ одной научной книгѣ...

Одинъ мой пріятель, помѣщикъ, поручилъ испечь куличи, ввиду отсутствія женской прислуги—кучеру. Кучерь разрѣшилъ вопросъ просто: насыпалъ въ ведро муки, яицъ, шафрану, сахару, налилъ масла, поболталъ своей лопаткой и поставилъ въ печь. Когда же „куличъ“ извлекли изъ ведра, то помѣщикъ только разъ ударилъ этимъ куличомъ кучера по головѣ, а пролежалъ кучерь въ земской больницѣ цѣлыхъ полтора мѣсяца, какъ разъ до зеленой Троицы...

„Труды“ моихъ товарищей, напечатанные въ этой книгѣ, очень напоминаютъ мнѣ произведеніе трудолюбиваго, но неудачливаго кучера.

Начнемъ съ Ландау... Онъ взялся написать „Анатомию“—благороднѣйшую, прекраснѣйшую, интереснѣйшую науку.

Какъ же онъ къ ней подходитъ?

Очень просто: „я“, говоритъ онъ, долженъ описать человѣка всего, съ головы до пятокъ и поэтому, первымъ долгомъ, начну сверху, „съ волосъ“. Очевидно, если бы ему подвернулся человѣкъ, одѣтый для выхода на улицу, онъ началъ бы съ шапки; если бы объектомъ его анатомическихъ наблюденій оказался мороженщикъ, онъ началъ бы его анатомическое описаніе съ банки сливочнаго мороженнаго...

И этого жалкаго ненаучнаго метода г. Ландау упорно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, придерживается до самаго конца.

Кромѣ того, я горячо протестую противъ того общаго легкомысленнаго тона, которымъ проникнута вся „Физиологія“ г. Ландау. Авторъ даже въ нѣкоторыхъ (правда, очень рѣдкихъ случаяхъ) пытается острить!

Недостойныя попытки. Въ храмѣ науки канкана не танцуютъ и изъ анатомическаго театра—театра миніатюръ не дѣлаютъ.

Единственное достоинство книги г. Ландау (если онъ и тутъ не смошенничаль) это тѣ рѣдкіе труды и источники, которыми онъ пользовался для своей „Физиологіи“.

Означенные труды настолько рѣдки, что пишущій эти строки, несмотря на всѣ старанія, ни одной изъ указанныхъ книгъ не нашель ни въ Публичной Библиотекѣ, ни въ Музеѣ Александра III. (послѣднее мѣсто пишущій эти строки находитъ, пожалуй, слишкомъ перегруженнымъ картинами—въ ущербъ памятникамъ печатнаго слова...)

Въ общемъ же, я думаю, на читателя трудъ г. Ландау долженъ произвести тягостное впечатлѣніе... Прочтешь—и будешь знать себя, свое тѣло еще меньше и безтолковѣе, чѣмъ до чтенія.

* * *

Не менѣе сумбурное впечатлѣніе производитъ и „трудъ“ г-жи Тэффи:

„Физиологія человѣка“.

Тэффи слишкомъ просто подходитъ къ сложнѣйшимъ органамъ человѣка и слишкомъ примитивно разбѣшаетъ всѣ сложнѣйшія задания мудрой природы...

Свою „Физиологию“ она сопроводила собственноручными рисунками—и, Боже ты мой, что это за наивность и простодушіе, чтобы не сказать болѣе!..

Колѣнную чашечку она представляет себѣ чайной чашкой!..

Бантъ на туфлѣ—считаетъ частью ноги!

Сказано: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни...

Не очень-то такая наука сократитъ опытъ!

Грудную жабу та же Тэффи представляет ввидѣ обыкновенной жабы, сидящей на груди, а сердце, какъ извѣстно въ научныхъ кругахъ, представляющее собою безформенный пульсирующий мѣшокъ, г-жа Тэффи рисуетъ ввидѣ червоваго туза, да, кромѣ того, протыкаетъ стрѣлой, забывая, что это не постоянное состояніе сердца, а временное, да и притомъ аллегорическое.

Такъ же просто подходитъ Тэффи и къ такой части организма, какъ грудная клѣтка: слышала она отовсюду—грудная клѣтка, грудная клѣтка, а что такое грудная клѣтка, представляетъ она себѣ очень смутно или, вѣрнѣе, очень просто: рисуетъ проволочную клѣтку, въ которой, какъ птица на шесткѣ, болтается на какой-то ниткѣ (?) сердце...

Идя по такому пути, Тэффи должна, рисуя надбровныя дуги, украшать ихъ колокольчиками, а лопатки изображать дѣтскими деревянными лопаточками для рытья песка...

Да! Такихъ лопатокъ нужно избѣгать, ибо такъ легко зарыть ими свой талантъ и свое уваженіе къ чистой наукѣ!!.

Поистинѣ жалкое впечатлѣніе производитъ и Аркадій Буховъ.

Если трудъ г. Ландау спасаютъ тѣ серьезные рѣдкіе источники, которыми онъ пользовался, то „источники“ г. Бухова не вплетутъ въ него новыхъ лавровъ, если это, вообще, ему нужно.

Онъ пишетъ о психологіи, а источники, на которые онъ ссылается, таковы:

„Отчеты Олонецкаго Земства“ (причемъ тутъ психологія?).

„А вотъ и она живая струна—сборникъ куплетовъ“.
(Ну, и источничекъ! Впрочемъ, по Сенькѣ и шапка)...

„Вліяніе окисляющихъ веществъ на осадки цинка“.
Здѣсь—цинническое неприкрытое желаніе щегольнуть техническими знаніями, совершенно не идущими къ дѣлу).

И наконецъ—

„Лошадь и уходъ за ней“ (Томскъ).

Послѣдній источникъ, впрочемъ, объясняетъ ту, казалось бы, непонятную на первый взглядъ примитивность и скудость „психологическихъ“ выводовъ автора.

Въ самомъ началѣ своей „Психологіи“ Арк. Буховъ пытается оправдать себя:

„Авторъ сознательно (сознательно ли? Откуда?..) уклоняется отъ программы, рекомендованной для прохожденія въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній...

Еще бы! Внѣдреніе въ ученическую голову Буховской „психологіи“ навсегда выпрямило бы всѣ мозговья извилины въ головѣ ученика, и ошарашенный ученикъ съ тихимъ стономъ, быстро покатился бы въ убѣжище для людей съ навсегда расшатанной психикой.

И однако, отказываясь благоразумно отъ учениковъ, Буховъ въ другомъ мѣстѣ ничтоже сумняшея заявляетъ:

„Настоящій трудъ предлагается читателю въ качествѣ пособія для самообразования“.

Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о читателѣ, чтобы думать, что онъ поддастся на эту удочку. Нужно быть безысходнымъ идиотомъ, чтобы базировать свое самообразование на такомъ пособіи.

Нѣтъ, г. Буховъ! „Лошадь и уходъ за ней“ одно, а психологія другое. Лошади и уходу за ней не мѣсто въ храмѣ науки. Пусть лошадь уйдетъ изъ храма науки, а уходъ за ней совершить и авторъ разбираемой мною макулатуры.

Единственное достоинство Буховскаго труда— это, что авторъ отнесся къ нему серьезнѣе двухъ предыдущихъ авторовъ, избѣгая остроумничанья и „юмористики“. Читая „Буховскую Психологію“, читатель ни разу не улыбнется, а это для научнаго труда, хотя бы и столь несовершеннаго—уже шагъ впередъ.

* * *

Не мое дѣло учить и наставлять людей, запутавшихся слабыми ногами въ длинной мантии медика и психолога.

Я слишкомъ скромнень для „метра“.

Но не могу удержаться, чтобы не привести тѣхъ нѣсколькихъ строкъ изъ „Анатоміи и Физиологіи человека“, которыя я началъ еще въ то время, когда не зналъ, что эти двѣ отрасли науки будутъ выхвачены моими „товарищами“ буквально изъ подъ самаго носа.

Я, конечно, ничего не говорю, но, по моему— вотъ какъ надо писать:

ЧЕЛОВѢКЪ.

Его анатомія и физиологія. Соч. Аркадія Аверченко.

Глава I. Что такое человекъ?

Случалось ли вамъ, читатель, видѣть когда нибудь человекъ (Номо)?

Это очень любопытное существо представляетъ собою тѣло высотой до $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ аршина въ зрѣломъ состояніи, а въ незрѣломъ меньше. Ходитъ чел., какъ нѣкоторые сорта обезьянъ, на нижнихъ конечностяхъ, держа все тѣло въ вертикальномъ положеніи. Голова чел. покрыта волосами, а иногда и нѣтъ (т. н. лысые); любопытнѣе всего, что чел. не мычитъ, не ржетъ и не лаетъ, какъ всѣ другіе, а, такъ называемое, разговариваетъ. Чел. существо всеядное, отличаясь отъ свиньи (ит.—porco) лишь тѣмъ, что ѣстъ даже ее, чего она лишена (т. е. ѣстъ человекъ).

Человѣкъ любитъ умѣренный климатъ, избѣгая по возможности какъ сильныхъ морозовъ, такъ и пожаровъ своихъ логовищъ (фр. maison).

Человѣкъ раздѣляется на мужчину и женщину; мужчина, въ свою очередь, на мальчика и взрослога; потомъ, впрочемъ, это все смѣшивается.

Женщина приноситъ въ годъ не менѣе одного дѣтеныша, мужчина, —наоборотъ,

Живутъ семьями, а иногда и такъ, на холостую ногу, какъ говорится.

Женщина кормить дѣтеныша грудью, отецъ собственнымъ горбомъ, что лишній разъ доказываетъ полную полярность (словцо-то. Обратили вниманіе? Это вамъ не Тэффи)... мужчины и женщины

Вотъ тѣ нѣсколько строкъ, которыя мнѣ удалось написать, но и по нимъ виденъ тотъ по истинѣ научный разумный методъ, съ которымъ я подхожу къ человѣку.

Что-жь,—не удалось.

Мало ли насъ гибнетъ, самородковъ, молча и безропотно.

Аркадій Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Анатомія.

	Стр.
Введеніе	3
Волосы	5
Глазь	12
Ухо	19
Носъ	26
Полость рта	32

Человѣческія внутренности.

1. Почки	38
2. Печень	40
3. Сердце	41
4. Желудокъ	44
5. Кишки	48
Человѣческія внѣшности	49
Ноги	51

Физиологія.

Введеніе въ введеніе въ физиологію	57
Строеніе и живзь живого вещества	59

	Стр.
Кровь	62
Сердце	63
Сосуды	65
Дыханіе	66
Пищевареніе	68
Процессъ пищеваренія	72
Железы	72
Нервная система	73
Рефлексы	75
Дѣятельность головного мозга	75
Полушарія большого мозга	76

Органы чувствъ.

Зрѣніе	79
Слухъ	80
Мышца	81
Осязаніе	81
Вкусъ	82
Обоняніе	82

„Новое въ психологіи“.

Вмѣсто предисловія	87
Предметъ психологіи	89
Изученіе психологіи	91
Беллетристики-психологи	96
Психологи по обязанности	100
Индукція и дедукція	106
Душа животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ	111
Простыя явленія душевной жизни	117
Эгоизмъ и альтруизмъ	118
Доброта	121

	Стр.
Душевное равновѣсіе и душевная усталость	122
Скупость	128
Страхъ	132
Ревность	138
Влюбчивость	142
Хамство и пронырливость	145

Сложныя явленія душевной жизни.

1. Воспріятіе художественныхъ произведеній	149
2. Музыкальность	152
3. Воображеніе и фантазія	155
4. Стремленіе къ популярности	156

Заключеніе.

Человѣкъ	159
Глава I. Что такое человѣкъ?	167
